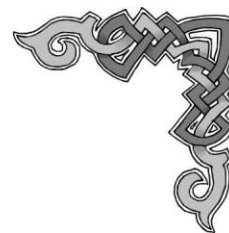




ООО «Наука и образование»



**ГУМАНИТАРНЫЕ,  
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ  
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

[www.online-science.ru](http://www.online-science.ru)

**Серия:**

**Исторические науки.**

**Культурология.**

**Политические науки.**

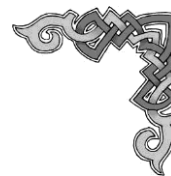


**№ 3  
2020**





ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ  
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ



Серия:  
Исторические науки.  
Культурология.  
Политические науки.

2020, № 3

(печатная версия Всероссийского научного журнала  
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки».

Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки.  
[www.online-science.ru](http://www.online-science.ru))

Основан в 2019 г.

ISSN печатной версии: [2713-1742](#) ISSN электронной версии: [2686-8350](#)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: [ЭЛ № ФС 77 - 79416 от 13.11.2020](#)

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека  
(Российский индекс научного цитирования) № 453-12/2019 от 30.12.2019 г.

**ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:**

*Попов Михаил Юрьевич* – доктор социологических наук, профессор.

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:**

*Бугаенко Юлия Юрьевна* – кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета, Кубанский государственный аграрный университет.

**ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:**

*Шелкова Елена Андреевна*

**ПЕРЕВОДЧИК:** *Шелкова Елена Андреевна*

**КОРРЕКТОР:** *Попов Михаил Юрьевич*

**УЧРЕДИТЕЛИ:**

ООО «Наука и образование»;  
ФГБОУ ВПО «Адыгейский государственный университет».

**АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:**

350049, Краснодарский край, г. Краснодар,  
ул. Красных партизан, 371, оф. 2.

Тел. (861) 226-08-65  
E-mail: [milena.555@mail.ru](mailto:milena.555@mail.ru)

**EDITOR-IN-CHIEF:**

*Mikhail Yu. Popov* - Doctor of Sociology, Professor.

**DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF:**

*Yulia Yu. Bugaenko* – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Faculty of Law, Kuban State Agrarian University.

**HEAD OF THE EDITORIAL OFFICE:**

*Elena A. Shelkova*

**FIRST:** *Elena A. Shelkova*

**CORRECTOR:** *Mikhail Yu. Popov*

**THE MURDERERS:**

*LLC «Science and Education»;*  
*FGBOU VPO «Adygeya State University».*

**ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE  
AND PUBLISHER:**

350049, Krasnodar Territory, Krasnodar, Krasnykh  
Partisan Street, 371, Fr. 2.

Tel. (861) 226-08-65  
E-mail: [milena.555@mail.ru](mailto:milena.555@mail.ru)



## РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета

*Понеделков Александр Васильевич* – Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и этнологии Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления - филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, заведующий лабораторией проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления.

Члены редакционного совета:

*Васьков Максим Александрович* – доктор социологических наук, профессор кафедры образования и педагогических наук, Академия психологии и педагогики Южного федерального университета;

*Виктор Збигнев* – доктор политологии, профессор, Вроцлавский университет, Польша;

*Волкова Полина Станиславовна* – Член Союза композиторов Российской Федерации, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и культурологии, Кубанский государственный аграрный университет;

*Гаврилова Надежда Юрьевна* – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет;

*Жаде Зуриет Анзауровна* – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории права и государства и политологии, Адыгейский государственный университет;

*Железняков Александр Сергеевич* – доктор политических наук, заместитель директора по научной работе, Институт востоковедения Российской академии наук;

*Касьянов Валерий Васильевич* – доктор исторических, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики, Кубанский государственный университет;

*Киселёва Наталья Витальевна* – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, Российской таможенная академия (Ростовский филиал);



## EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

**Alexander V. Ponedelkov** – Honored Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of Political Science, Professor, Professor of Political Science and Ethnology of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, South Russian Institute of Management – Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Head of the Laboratory of Problems of Improving Efficiency of State and Municipal Administration.

Members of the editorial Board:

**Maxim A. Vaskov** – Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Education and Pedagogical Sciences of the Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University;

**Victor Zbignev** – Doctor of Political Science, Professor, University of Wroclaw, Poland;

**Polina S. Volkova** – Member of the Union of Composers of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Sociology and Cultural Studies, Cuban State Agrarian University;

**Nadezhda Yu. Gavrilova** – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Technology, Tyumen Industrial University;

**Zuriet A. Zhade** – Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department Theories and history of law and state and political science, Adygei State University;

**Alexander S. Zheleznyakov** – Doctor of Political Science, Deputy Director for Scientific work, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences;

**Valeriy V. Kasianov** – Doctor of History, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of History of Russia, Dean of the Faculty Journalism, Cuban State University

**Natalia V. Kiselyova** – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory and History of the State and Law, Russian Customs Academy (Rostov branch);





*Кислицын Сергей Александрович* – доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления, Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;

*Ковалева Светлана Викторовна* – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, Костромской государственной университет;

*Логинова Марина Васильевна* – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии и библиотечно-информационных ресурсов, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева;

*Расказов Леонид Павлович* – Заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических, доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории и истории права и государства юридического факультета, Кубанский государственный аграрный университет;

*Старостин Александр Михайлович* – доктор политических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, директор Института междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации, Ростовский государственный экономический университет;

*Узунов Владимир Владимирович* – доктор политических наук, доцент, директор, Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

*Упоров Иван Владимирович* – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права, Краснодарский университет МВД РФ;

*Циткилов Петр Яковлевич* – доктор исторических наук, профессор кафедры социальных технологий, Южный федеральный университет;

*Чапурко Татьяна Михайловна* – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права юридического факультета, Кубанский государственный аграрный университет;

*Шефель Сергей Викторович* – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия.



*Sergey A. Kislitsin* – Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Head of the Department of Political Science and Ethnic Policy, South Russian Institute of Management, Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation;

*Svetlana V. Kovaleva* – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of Philosophy, Cultural Studies and social communications, Kostroma State University;

*Marina V. Loginova* – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Cultural Studies and Library and Formation Resources, Mordovsky State University named after N.P. Ogarev;

*Leonid P. Rasskazov* – Honored Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of History, Doctor of Law, Head of the Department of Theory and History of Law and State Faculty of Law, Cuban State Agrarian university;

*Alexander M. Starostin* – Doctor of Political Science, Professor, Honorary Worker of the Highest Professional of the Russian Federation, Director of the Institute of Interdisciplinary Studies Global processes and glocalization, Rostov State Economic University;

*Vladimir V. Uzunov* – Doctor of Political Science, Associate Professor, Director, Crimean Branch of the Federal Scientific and Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

*Ivan V. Uporov* – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of Constitutional and Administrative Law, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

*Petr Ya. Citkilov* – Doctor of Historical Sciences, Professor of Social Technology, Southern Federal University;

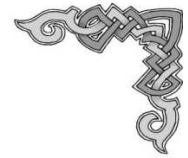
*Tatiana M. Chapurko* – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Departments of Criminal Law, Faculty of Law, Cuban State Agrarian University;

*Sergey V. Shefel* – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Affairs Disciplines, Crimean branch of the Russian State University of Justice.





## СОДЕРЖАНИЕ:



### ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аганов А.А. Внутренняя политика императора Александра I в контексте его европейской политики на начальном этапе его правления (1801-1803 гг.) .....	9
Васьков М.А. Историография истории меньшевизма на Дону в начале XX века .....	15
Ямалов А.В., Васьков М.А. Исторические аспекты формирования исламского фактора в современном абхазском обществе .....	25
Упоров И.В. Историческое познание и историческая реальность в контексте влияния государства на конструирование общественного бытия.....	33
Шандулин Е.А., Аганов А.А. Внутренняя политика императора Александра I в контексте его европейской политики после завершения наполеоновских войн (1814-1820 гг.).....	38
Штурба Е.В. Особенности сотрудничества российского государства с международными организациями в первой половине 1990-х гг.....	45

### КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Гасиев В.И., Ходякова М.С. Культура феминизма в российских СМК.....	53
Киясханов М.Х., Корсаков А.Н., Беляков С.Г., Юрчевская У.В. Предметное своеобразие аксиологической парадигмы в современной науке .....	58
Ляушева С.А., Васьков М.А., Ямалов А.В. Культурно-исторические особенности формирования современного абхазского социума .....	62
Позднякова Т.С. Семиотическое переосмысление как возможность искусствоведческого анализа живописных произведений художников Адыгеи.....	66
Самыгин С.И., Аганов А.А. Животные в мифологии и фольклоре народов мира .....	69

### ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Воронцов С.А., Керимов О.Ю. Основные перспективы развития политической системы Российской Федерации.....	77
Ерошенко Т.И. Диалектика идеологий .....	82
Исаков А.Л., Роговенко М.А. Гражданская активность как социально-политическая категория.....	87
Понеделков А.В., Максимов М.В. Классификация институтов непосредственной демократии в системе местного самоуправления .....	93
Штурба Е.В. Формирование стратегии национальной безопасности Российской Федерации в 1990-е годы .....	98



## CONTENTS:



### HISTORICAL SCIENCES

**Andrey A. Aganov**

The internal policy of Emperor Alexander I in the context of his European policy at the beginning of his reign (1801-1803).....9

**Maxim A. Vaskov**

Historiography of the history of lessism on the don in the early twentieth century ..... 15

**Alis V. Yamalov, Maxim A. Vaskov**

Historical aspects of the formation of the Islamic factor in modern abkhazian society .....25

**Ivan V. Uporov**

Historical knowledge and historical reality in the context of the influence of the state on the design of public being .....33

**Evgeny A. Shandulin, Andrey A. Aganov**

The internal policy of Emperor Alexander I in the context of his European policy after the end of the Napoleonic Wars (1814-1820).....38

**Evgeny V. Sturba**

Features of the Russian state's cooperation with international organizations in the first half of the 1990s .....45

### CULTURAL SCIENCE

**Vitaliy I. Gasiev, Maria S. Hodyakova**

The culture of feminism in Russian mass media.....53

**Magomed Kh. Kilyaskhanov, Alexander N. Korsakov, Sergey G. Belyakov, Ulyana V. Yurchevskaya**

Subject-oriented axiological paradigm in modern science .....58

**Svetlana A. Lyausheva, Maxim A. Vaskov, Alis V. Yamalov**

Cultural and historical features of the formation of the modern Abkhazian society ..... 62

**Tatyana S. Pozdnyakova**

Semiotic review as a possibility of artistic analysis of painting works of artists of Adygea .....66

**Sergei I. Samygin, Andrey A. Aganov**

Animals in the mythology and folklore of the peoples of the world.....69

### POLITICAL SCIENCES

**Sergey A. Vorontsov, Oleg U Kerimov**

Key prospects for the development of the political system of the Russian Federation.....77

**Tatiana I. Eroshenko**

Dialectic of ideologies .....82

**Artur L. Isakov, Mikhail A. Rogovenko**

Civic activism as a socio-political category .....87

**Aleksandr V. Ponedelkov, Maksim V. Maximov**

Classification of institutions of direct democracy in the system of local government.....93

**Evgeny V. Sturba**

Formation of the Russian Federation's national security strategy in the 1990s.....98

ИСТОРИЧЕСКИЕ  
НАУКИ





Аганов Андрей Анатольевич  
магистр по специальности  
«История России  
и стран ближнего зарубежья»,  
экскурсовод,  
Ростовский исторический парк  
«Россия - моя история»  
79289013427@yandex.ru

## ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I В КОНТЕКСТЕ ЕГО ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ЕГО ПРАВЛЕНИЯ (1801-1803 ГГ.)

■ ■ ■

Аннотация. Несмотря на успехи во внешнеполитических делах, внутри самой России были проблемы, которые могли рано или поздно привести к потрясениям, расшатать существующий государственный строй. В данной статье рассматривается процесс влияния европейской политики императора Александра I на внутреннюю политику Российской империи на начальном этапе его правления. Как отмечает автор, зачастую, именно европейская политика императора Александра I играла решающую роль при реализации программы реформ в Российской империи в первой четверти XIX века.

Ключевые слова: Александр I, Европа, Конституция, министерская реформа, Наполеон Бонапарт.

■ ■ ■

После вступления на престол Александра I молодой император столкнулся с многочисленными проблемами, актуальность решения которых встала перед ним со всей остротой. Очевидно было, что Россия остро нуждалась в проведении реформ, которые должны были укрепить органы государственной власти и управления, избавить страну от злоупотреблений. Главной проблемой, сдерживающий экономический рост России, было крепостное право. Второй проблемой было то, что существующие органы государственного управления не отвечали современным требованиям и нуждались в реформировании, повышении их эффективности. Неограниченная власть, сосредоточенная в руках императора, позволяла ему взять на себя эту историческую миссию, несмотря на то, что даже попытка проведения реформ могло привести к тому, что самого монарха могли убить из-за тех или иных его решений.

Александр I прекрасно знал об этих проблемах. Еще предыдущий монарх Павел I, в бытность великим князем, в записке «Рассуждения о государстве вообще, относительно числа войск, потребных для защиты оною и касательно обороны все пределов» [5, с. 105-107], которую он передал своей матери, императрице Екатерине II,

**Andrey A. Aganov**  
Master in Specialty  
«History of Russia  
and Neighboring Countries»,  
Guide,  
Rostov Historical Park  
«Russia is my story»  
79289013427@yandex.ru

## THE INTERNAL POLICY OF EMPEROR ALEXANDER I IN THE CONTEXT OF HIS EUROPEAN POLICY AT THE BEGINNING OF HIS REIGN (1801-1803)

■ ■ ■

Annotation. Despite the successes in foreign policy affairs, within Russia itself there were problems that could sooner or later lead to upheavals, to shake the existing state system. This article examines the process of the influence of the European policy of Emperor Alexander I on his domestic policy, at the initial stage of his reign. Often, it was the European policy of Emperor Alexander I that played a decisive role in the implementation of the reform program in the Russian Empire in the first quarter of the 19th century.

Keywords: Alexander I, Europe, Constitution, ministerial reform, Napoleon Bonaparte.

■ ■ ■

наследник предлагал отказаться от ведения наступательных войн и вести только оборонительные. Он, например, считал необходимым отказаться и от рекрутских наборов. Подобного мнения придерживался и Александр Павлович. В письме от 21 февраля 1796 года своему наставнику Лагарпу он пишет следующее: «Все грабят, почти не встретишь честного человека» [11, с. 112]. То есть, он также считал, что Россия стала уже сильной и ей необходимо теперь решать свои внутренние проблемы. Вполне возможно, что он верил в способность своего отца решить существующие проблемы. Но Павел I не ликвидировал злоупотребления, и в глазах общества он стал деспотом.

Павел вел неоднозначную внешнюю политику. Он вначале воевал с революционной Францией, а после прихода к власти в ней генерала Наполеона Бонапарта отношения между двумя государствами улучшились, но, при этом, испортились отношения с Великобританией. Против нее он ввел ряд ограничений (наложил арест на английские суда и товары, арестовал матросов, разрешил российским купцам не платить по долгам англичанам и др.). В конце концов, он приказал донским казакам идти походом на Британскую Индию. То есть, в любую минуту могла

начаться война с сильнейшей морской державой мира. Но 12 марта 1801 года Павел I был убит заговорщиками, и Александру, досталось тяжелое наследство.

Во время правления своего отца Александр I вокруг себя собрал молодых людей, разделявших его идеи. Они считали, что страна нуждается в реформах, которые бы позволили:

- уничтожить те или иные злоупотребления;
- ограничить самодержавную власть;
- провести административную реформу;
- создать Конституцию и др.

24 июня 1801 года прошло первое заседание «Негласного комитета», в который вошли граф П.А. Строганов, князь В.П. Кочубей, князь А. Чарторыйский и Н.Н. Новосильцев. Комитет должен был реформировать систему государственного управления Российской империи, а потом, возможно, и создать Конституцию.

Цель данного исследования – рассмотрение процесса влияния европейской политики императора Александра I на внутреннюю политику Российской империи на начальном этапе его правления. Зачастую, именно внешняя политика играла решающую роль при реализации программы реформ или, наоборот, отказе от нее. Принимаемые из-за этого решения могли играть важную роль для будущего государства уже после смерти императора.

Задачи исследования:

- 1) изучение влияния европейской политики императора Александра I на его внутреннюю политику на начальном этапе правления;
- 2) доказать на конкретных примерах, имела ли она решающее значение при реализации реформ на начальном этапе его правления;
- 3) выявление причин, которые заставили императора Александра отказаться от реформ.

При написании исследования были привлечены источники, которые можно подразделить на две группы: нормативно-правовые документы и нарративные источники. К нормативно-правовым документам мы относим следующие важные источники: указы, акты, постановления, отчеты, доклады, мирные и союзнические договора Российской империи с различными государствами. Одни из них представлены в Полном собрании законов Российской империи [12], в котором находятся различные нормативно-правовые документы, принятые в годы правления императора Александра I. Другим важным источником является Архив Государственного совета Российской империи [3].

Государственный совет появился еще в самом начале правления императора Александра I и на его заседаниях обсуждались проблемы внутренней и внешней политики государства.

Мирные договоры и союзнические обязательства, которая заключила Россия в первой четверти XIX века, находятся в таком важном сборнике, как «Внешняя политика России XIX и начала XX века [4].

Также, стоит выделить документы Комитета 6 декабря 1826 г. Он был создан уже после смерти императора Александра I по приказу императора Николая I. Он должен был рассмотреть проекты преобразования государственного управления Российской империи. В них, в частности, были обнаружены различные проекты преобразований, записки государственных деятелей, которые сообщали о тех или иных нарушениях в системе управления и о способах их устранения. Например, были найдены проекты реформ Сперанского, записки Кочубея. Эти источники были опубликованы Российским историческим обществом (далее, РИО) в конце XIX века [17]. Поднятую нами проблему историки раньше не рассматривали, то есть, специальной литературы по данной теме не существует, хотя период правления Александра I рассматривался многими учеными.

Для проведения всех необходимых преобразований необходимо было отказаться от участия в европейских делах и, в первую очередь, улучшить отношения с Великобританией. Александр I приказал донским казакам, которые отправились в поход на Индию, немедленно возвращаться обратно в Россию. При этом английская эскадра под командованием адмирала Паркера находилась в Балтийском море и угрожала России и её союзникам. Так, 02 апреля 1801 года между английским и датским флотом разгорелось морское сражение, в котором датчане потерпели сокрушительное поражение. Государственный совет был обеспокоен тем, что английской флот, вполне возможно, станет воевать и против России. На заседании Государственного совета 30 марта 1801 года [1, с. 1123] было решено усилить оборону балтийского побережья и отправить к адмиралу Паркеру П.А. Палена, который должен был вручить ему декларацию с просьбой отказаться от нападения на Ревель. 29 апреля 1801 года [1, с. 1126] Государственный совет принял решение снять эмбарго с английских судов. Но 02 мая английский флот вошел в российские территориальные воды, в связи с чем, между Россией и Великобританией могла начаться война. Ее удалось избежать. Англичане покинули российские территориальные воды. Отношения между двумя государствами постепенно стали улучшаться и 05 июня (17 июня) 1801 года была подписана Петербургская конвенция. Великобритания признала, что нейтральные державы имеют право свободной торговли, но при этом их суда могут быть ими досмотрены. Этот договор устранил противоречия между двумя державами. Угроза войны миновала.

Как можно заметить, в первые месяцы правления императора Александра I могла начаться война. Внутренние дела должны были быть отложены. Но в это время император занимается и внутренними делами. Так, 30 марта 1801 года он подписал указ о создании Непременного совета

(Государственного совета) [7, с. 598]. Это учреждение состояло из двенадцати человек - представителей знати. Совет был наделен законосовещательными функциями, и в его недрах были подготовлены проекты будущих реформ. Также, он должен был уделять большое внимание упорядочению местного управления. В нем рассматривались и внешние дела, например, отношения с Великобританией. Совет, несмотря на то, что был законосовещательным органом, имел влияние на молодого царя. Так, 02 апреля 1801 года император выпустил пять манифестов [7, с. 601-604], затрагивавших внутреннюю политику Российской империи.

Первый Манифест касался Жалованной грамоты дворянству [7, с. 601-602]. При предыдущем императоре эта грамота перестала действовать, но Александр I восстановил ее в полном объеме. Второй Манифест [7, с. 602] восстанавливал екатерининскую Жалованную грамоту городам, которая также перестала действовать при Павле I. Третий Манифест [7, с. 603] фиксировал, что император не будет вводить новых налогов без особо важных причин и разрешался свободный экспорт товаров земледелия за границу. Четвертый документ [7, с.603-604] касался Тайной экспедиции при Сенате. Это карательное учреждение самодержавия перестало существовать после выхода данного Манифеста. И пятый Манифест [7, с. 604] объявлял об амнистии. Прощались те люди, которые находились под следствием. Но амнистия не распространялась на тех, кто совершил убийства. До выхода этих документов вышли и другие, которые отменяли ряд ограничений, введенных покойным императором Павлом I.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что, несмотря на возможную войну с Великобританией, Александр I занимался и внутренними делами. Но для того, чтобы получить полную свободу действий, необходимо было подписать мирный договор с наполеоновской Францией. Павел I в конце своего правления стал союзником Первого консула Французской республики Наполеона Бонапарта, но Александр I решил отказаться от этого союза. Он хотел подписать с Францией мирный договор. Наполеон пытался выяснить намерения молодого императора и послал в Санкт-Петербург генерала Дюрока. Чарторыйский в своих мемуарах [9] пишет, что Александр был восхищен, когда увидел представителя новой Франции, и осенью 1801 года был подписан русско-французский мирный договор.

Александр и его советники получили необходимые условия для реализации своих идей, которые они обсуждали ранее. При этом император не всегда поддерживал мнение своих советников. В качестве доказательства можно привести «Мемельское свидание» с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом III и его женой, королевой Луизой в городе Мемель. Это встреча вызвала неодобрение у В.П. Кочубея, который в это время был главой российского внешнеполитического ведомства. Также, эту встречу критиковал и другой друг царя - Адам Чарторыйский.

В январе 1802 года Кочубей на заседании Негласного комитета выступил с докладом, в котором он еще раз доказывал, что Российской империи в настоящий момент лучше заниматься своими внутренними делами. Европейские государства в данный момент времени также устали от войн и не собирались в ближайшее время воевать. Исключением могла быть Франция, которая в глазах царя и его «молодых друзей» могла нарушить европейское спокойствие. В этом случае Россия должна была показать, что она в любую минуту сможет вмешаться в европейские дела и остановить Францию, но пока что, лучше соблюдать нейтралитет. К тому же, в марте 1802 года Франция и Великобритания подписали Амьенский мирный договор. Казалось, что в Европе наступил столь долгожданный мир. Но Александр I, похоже, не верил в то, что этот мирный договор будет соблюдаться обеими державами, поэтому он решил встретиться с прусским королем. Причем, российский император готовился к встрече тайно и рассказал Кочубею о том, что собирается встретиться с королем за неделю до своего отъезда из столицы. Кочубей не был рад подобному развитию событий. Стоит отметить, что еще в ноябре 1801 года он стал замечать, что император Александр ведет свою дипломатическую игру втайне от Негласного комитета.

Кочубей не мог смириться с тем, что император участвует в европейских делах и не соблюдает дипломатический нейтралитет. Поэтому в сентябре 1802 года он вышел в отставку. При этом нужно обратить внимание на то, что императора в это время интересовали и внутривнутриполитические дела. Он и его «молодые друзья» хотели провести широкомасштабные реформы, направленные на изменение социально-экономического и политического строя, а спокойная политическая обстановка в Европе, в целом, благоприятствовала проведению преобразований. До конца 1803 года продолжались заседания Негласного комитета, в ходе которых проходили ожесточенные споры между его членами по поводу реформ. К тому же, «екатерининская» знать с подозрением относилась к реформаторам. Эти люди оказывали влияние на молодого императора, поэтому, проведенные реформы, в целом, не привели к широкомасштабным изменениям, на которые надеялись молодые реформаторы. Большинство дворян были людьми консервативными и боялись потери своего влияния в случае масштабных реформ, и они вряд ли бы стали их проводниками. Реформы, которые провел император Александр в первые годы своего правления, были очень важными, но ограниченными.

10 февраля 1802 года на заседании Негласного комитета князь Адам Чарторыйский выступил с докладом, который положил начало министерской реформе. Чарторыйский обратил внимание на недостатки существующей исполнительной власти. Главными минусами он считал то, что лица, наделенные властью, не несут ответственность за принятые решения, прокурорский надзор очень слаб, и у ведомств отсутствовали законодательно утвержденные права и обязанности. Для устранения этих ошибок необходима реформа государственного управления.

08 сентября 1802 года вышел Манифест [8, с. 243-248] о создании министерств. Проект данного Манифеста создал Н.Н. Новосильцев, а члены Негласного комитета его одобрили, как и император Александр. Министры, согласно документу, возглавляли министерства. Они работали на основании созданных для них должностных инструкций, а Сенат надзирал за деятельностью министров и являлся проверяющей инстанцией.

Министерств, согласно Манифесту [8, с. 243-248], было создано восемь. Министерство состояло из министра, его помощника (товарища министра) и канцелярий. Стоит отметить, что не во всех министерствах у министра был помощник. Коллегии подчинялись министерствам, но не входили в его состав. Конечно же, нужно указать на первых министров Российской империи. Виктор Кочубей стал министром внутренних дел. Министром иностранных дел стал англоман А.Р. Воронцов. Товарищем министра иностранных дел стал Адам Чарторыйский. Министром коммерции стал Н.П. Румянцев, а министром народного просвещения П.В. Завадовский. Николай Новосильцев стал товарищем министра юстиции. Как мы можем заметить, во главе министерств были поставлены екатерининские вельможи (кроме Кочубея), а другие члены Негласного комитета становились помощниками министров. Можно отметить, что при этом отсутствовало единство среди министров и их заместителей.

08 сентября 1802 года вышел еще один важный Манифест [8, с. 241-243]. Этот документ касался работы такого важного учреждения, как Сенат. Подготовка к реформе Сената началась еще в 1801 году. Император Александр считал, что для того, чтобы устранить злоупотребления в области государственного управления нужно иметь твердое законодательство. Сенат должен был в этом деле играть решающую роль. 05 июня 1801 года вышел Указ [7, с. 692-693], который должен был укрепить положение этого важного учреждения, созданного еще Петром I. Указом от 08 сентября 1802 года Сенат получил административные, судебные и надзорные полномочия. Только император контролировал деятельность Сената. Он также наделялся правом «представления» на указы императора. Но, по факту, у Сената были только судебные функции, а его административные и надзорные полномочия были очень ограниченными. Даже воспользоваться своим правом «представления» Сенат мог только ко вновь ранее изданным ранее указам, а не новым. Министерства, по сути, не подчинялись Сенату. Несмотря на разногласия по поводу внешнеполитического курса внутри страны, был взят курс на реформы. Но одновременно в это время ухудшалась международная обстановка.

Амьенский мирный договор не соблюдался ни Великобританией, ни Францией. Обеим сторонам он был невыгоден. Англичане не хотели отдавать захваченные ими колонии, а Франция – выводить свои войска из Италии. Наполеон Бонапарт укреплял влияние Франции в Швейцарии,

Нидерландах и в Северной Италии. Он требовал от англичан очистить остров Мальта. Несмотря на то, что пункт о выводе британских войск с Мальты был в Амьенском договоре, Британия не выполняла это требование. Тогда Бонапарт решил привлечь в качестве третейского судьи российского императора Александра I, который согласился исполнить эту роль. Александр предлагал занять Мальту войсками Российской империи. Его предложение было отвергнуто. Как нам кажется, не случайным было решение Александра I вернуть А.А. Аракчеева 27 апреля 1803 года в столицу и заняться реорганизацией артиллерии. Аракчеев был назначен генерал - инспектором артиллерии и командиром лейб-гвардии артиллерийского батальона. Император ему доверял. Он знал, что Аракчеев является отличным специалистом своего дела. Он инспектировал подразделения императорской армии и пришел к выводу, что артиллерия должна стать отдельным родом войск. Для этого необходимо было создавать специальные учебные заведения и, соответственно, тратить на реализацию этого проекта больше финансовых средств.

В мае 1803 года Великобритания объявила войну Франции. Мир продержался около года. Французские войска на суше обладали преимуществом. Армия Наполеона оккупировала Ганновер, курфюрстами которого были короли Великобритании. В Южной Германии у него появились союзники в лице Баварии, Бадена, Вюртемберга. В Северной Германии он действовал путем применения силы. Это задевало российские интересы.

Договор 1801 года, который подписала Россия и Франция, также не соблюдался. Отдельной проблемой был российский посол в Париже граф А.И. Марков, который стал российским посланником в Париже в 1801 году. Этот человек был довольно хитрым дипломатом, ненавидящим Первого консула Французской республики Наполеона Бонапарта. Именно он подписал Парижский мирный договор в 1801 году, но при этом считал, что от Наполеона исходит большая угроза Европе. А.И. Марков хотел добиться разрыва отношений между Российской империей и Францией и заключения союза с Великобританией. Помимо этого, он вел себя довольно независимо для посланника. Он дерзил Наполеону, постоянно напоминал о том, что согласно Парижскому договору, сардинскому королю нужно дать территориальную компенсацию в Италии. Он не скрывал своих антифранцузских настроений. Наполеон требовал от Александра I удаления графа Маркова из Парижа. Император удовлетворил просьбу Первого консула и одновременно наградил его орденом Святого Андрея Первозванного, с которым А.И. Марков появился на последнем приеме у Наполеона в Париже. В ноябре 1803 года граф покинул Париж.

С конца 1803 года Александр I и его советники все больше стали заниматься внешнеполитическими делами. Отдав предпочтение внешней политике, император все меньше уделял время внутренним делам государства.

Франция стала большой угрозой для Европы. Император Александр не хотел крупномасштабной войны в Европе с участием Российской империи, но и позволять Франции нарушать международное право и границы европейских государств он не собирался. Советников императора также беспокоило и возможное усиление французского влияния в балканском регионе, который считался сферой интересов Российской империи. Об этом, в частности, писал и А.Р. Воронцов в своем донесении [4, с. 639]. Чарторыйский считал, что в таких условиях нужно сблизиться с Великобританией [9]. Император, скорее всего, именно тогда и стал задумываться о том, что Российской империи нужно отказаться от политики нейтралитета в европейских делах в пользу вооруженного противостояния с Францией.

В результате нестабильной обстановки в Европе внутренние дела были полностью заброшены. Император и его советники отказались в это время даже от ограниченных преобразований.

Таким образом, в первые годы своего правления император и его советники желали провести реформы в России. Для этого было необходимо отказаться от участия в европейских делах и соблюдать нейтралитет. Александр I не всегда соблюдал этот принцип, но он действительно не желал развязывать войну с Францией без веских причин. Именно Наполеон Бонапарт стал одной из причин отказа императора от проведения

#### Литература:

1. Архив Государственного совета. Том третий. Совет в царствование императора Александра I. 1801-1810 гг. Часть вторая. Тип. второго отделения собственной канцелярии. 1878. 670 с.
2. Архив Государственного Совета Российской империи. URL : <https://runivers.ru/lib/book7656/> (дата обращения 17 марта 2021).
3. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Рос. м-ва иностр. дел / М-во иностр. дел СССР, Комис. по изд. дипломат. документов при МИД СССР; Д-р экон. наук А.А. Громыко (пред.) [и др.]. М. : Госполитиздат, 1960. 27 см.
4. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Рос. м-ва иностр. дел / М-во иностр. дел СССР, Комис. по изд. дипломат. документов при МИД СССР; Д-р экон. наук А.А. Громыко (пред.) [и др.]. М. : Госполитиздат, 1960. 27 см. Серия 1. 1801-1815. Т. 1: Март 1801 г. - апрель 1804 г. / Ред. коллегия: А.Л. Нарочницкий (отв. ред.) [и др.] 1960. 800 с. Серия 1. 1801-1815, Т. 1: Март 1801 г. - апрель 1804 г. / Ред. коллегия: А. Л. Нарочницкий (отв. ред.) [и др.]. 1960. 800 с.
5. *Кобеко Д.Ф.* Цесаревич Павел Петрович. Историческое исследование Дмитрия Кобеко. СПб. : типография В. Грацианского, 1882. 384 с.

преобразований в Российской империи. Их можно было провести позже, после разгрома Наполеона.

Внешняя политика императора Александра I на начальном этапе его правления очень сильно влияла на его внутривластный курс. Эту статью хочется завершить отрывком из воспоминаний Адама Чарторыйского: «Но эту пассивную систему мира и покоя, избранную графом Кочубеем, систему, к которой канцлер присоединил самоуверенность и чувство собственного достоинства, было трудно поддерживать. Страна, привыкшая к постоянным успехам Екатерины и к скачкам Павла, не могла довольствоваться второстепенной и незначительной ролью, даже если бы это и обеспечивало ей долгое и непрерывное внутреннее благополучие. К тому же, на мой взгляд, политика великой державы не должна быть ни пассивна, ни безразлична. Ее целью не может служить забота лишь о собственных интересах, при полном равнодушии к задачам общего блага. Такое узкое понимание политических задач привело бы к неподвижности и обесцениванию внешней политики, к неизменному ограничению ее круга одними домашними делами, что не согласовалось бы с сознанием своего могущества и с стремлением к благородной славе» [9]. Как мы видим, Чарторыйский понимал, что ту систему, которой придерживался император, невозможно было реализовать в существующих условиях.

#### Literature:

1. Archive of the State Council. Volume three. Advice in the reign of Emperor Alexander I. 1801-1810. Part two. Printing house of the second branch of the own office. 1878. 670 p.
2. Archive of the State Council of the Russian Empire. URL : <https://runivers.ru/lib/book7656/> (date of application March 17, 2021).
3. Foreign policy of Russia of the XIX and early XX centuries. [Text]: Documents Ros. Mr. Foreign. Foreign Minister. Affairs of the USSR, Komis. by ed. diplomat. documents under the Ministry of Foreign Affairs of the USSR; Dr. Econ. sciences A.A. Gromyko (pre.) [et al.]. M. : Gospolitizdat, 1960. 27 p.
4. Russian foreign policy of the XIX and early XX centuries. Documents Grew. Mr. Foreign. Foreign Minister. Affairs of the USSR, Komis. by ed. diplomat. documents under the Ministry of Foreign Affairs of the USSR; Dr. Econ. sciences A.A. Gromyko (before) [et al.]. M. : Gospolitizdat, 1960. 27 p. Series 1. 1801-1815. Vol. 1: March 1801 - April 1804 / Ed. college: A.L. Narochnitsky (ed. ed.), etc. - 1960. 800 p. Series 1. 1801-1815, vol. 1: March 1801 - April 1804 / Ed. college: A.L. Narochnitsky (ed. ed.), etc. 1960. 800 p.
5. *Kobeko D.F.* Tsesarevich Pavel Petrovich. Historical study of Dmitry Kobeko. SPb. : printing house V. Graziansky, 1882. 384 p.

6. Полное собрание законов Российской империи. URL : [http://nlr.ru/e-res/law\\_r/content.html](http://nlr.ru/e-res/law_r/content.html) (дата обращения 17 марта 2021).

7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 26 (1800-1801). URL : [http://nlr.ru/e-res/law\\_r/search.php?part=118&regim=3](http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=118&regim=3) (дата обращения 17 марта 2021). 873 с.

8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 27 (1802-1803). URL : [http://nlr.ru/e-res/law\\_r/search.php?part=123&regim=3](http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=123&regim=3) (дата обращения 17 марта 2021). 1120 с.

9. Мемуары князя Адама Чарторыйского. URL : [http://az.lib.ru/c/chartoryjskij\\_a\\_j/text\\_0020.shtml](http://az.lib.ru/c/chartoryjskij_a_j/text_0020.shtml) (дата обращения 17 марта 2021).

10. Сборник Русского исторического общества. Том девяностый. URL : <https://runivers.ru/lib/book9408/483976/> (дата обращения 20 марта 2021).

11. Шильдер Н.К. Александр I. Его жизнь и царствование. СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1897. Т. 1. 496 с.

6. Complete collection of laws of the Russian Empire. URL : [http://nlr.ru/e-res/law\\_r/content.html](http://nlr.ru/e-res/law_r/content.html) (date of application March 17, 2021).

7. Complete collection of laws of the Russian Empire. The meeting is the first. Ph. 26 (1800-1801). URL : [http://nlr.ru/e-res/law\\_r/search.php?part=118&regim=3](http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=118&regim=3) (date of application March 17, 2021). 873 p.

8. Complete collection of laws of the Russian Empire. The meeting is the first. Ph. 27 (1802-1803). URL : [http://nlr.ru/e-res/law\\_r/search.php?part=123&regim=3](http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=123&regim=3) (date of application March 17, 2021). 1120 p.

9. Memoirs of Prince Adam Czartoryski. URL : [http://az.lib.ru/c/chartoryjskij\\_a\\_j/text\\_0020.shtml](http://az.lib.ru/c/chartoryjskij_a_j/text_0020.shtml) (date of application March 17, 2021).

10. Collection of the Russian Historical Society. Volume nineties. URL : <https://runivers.ru/lib/book9408/483976/> (date of application March 20, 2021).

11. Schilder N.K. Alexander I. His life and reign. SPb. Type. A.S. Suvorina, 1897. Vol. 1. 496 p.

Васьков Максим Александрович  
доктор социологических наук,  
кандидат исторических наук,  
профессор кафедры  
образования и педагогических наук,  
Южный федеральный университет  
vaskovmaxim@mail.ru

## ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ МЕНЬШЕВИЗМА НА ДОНУ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. История меньшевизма стала объектом исследований отечественных историков в контексте истории социал-демократического движения в до-революционной России. По идеологическим причинам в нашей стране в советское время отношение к меньшевизму среди советских историков было негативно критическим, и только, начиная с конца 1980-х гг. и по настоящее время, исследователи получили доступ к архивным материалам, а также, к мемуарам лидеров этого крыла РСДРП и к работам на эту тему, опубликованным за рубежом. Автор в данной публикации проводит анализ историографии меньшевистского движения на Дону накануне Первой русской революции.

Ключевые слова: российская социал-демократия, большевики, меньшевики, Первая русская революция, рабочее революционное движение, историография.

Донские социал-демократические организации, как меньшевистские, так и большевистские, являлись неотъемлемой частью РСДРП, поэтому их историю необходимо рассматривать на фоне исторических процессов, происходивших в центральных органах партии с учетом достижений отечественной и зарубежной исторической науки.

Перед тем как перейти к рассмотрению творчества историков, занимавшихся изучением деятельности донских социал-демократических организаций, необходимо хотя бы коротко рассмотреть основные работы, созданные в российской и зарубежной исторической науке, в которых рассматривается феномен меньшевизма. Это, прежде всего, работы С.В. Тютюкина, В.В. Шелохаева, В.Х. Тумаринсона, Н.А. Казаровой, А.П. Логунова [1-5]. В них дан исчерпывающий анализ истории политического феномена, получившего название меньшевизм. Этими авторами была показана идеологическая эволюция различных течений, существовавших в меньшевистской фракции на различных этапах его истории, рассмотрена роль лидеров меньшевистской фракции в русской политической истории.

**Maxim A. Vaskov**  
Doctor of Sociological Sciences,  
Candidate of Historical Sciences,  
Professor of the Department  
Education and Pedagogical Sciences,  
Southern Federal University  
vaskovmaxim@mail.ru

## HISTORIOGRAPHY OF THE HISTORY OF LESSISM ON THE DON IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

Annotation. The history of Menshevism became the object of research by domestic historians in the context of the history of the social-democratic movement in pre-revolutionary Russia. For ideological reasons in our country in Soviet times, the attitude to Lessvisom among Soviet historians was negatively critical, and only from the late 1980s and now researchers have gained access to archival materials, as well as to the memoirs of the leaders of this wing of the RSDLP and to works on this topic published abroad. The author in this publication analyzes the historiography of the Little Movement on the Don on the eve of the first Russian Revolution.

Keywords: Russian social democracy, Bolsheviks, Mensheviks, First Russian Revolution, working revolutionary movement, historiography.

Здесь необходимо особо отметить обобщающую работу С.В. Тютюкина, в которой дана картина истории меньшевизма за всё время его существования как политической силы. На конкретных примерах из политической жизни показана сложная и противоречивая история взаимоотношений двух направлений российской социал-демократии, представленных большевистской и меньшевистской фракциями. Автор показывает, что обе фракции РСДРП, имея главных идеологов, в то же время, продолжали оставаться внутренне не стабильными, и периодически возникавшие спорные мировоззренческие, стратегические и тактические вопросы вызывали противоречия между ведущими фракционными идеологами, центральными и местными партийными организациями, легальными и подпольными группами, «ветеранами» и новыми партийными работниками.

Работы указанных авторов были написаны в 1990-е и начале 2000-х годов без идеологического контроля и с привлечением широкого круга ранее недоступных исторических источников. Эти издания позволили понять суть меньшевизма как политического явления и в значительной степени облегчили разработку материала, каса-

ющегося деятельности донских меньшевистских групп и выявления чисто региональной специфики в работе местных партийных организаций, её отличий от политической линии руководящих фракционных центров.

Работы зарубежных историков JI. Хеймсона, Э. Карра, А. Улама, JI. Шапиро, В.Б. Шарлау и З.А. Земана (W.B. Scharlau, Z.A. Zeman) дополняют информацию, содержащуюся в книгах российских авторов, они подробно рассматривали перипетии межфракционной борьбы и процесс формирования характерной для русских социал-демократов «политической культуры». Зарубежные авторы, как правило, заостряют внимание на изначально существовавшей, по их мнению, психологической несовместимости между большевиками и меньшевиками. При этом они в меньшей степени разрабатывали материалы, касающиеся деятельности региональных социал-демократических организаций. С их деятельностью они знакомились по написанным через значительное время воспоминаниям меньшевиков, которые создавались в принципиально новой исторической обстановке и под впечатлением от жесткой политической практики большевиков. Указанные труды, принадлежащие как отечественным, так и зарубежным и эмигрантским авторам, необходимы, прежде всего, для того, чтобы понять ход истории российской социал-демократии и то место, которое в ней занимали местные социал-демократические организации. В книге немецких исследователей, кроме исследования биографии выдающегося деятеля РСДРП А. JI. Гельфанда-Парвуса, опубликован интересный документ, содержащий оценку революционных событий 1905 года на юге России (в том числе, и в Области войска донского), данную этим выдающимся революционером. Фигура А. JI. Гельфанда-Парвуса представляет интерес ещё и в том плане, что он смог сочетать революционный радикализм с принадлежностью к меньшевистской фракции, что, как будет показано в данном исследовании, во многом соответствовало тактике действий и психологическому складу большинства донских меньшевиков, особенно во время революции 1905-1907 гг.

Уже сама историография меньшевизма настолько многообразна и объёмна, что стала предметом научного анализа. Интересная работа на эту тему принадлежит российскому историку И.Х. Урилову [6-9], который смог детально проанализировать и обобщить практически весь массив исследовательской литературы, относящейся к истории меньшевиков, который выходил у нас в стране и за границей. В качестве исследования историографии проблемы нельзя не отметить ценные работы М.И. Смирновой [10], С.В. Тютюкина [11-12] и В.Х. Тумаринсона [3].

С.В. Тютюкин считает, что в силу существовавшей в СССР идеологической парадигмы, отечественные историки при всём желании не могли дать истории меньшевизма не только взвешенную теоретическую оценку. С.В. Тютюкин, анализируя положение советской историографии меньшевизма, приводит сведения, касавшиеся протеста ряда историков против традиционных

подходов к изучению истории меньшевиков и добивавшихся хотя бы расширения источниковой базы проблемы. Однако до конца 1980-х годов эти протесты оставались безрезультатными. По мнению С.В. Тютюкина, новый этап в историографии меньшевизма начался после 1989 года, когда появилась возможность открыто изучать меньшевистскую тему без привычных идеологических клише.

Большой интерес представляет мнение В.Х. Тумаринсона [3]. Он подчеркивает революционный характер движения меньшевиков, которые только в эмиграции и после довольно продолжительной идеологической полемики перешли на позиции реформизма, и, в свете этого, он рассматривает историю фракционных взаимоотношений.

М.И. Смирновой была высказана интересная точка зрения о радикальном и революционном характере политики меньшевиков, не допускавшей реформистских тенденций. По её мнению, ситуация начала меняться лишь после поражения Первой русской революции, когда накопилась «критическая масса» разногласий с большевиками, сделавшая для них дальнейшее существование в рамках одной партии невозможным [10].

Представить обстановку, в которой приходилось действовать меньшевикам, прояснить их идеологию и политическую практику и на её фоне выявить особенности политики донских меньшевиков помогли исторические и мемуарные работы, принадлежавшие перу Ю.О. Мартова [13-16], в которых он выступил одновременно как мемуарист-очевидец событий и историк-исследователь. Если на момент издания книги «Общественное движение в России», речь ещё шла о единой партии, и попытки рассмотреть существовавшие разногласия между большевиками и меньшевиками предпринимались под этим углом зрения, то в более поздних работах Ю.О. Мартов мог, уже не стесняя себя цензурными ограничениями, обобщить историю русской социал-демократии, завершившуюся к концу его жизни приходом к власти её радикального большевистского крыла.

Отдельно необходимо отметить работы русских историков-эмигрантов генерала А.И. Спиридовича [17] и С.Г. Сватикова [18]. Книга известного донского историка и политического деятеля С.Г. Сватикова «Россия и Дон» является единственным вышедшим в эмиграции исследованием, в котором говорилось непосредственно об истории донских социал-демократических организаций. При написании глав, посвященных политической истории Дона начала двадцатого века, С.Г. Сватиков выступает не только как историк, но и как активный и хорошо информированный участник этих политических событий, хотя этот же фактор накладывает на его исследование субъективный отпечаток. Изучая книгу «Россия и Дон», нельзя забывать о том, что С.Г. Сватиков, сотрудничавший в начале девятисотых годов с РСДРП, затем разочаровался в социал-демократической идеологии и политической практике. Это не могло не оказать своего



влияния и на его исследование. К тому же, С.Г. Сватиков, находясь в эмиграции, вынужден был писать главы, посвященные политической истории Дона, опираясь на источники, представленные, главным образом, печатными изданиями, и на свою память. У него не было доступа к оставшимся в Советском Союзе документам полицейских органов, в которых был собран основной материал, касавшийся деятельности донских социал-демократов, а также, к написанным позднее воспоминаниям большевиков и источникам, авторами которых были меньшевики. Исследование С.Г. Сватикова представляет интерес, прежде всего, в том аспекте, что оно является интерпретацией исторических событий, исходящей от представителя левой либеральной интеллигенции, хотя, с другой стороны, как было отмечено выше, это является и его недостатком. С.Г. Сватиков, первым поставил вопрос о месте социал-демократов среди других оппозиционных и революционных организаций, действовавших на территории Донской области.

Работа А.И. Спиридовича интересна, прежде всего, тем, что её автор, являвшийся высокопоставленным офицером политической полиции империи, рассмотрел политику центрального руководства обеих фракций РСДРП по отношению к местным партийным комитетам на протяжении всей истории партии от её появления и до прихода к власти её большевистской фракции. В его работе рассмотрена политика «профессиональных революционеров» (А.И. Спиридович считал, что подавляющее большинство руководителей «Искровских» организаций являлись интеллигентами - М.В.) по отношению к, привлекаемым к участию в деятельности местных социал-демократических организаций, рабочим.

Основной массив исследовательской литературы, в которой рассматриваются различные аспекты истории донских меньшевистских организаций, был создан в рамках советской историографии. Творцами официальной версии истории донских социал-демократических организаций, которую затем без существенных изменений приняли, работавшие в более позднее время, советские историки, стали непосредственные участники революционных событий - донские большевики.

Работы, написанные советскими историками, можно классифицировать по хронологии их создания, а также - по изменениям, происходившим в проблематике исследований и источниковой базе. В целом, работы советских авторов нельзя считать объективными из-за существовавших идеологических установок, в рамках которых должны были проводиться исторические исследования. Особенно это сказывалось в отношении меньшевиков, им давалась исключительно негативная оценка. Меньшевизм рассматривался исключительно как оппортунистическое течение в РСДРП, а сами меньшевики считались сознательными предателями интересов пролетариата. Эта оценка основывалась как на общеполитических установках, исходивших от центральных органов коммунистической партии, так и от членов донских социал-демократических

организаций - большевиков. Такое отношение к деятельности меньшевиков было характерно для всех советских авторов. Принцип классификации исторических работ проводился с учетом происходивших в Советском Союзе политических процессов: сталинских чисток, последующих кампаний по развенчанию «культы личности», а затем - частичного отказа от её результатов, которые, несомненно, сказывались на работах по истории большевистской партии. Однако идеологические установки, касавшиеся освещения деятельности представителей меньшевистской фракции, оставались неизменными. Исходя из этих соображений, исторические работы, изданные в советский период, будут классифицированы по времени их написания:

Первый период - от начала 1920-х гг. до 1930-х годов.

Ко второму относятся исследования, написанные в период времени от начала 1930-х годов до 1941 года.

В рамках третьего периода нужно рассматривать исследования, написанные после окончания Великой Отечественной войны и до 1956 года.

Четвертый период - с 1956 года и до конца 1980-х гг. Несмотря на сохранившуюся расстановку акцентов в освещении деятельности донских меньшевиков, в это время в научный оборот были в большом количестве введены архивные источники, недоступные для историков в предыдущие периоды. Проходившие в стране политические кампании не оказали существенного влияния на региональную партийную историографию.

Пятый период датируется с начала 1990-х годов, когда начинается современный этап в историографии политических партий Донского края.

В первом периоде происходил процесс накопления и классификации исторических источников, относящихся к истории донских социал-демократических организаций. Эта работа осуществлялась под общим руководством комиссии по истории партии при краевом комитете ВКП(б). В это время собираются и начинают публиковаться воспоминания участников революционных событий, классифицируются сохранившиеся листовки местных партийных организаций, их периодические издания. Однако в центре внимания находится лишь большевистская фракция, задаётся тенденциозная и идеологизированная оценка деятельности меньшевиков, которая будет господствовать на протяжении всего советского периода отечественной истории. Меньшевики рассматривались исключительно как предатели интересов рабочего класса и «согласатели» с буржуазными, контрреволюционными партиями. Большевики же рассматривались в качестве единственных руководителей революции и борцов с самодержавием. В хронологических рамках этого периода издавались исторические журналы и сборники документов, касавшиеся истории местных организаций большевистской партии [19-20]. В это время делают первые по-

пытки собирания материалов по истории социал-демократической партии следующие историки: А.Ф. Головняк, К.В. Губарев, Ким Зеленский, А. Ельницкий, А.Т. Водолазский, В. Толмачев [21-22].

Ко второму периоду необходимо отнести работы следующих авторов, начавших свой творческий путь ещё в двадцатые годы XX века: Я.Н. Раенко, А.Ф. Головняк, К.В. Губарева, Кима Зеленского, А. Ельницкого, А.Т. Водолазского, В. Толмачева [23-25]. Большинство исторических трудов этого периода времени ограничивались изучением истории социал-демократических организаций, действовавших в отдельных районах области. Объектом изучения являлись попытки представителей большевистской фракции возглавить революционное движение в донских социал-демократических организациях. Другим направлением в историографии этого периода времени было изучение крупных политических событий, относящихся к революции 1905-1907 года, и той роли, которую в них играли большевики. Деятельность меньшевиков рассматривалась в контексте истории большевиков, с продиктованной господствовавшей идеологией резко негативной оценкой.

К третьему периоду необходимо отнести работы: В.П. Семернина [26-27], Ю.И. Серого [28-29], Б.Г. Вакуленко, В.С. Панченко, В.А. Золотова [30-31]. В них наблюдается рост интереса исследователей к рабочему движению времен упадка революционной активности и её нового подъёма. Хотя для исследователей по-прежнему были наиболее популярны сюжеты, связанные с историей первой русской революции и рабочим движением, в 1948 году группой авторов, в которую входили М.Н. Корчин, Я.Н. Раенко и П.В. Семернин, были написаны «Очерки большевистских организаций на Дону». Это издание представляет интерес именно как первая попытка дать обобщающую оценку деятельности донских большевистских организаций, история которых отсчитывалась от времени появления на Дону первых марксистских кружков и до установления советской власти. Однако существовавшая в стране на момент издания этой книги политическая обстановка и практически полное отсутствие независимых от большевистской точки зрения исторических источников лишает это издание какой-либо научной ценности, хотя оно остается весьма любопытным «документом эпохи».

П.В. Семернин, помимо участия в коллективных работах и составлении сборников документов, написал монографию, в которой он исследовал революционные события 1905 года в Ростове-на-Дону и рабочее движение в 1905-1907 гг. на территории Азово-Черноморского края и Северного Кавказа. Несмотря на использование идеологических клише, П.В. Семернин смог показать, что местные социал-демократические организации, за исключением Таганрогской, ориентировались на Донской комитет РСДРП, но при этом он везде подчеркивал руководящую роль большевиков.

Работа Ю.И. Серого, несмотря на то, что была представлена к защите в 1950 году, содержит ценный фактический материал, касающийся роли рабочих Владикавказской железной дороги в истории Первой русской революции. Эту проблему автор изучал, в основном, на материале республик Северного Кавказа, лишь эпизодически касаясь событий, происходивших в Донской области. Из сюжетов, имевших отношение к Ростовской области, Ю.И. Серый рассматривал роль в революционных событиях рабочих мастерских Владикавказской железной дороги, деятельность Совета рабочих депутатов Ростова и Нахичевани-на-Дону и связи, существовавшие между боевыми организациями, действовавшими на протяжении дороги. Особый интерес представляет описание Ю.И. Серым работы Совета, он дает о нём добротный очерк, в котором приводятся достаточно интересные факты, но при этом он уклоняется от того, чтобы приписать руководство Ростово-Нахичеванским Советом большевикам. Основное внимание Ю.И. Серый сосредоточил на тех организациях, которые были чисто большевистскими.

В рамках четвёртого периода нужно, прежде всего, отметить труды Е.И. Демешиной [32-35], В.А. Золотова [36-38], В.С. Панченко, В.П. Ядрицова, Е. В. Ахмадулина, И.В. Ярового.

Работы Е.И. Демешиной охватывают историю рабочего движения в значительном хронологическом промежутке с 1900 по 1914 год. Е.И. Демешина занималась изучением процессов, происходивших в рабочей среде в контексте истории донских большевиков. Главной задачей исследователя в рамках существовавшей идеологической схемы было показать постепенный рост влияния большевиков на рабочие массы, в то время как меньшевики стремились за их счет договориться с буржуазными партиями и фактически предать интересы пролетариата. Однако, несмотря на это, Е.И. Демешиной был собран впечатляющий объем фактических и статистических данных о различных формах протеста против существовавшей общественно - политической системы, в которых донские рабочие принимали участие. Эти данные не потеряли своей научной актуальности и в настоящее время. В отношении собственно истории донских организаций РСДРП Е.И. Демешина рассматривала только деятельность большевиков, по отношению к меньшевикам ею давались лишь неизбежные в тот период идеологические оценки. Но, несмотря на это, собранный Е.И. Демешиной фактический материал оказывает значительную помощь исследователям при изучении происходивших исторических событий.

В.А. Золотов занимался изучением крестьянского движения на Дону в период революции 1905-1907 гг. До него история революционной пропаганды среди донских крестьян специально не рассматривалась. В этом отношении автор проделал значительную работу по исследованию практически не изученной темы, выявил и ввёл в научный оборот ряд важнейших источников. Наиболее подробно В.А. Золотов изучил деятельность крестьянской группы при Донском ко-

митете РСДРП, в работе которой видное положение занимали большевики. Он рассмотрел, в чем конкретно выражалась их работа среди крестьян, кто из партийных работников ей непосредственно занимался, и в каких конкретно формах она выражалась. Историю революционного движения среди донских крестьян В.А. Золотов рассматривал на фоне происходивших в их среде социальных процессов, вызванных неполноправным по отношению к привилегированному казачеству положением крестьян и экономическими кризисами. При этом В.А. Золотов оставил вне сферы своих исследований вопросы, связанные с работой самостоятельных социал-демократических групп среди казаков, которыми руководили меньшевики. Для В.А. Золотова было важно показать преемственность крестьянских движений на Дону, начиная от восстаний 17-18 вв. Этому посвящена его совместная работа с А.П. Пронштейном.

Историк П.Г. Попов дополнил сведения В.А. Золотова ценным статистическим материалом, касавшимся крестьянского движения, но принципиально новых теоретических выводов в его работе не было. В соавторстве с Е.И. Демешинной В.А. Золотов написал книгу, где рассматривался ход Первой русской революции на Дону. В ней он написал главы, посвященные крестьянскому движению. Однако по сравнению с более ранними работами этих авторов в рассматриваемой монографии принципиально новых сведений не было.

В.С. Панченко в своих исследованиях касается развития рабочего движения. История РСДРП в них затрагивается лишь в той степени, в какой это было необходимо для того, чтобы проиллюстрировать роль большевиков в восстановлении рабочего движения в период нового революционного подъема. Эта публикация важна, прежде всего, тем, что в ней приводятся интересные фактические данные, позволяющие проследить динамику рабочего движения. В дальнейшем эта тема в рамках советской историографии развивалась Е.И. Демешинной.

В контексте истории рабочего движения на территории всего Северного Кавказа вопросы, касавшиеся деятельности рабочих Донского края, рассматривались М.Ш. Шигабудиновым. В своих работах он пытался показать динамику развития рабочего движения на материале всего северокавказского региона, уделяя основное внимание организациям, которыми руководили исключительно большевики, не вдаваясь в подробности при анализе действий меньшевиков. Этот приём довольно часто использовался советскими историками, которые стремились обойти достаточно «опасную» меньшевистскую тему.

Давая общую оценку этого периода в историографии исследуемой темы, необходимо отметить, что здесь наблюдается значительное расширение тематики исследований и их источниковой базы, появляются обобщающие научные работы, в которых охватывается весь период существования большевистских организаций на Дону. Здесь необходимо провести отдельный

анализ наиболее значимой обобщающей работы, созданной в рамках советской историографии: «Очерков по истории партийных организаций Дона». Для данного исследования интерес представляет первый том очерков, в котором история донских социал-демократов рассматривается в период с 1898 по 1920 годы. Фактически, «Очерки» представляют собой официальную версию событий с точки зрения советской историографии. В подготовивший «Очерки» авторский коллектив входили следующие историки: Е.И. Демешина, Г.В. Малашенко, П.В. Семернин (он также осуществлял общую редакцию), М.П. Семернина, Ю.И. Серый, В.С. Панченко, К.А. Хмелевский, Я.Н. Раенко. Практически все члены, работавшего над написанием «Очерков» авторского коллектива, начинали свою научную карьеру в разные исторические периоды, и их совместную работу можно расценивать как синтез научных знаний, накопленных советской историографией, начиная со второй половины 1920-х годов до середины 1970-х гг. Главной отличительной чертой «Очерков» является то, что в них на высоком научном уровне была принята попытка представить целостную картину развития РСДРП от момента появления в Донской области первых марксистских организаций до времени установления советской власти в рамках существовавшей на момент создания этой работы идеологических установок. В «Очерках», по сравнению с предыдущими работами по истории местных партийных организаций, налицо значительное расширение источниковой базы и проблематики исследования. Так, например, были широко использованы мемуары меньшевиков С.И. Гурвича и Е. Смелова (Когана). В рамках продолжавшей оставаться господствующей марксистско-ленинской идеологии «Очерки» представляли собой пример высокопрофессиональной обработки фактического материала. Однако в них доминировала главная черта, характерная для всей советской историографии, когда донские меньшевики рассматривались фрагментарно и исключительно в тени истории большевиков, сохранялась в полной мере. История донских большевиков рассматривалась в следующие хронологические периоды: от завершения работы второго съезда РСДРП и до начала Первой русской революции, их участие непосредственно в революционных событиях 1905-1907 гг., деятельность большевиков в годы реакции 1907-1910 гг. и нового революционного подъема 1910-1914 гг. «Очерки» представляют ценность, прежде всего, тем, что детальное изучение политической деятельности большевиков, уточнение их персонального состава в значительной степени облегчает определение проблемных вопросов, вызывавших наибольшие трения между представителями фракций РСДРП.

История донской печати анализировалась в совместных работах историков Е.В. Ахмадулина и И.В. Ярового [39-42]. Они стремились проследить развитие всего идеологического спектра печатных изданий, выходивших в пределах Донской области в 1905-1907 гг., понимая термин «печать» в самом широком смысле. В частности, наряду с традиционными видами периодических

изданий – газетами и журналами, в качестве «печати» они рассматривали также листовки, издававшиеся Донским комитетом и другими социал-демократическими организациями. В свете темы нашего исследования интерес представляют две главы труда Ахмадулина и Ярового, касающиеся социал-демократических листовок и буржуазно-демократической журналистики. Указанные авторы практически были первыми, кто в советской историографии попытался проанализировать попытки представителей донских социал-демократических организаций наладить контакт с леволиберальной газетой и издательством «Донская речь». Им удалось достаточно убедительно показать, что эта газета, в силу своей ярко выраженной оппозиционной направленности и внимания к проблемам рабочих, пользовалась в их среде значительным авторитетом и облегчала члену РСДРП ведение революционной пропаганды. Однако в силу существовавших в середине 1980-х годов идеологических предписаний и недоступности целого ряда важных источников им не удалось проследить динамику взаимоотношений между социал-демократами и «Донской речью», а также те причины, которые свели это сотрудничество на нет. Из-за указанных обстоятельств анализируемая работа не отличается и фактической насыщенностью. Рассматривая издаваемые Донским комитетом листовки,

Е.В. Ахмадулин и И.В. Яровой неверно приписывали все радикально революционные идеи исключительно большевикам. Также, преувеличенным представляется то значение, которое авторы придают «Известиям Совета рабочих депутатов Ростова и Нахичевани-на-Дону», они считают их организаторами народных масс вокруг революционных штабов. Однако анализ содержания «Известий» выявляет их функцию кратких информационных бюллетеней, отчасти, дополнявших листовки Донкома, но не более того. «Известия» были важны, скорее всего, просто фактом своего существования, доказывая дееспособность и активность Совета, а не их содержанием. Отдельные вопросы, касающиеся истории прессы РСДРП на Дону, были рассмотрены и в публикациях И.В. Ярового, прояснявших детали событий, связанных с доставкой большевистской прессы в Донскую область, и историей печати в северо-кавказском регионе [41-42].

Давая общую оценку советской историографии, необходимо отметить, что в её рамках был, в основном, определён круг научных проблем, решение которых, по мнению советских авторов, было необходимо для понимания истории донской социал-демократии. Эти проблемы касаются определения руководящей роли фракций РСДРП в происходивших исторических событиях, соотношение их сил. Данная проблема рассматривалась в контексте рабочего движения, революционных событий 1905-1907 гг., эпохи реакции и нового революционного подъёма. В принципе, большинство поднятых советскими историками вопросов сохраняют свою актуальность и сейчас. Однако эти попытки нельзя признать полностью удачными в силу того, что су-

ществовала, изначально заданная идеологическая программа, которой должны были соответствовать выводы исследователей. Особенно это касалось вопросов, связанных с межфракционной полемикой, ролью фракций РСДРП в политической жизни Донского края и в рабочем движении.

Для современного периода историографии по-прежнему характерно отсутствие обобщающих исследований, касающихся истории донских социал-демократических меньшевистских организаций. Хотя, именно в нём, после того, как исчез идеологический контроль со стороны коммунистической партии, наблюдается всплеск интереса к истории политических партий. Отдельные вопросы, касающиеся донских меньшевиков, рассматриваются в контексте истории других политических организаций, действовавших на территории Донской области. В этом отношении наибольший интерес представляет исследование К.В. Кудряшова. В нём ставится вопрос о борьбе между различными политическими партиями за влияние на рабочий класс в территориальных рамках трёх областей Северного Кавказа: Донской, Кубанской и Ставропольской. Однако автор практически не уделяет внимания выяснению позиций фракций РСДРП, действовавших на Дону, при решении различных политических вопросов.

Необходимо проанализировать работы В.Б. Бархударяна и М.А. Гонтмахера, в которых рассматривается участие в политической жизни Донской области представителей армянской и еврейской общин. В главе, посвященной исследованию социально-политической борьбы и истории армянской колонии в революционном движении до 1917 года, В.Б. Бархударян [43] рассматривает участие армянской интеллигенции и учащейся молодёжи в работе революционных партий. По его мнению, участие представителей армянской диаспоры в деятельности революционных партий, не выражавших национальные интересы армянского народа, в частности РСДРП, не было сколько-нибудь заметным. На взгляд В.Б. Бархударяна, Нахичевань была важным армянским центром со своей интеллигенцией и национально-политическими задачами и идеалами, что препятствовало сближению с действовавшими на Дону революционными партиями. Из-за начавшейся в 1905 году вражды между армянскими партиями Дашнакцутюн и Гнчак и РСДРП не удалось наладить сотрудничество даже при решении чисто технических вопросов, несмотря на благоприятную для этого ситуацию в декабре 1905 года. Более активно на сотрудничество с социал-демократами шли представители армянской учащейся молодёжи, но при этом они, как правило, отдалялись от своей национальной среды.

Попытка рассмотреть революционные события на Дону с точки зрения еврейской национальной группы представлена в работе М.А. Гонтмахера [44]. Автор, не являющийся профессиональным историком, тем не менее, даёт интересный очерк истории донских евреев. По отношению к политической истории Донского края М.А. Гонтмахер

пытается определить, кто из представителей еврейской общины сыграл в ней наиболее выдающуюся роль. В истории донских организаций РСДРП он выделяет роль следующих политических деятелей-евреев: С.И. Гусева (Драбкина), А.С. Локермана, С.И. Гурвича. Стремясь подчеркнуть их значимость, М.А. Гонтмахер неоправданно преувеличил роль национального фактора, показав их как членов, прежде всего, еврейской общины, а не интернациональной партии. Однако, вступавшие в РСДРП люди, к какой бы национальности они не принадлежали, смотрели на себя только как на социал-демократов интернационалистов, фактически отказываясь от принадлежности к своей национальной группе.

Большой интерес представляют исследования А.Г. Данилова [45]. Во второй главе своей книги автор рассматривает участие представителей донской интеллигенции в политических событиях и их деятельность в структурах донских революционных партий. В этом контексте предметом изучения у А.Г. Данилова являются: Всероссийский Союз Учителей, Ростовское Медицинское (Пироговское) Общество и Ростовское Техническое Общество. Как показывает исследование А.Г. Данилова, наиболее активное участие в работе донских социал-демократических организаций принимали представители Всероссийского Союза Учителей, в частности, он особо выделяет роль руководителя крестьянской группы Донского комитета РСДРП П.А. Карасева, а также члена Донкома А. П. Кравченко. Согласно исследованию, проведенному А.Г. Даниловым, члены Всероссийского Союза Учителей принимали более деятельное участие в работе революционных организаций, чем представители других интеллигентских организаций, что, по мнению ав-

тора, было обусловлено участием многих из них во время учебы в Южно-Русской группе учащихся. Представители других интеллигентских обществ оказывали лишь эпизодическую помощь действовавшим на Дону оппозиционным и революционным организациям.

Интересные справочные материалы, касающиеся истории донских социал-демократов, содержатся в подготовленной В. Сидоровым «Энциклопедии старого Ростова и Нахичевани-на-Дону». В рамках современной историографии также необходимо упомянуть и исследование О.Я. Марышевой, посвященное изучению политической культуры рабочих металлистов южного промышленного региона [46]. Эта работа интересна, прежде всего, тем, что в ней была предпринята попытка рассмотреть политические процессы с точки зрения рабочих. Однако вследствие того, что собственно история донских социал-демократических организаций не была для этого автора основным предметом изучения, ею при описании действий Донского комитета РСДРП был допущен ряд ошибок. В частности, это касается ряда вопросов, связанных с практической деятельностью донских социал-демократических организаций при рассмотрении существовавших в них межфракционных разногласий, руководящей роли представителей фракций в донских организациях РСДРП на различных исторических этапах.

Таким образом, несмотря на большой вклад в изучении социал-демократического движения на Дону и, в частности, меньшевистской фракции РСДРП, советскими историками, наиболее благоприятные условия для объективного исследования этой темы были созданы только в постсоветское время отечественной истории.

#### Литература:

1. *Тютюкин С.В.* Меньшевизм: страницы истории. М., РОССПЭН., 2002.
2. *Тютюкин С.В.* Марксисты и русская революция / С.В. Тютюкин, В.В. Шелохаев. М. : РОССПЭН, 1996.
3. *Тумаринсон В.Х.* Меньшевики и большевики: несостоявшийся консенсус. М., 1994.
4. *Казарова Н.А.* Штрихи к политическому портрету / Н.А. Казарова, Ю.О. Мартов. Ростов-н/Д., 1998.
5. *Логунов А.П.* Революция 1905-1907 гг. и российская социал-демократия. Ростов-н/Д., 1992.
6. История Советской России. М. : Прогресс, 1990. Т. 1.
7. *Шапиро Л.Б.* История коммунистической партии Советского Союза. Лондон, 1990.
8. *Scharlau W.B.* Freibeuter der Revolution. Parvus-Helphand. Eine politische biographie / W.B. Scharlau, Z.A. Zeman. Koln, 1964.

#### Literature:

1. *Tyutyukin S.V.* Menshevism: the pages of history. M., ROSSPEN, 2002.
2. *Tutukin S.V.* Marxists and the Russian revolution / S.V. Tutukin, V.V. Shelokhaev. M. : ROSSPEN, 1996.
3. *Tumarinson V.X.* Mensheviks and the Bolsheviks: the failed consensus. M., 1994.
4. *Kasarova N.A.* Touches to a political portrait / N.A. Kasarova, Y.O. Martov. Rostov-on/D., 1998.
5. *Logunov A.P.* Revolution of 1905-1907 and Russian social-democracy. Rostov-on/D., 1992.
6. History of Soviet Russia. M. : Progress, 1990. Vol. 1.
7. *Shapiro L.B.* History of the Communist Party of the Soviet Union. London, 1990.
8. *Scharlau W.B.* Freibeuter der Revolution. Parvus-Helphand. Eine politische biographie / W.B. Scharlau, Z.A. Zeman. Koln, 1964.

9. *Смирнова М.И.* Феномен возникновения российской социал-демократии. Историография. М., 1999.
10. *Тютюкин С.В.* Современная историография РСДРП / С.В. Тютюкин // Отечественная история. 1998. № 6.
11. *Тютюкин С.В.* Меньшевизм: историографическая парадигма / С.В. Тютюкин // Меньшевизм: страницы истории. М., 2002.
12. *Мартов Ю.О.* Записки социал-демократа. Берлин. 1922.
13. *Мартов Ю.О.* История российской социал-демократии. Пг.– М., 1923.
14. *Мартов Ю.О.* Записки социал-демократа. Берлин. 1922.
15. *Мартов Ю.О.* История российской социал-демократии. Пг.– М., 1923.
16. *Спиридович А.И.* История большевизма от возникновения до захвата власти. Париж, 1922.
17. *Сватиков С.Г.* Россия и Дон. Издание донской археографической комиссии. Белград, 1924.
18. Пролетарская революция на Дону. Вып. 1-3. 1922.
19. История пролетарской борьбы в Таганроге. Вып. 1-3. Таганрог, 1923.
20. *Толмачев В.* Ростовский рабочий в революции 1905 года. Ростов-н/Д., 1925.
21. *Ельницкий А.* Рабочее движение в России. Харьков, 1925.
22. Водолазский А.Т. Вооруженное восстание в Ростове-на-Дону в 1905 г. / А.Т. Водолазский // Красные повстанцы. Таганрог, 1927.
23. *Раенко Я.Н.* Ленинские искровские организации и рабочее движение на Дону в начале 1900-х годов / Я.Н. Раенко // Известия Ростовского областного музея краеведения. 1939. Вып. 1.
24. *Головняк А.Ф.* Революционная борьба Новочеркасского пролетариата / А.Ф. Головняк // Знамя коммуны. 1935. № 244.
25. *Губарев К.В.* На путях к большевизму. Очерки истории большевистской организации в Таганроге в 1904-1907 гг. Таганрог, 1930.
26. *Зеленский К.* Шахтинские горняки на путях к большевизму в 1905-1907 гг., Ростов-н/Д., 1931.
27. *Семернин В.П.* 1905 год на Дону. Ростов-н/Д. : Ростиздат, 1945. Изд. 2. 1955.
28. *Семернин В.П.* Рабочий класс в революции 1905-1907 гг. в Азово-Черноморском и Северокавказском краях. Ростов-н/Д.
9. *Smirnova M.I.* The phenomenon of the emergence of Russian social democracy. Historiography. M., 1999.
10. *Tyutyukin S.V.* Modern historiography of the RSDLP / S.V. Tyutyukin // Otechestvennaya istoriya. 1998. № 6.
11. *Tyutyukin S.V.* Menshevizm: historiographical paradigm / S.V. Tyutyukin // Menshevizm: pages of history. M., 2002.
12. *Martov Yu.O.* Notes of the social democrat. Berlin, 1922.
13. *Martov Yu.O.* History of Russian social-democracy. Pg. - M., 1923.
14. *Martov Yu.O.* Notes of the social democrat. Berlin, 1922.
15. *Martov Yu.O.* History of Russian social-democracy. Pg. - M., 1923.
16. *Spiridovich A.I.* The history of Bolshevism from the emergence to the seizure of power. Paris, 1922.
17. *Svatikov S.G.* Russia and the Don. Publication of the Don Archeographic Commission. Belgrade, 1924.
18. Proletarian revolution on the Don. Iss. 1-3. 1922.
19. History of the proletarian struggle in Taganrog. Iss. 1-3. Taganrog, 1923.
20. *Tolmachev V.* Rostov worker in the revolution of 1905. Rostov-on/D., 1925.
21. *Elnitsky A.* The labor movement in Russia. Kharkiv, 1925.
22. *Vodolazsky A.T.* The armed uprising in Rostov-on-Don in 1905. Taganrog, 1927.
23. *Raenko Ya.N.* Lenin's Iskra organizations and the labor movement on the Don in the early 1900s. / Ya.N. Raenko // Izvestiya Rostov regional museum of Local Lore. 1939. Iss. 1.
24. *Golovnyak A.F.* The revolutionary struggle of the Novochechassk proletariat / A.F. Golovnyak // Banner of the Commune. 1935. № 244.
25. *Gubarev K.V.* On the paths to Bolshevism. Essays on the History of the Bolshevik organization in Taganrog in 1904-1907. Taganrog, 1930.
26. *Zelensky K.* Shakhty miners on the ways to Bolshevism in 1905-1907. Rostov-on/D., 1931.
27. *Semernin V.P.* 1905 god na Donu. Rostov-on-Don. Rostizdat, 1945. Ed. 2. 1955.
28. *Semernin V.P.* Working class in revolution of 1905-1907 гг. in the Azov-Black Sea and North Caucasus territories. Rostov-on/D.

29. *Серый Ю.И.* Рабочие Владикавказской железной дороги в революции 1905-1907 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Ростов-н/Д., 1950.
30. *Серый Ю.И.* Страницы прошлого. Ростов-на-Дону. Ростиздат, 1955.
31. *Вакуленко Б.Г.* Декабрьское вооруженное восстание в Ростове-на-Дону в 1905 году // Из истории Дона. Сб. статей. Вып. 1. Ростов-н/Д. : Ростиздат 1956.
32. *Панченко В.С.* Рабочее движение на Дону в 1910-1914 гг. / В.С. Панченко // История СССР. 1952. № 3.
33. *Демешина Е.И.* Из истории рабочего движения на Дону в годы реакции и начала нового революционного подъема (1907-1912). / Е.И. Демешина // Уч. Зап. Ростовского ун-та. Т. 46. Историко-филологический факультет. Вып. 5. Ростов-н/Д., 1958.
34. *Демешина Е.И.* Рабочее движение на Дону в период империализма (1900-1914 гг.). Ростов-н/Д., 1973.
35. *Демешина Е.И.* Рабочее движение на Дону накануне и в период буржуазно-демократической революции в России (1905-1907 гг.) в историографии 20-х первой половины 30-х гг. / Е.И. Демешина // Исторические этюды. Ростов-н/Д., 1997. Вып. 2.
36. *Золотов В.А.* Крестьянское движение на Дону 1905-1907 гг. Ростиздат. 1955.
37. *Золотов В.А.* За землю, за волю... Из истории народных движений на Дону / В.А. Золотов, А.П. Пронштейн. Ростов-н/Д., 1974.
38. *Золотов В.А.* Дон в Первой русской революции / В.А. Золотов, Е.И. Демешина. Ростов-н/Д., 1981.
39. *Ахмадулин Е.В.* Печать Дона в годы первой Русской революции / Е.В. Ахмадулин, И.В. Яровой. Ростов-н/Д. : Издательство Ростовского университета, 1985.
40. *Яровой В.И.* Из истории доставки «Искры» в Ростов-на-Дону в 1901-1903 гг. / В.И. Яровой // Известия СКНЦ ВШ. Серия общественные науки, 1977. № 2.
41. *Яровой В.И.* Большевичка Вера, кто она? / В.И. Яровой // Известия СКНЦ ВШ. Серия общественные науки. 1983. № 4. *Яровой В.И.* Местная и национальная печать / В.И. Яровой // Вопросы истории и методологии. Ростов-н/Д. : РГУ, 1983.
42. *Яровой В.И.* Из истории изданий социал-демократических организаций Дона в период революции / В.И. Яровой // Известия СКНЦ ВШ. Серия общественные науки. 1984. № 3.
43. *Бархударян В.В.* История армянской колонии Новая Нахичевань (1779-1917). Ереван, 1996.
29. *Seriy Yu.I.* Workers of the Vladikavkaz railway in the revolution of 1905-1907. : dis cand. of historical sciences. Rostov-on/D., 1950.
30. *Gray Yu.I.* Pages of the past. Rostov-on/D. : Rostizdat, 1955.
31. *Vakulenko B.G.* December armed uprising in Rostov-on-Don in 1905 / B.G. Vakulenko // From the history of the Don. Collection of articles. Iss. 1. Rostov-on/D. : Rostizdat, 1956.
32. *Panchenko V.S.* Labor movement on the Don in 1910-1914 / V.S. Panchenko // History of the USSR 1952. № 3.
33. *Demeshina E.I.* From the History of the labor movement on the Don in the years of reaction and the beginning of a new revolutionary upsurge (1907-1912) / E.I. Demeshina // Uch.Zap. Rostov- on-Don, Rostov-on-Don University. Vol. 46. Historical and Philological Faculty, Iss. 5. Rostov-on/D., 1958.
34. *Demeshina E.I.* The working movement on the Don during imperialism (1900-1914). Rostov-on/D., 1973.
35. *Demeshina E.I.* The labor movement on the Don on the eve and during the bourgeois-democratic revolution in Russia (1905-1907) in the historiography of the 20s of the first half of the 30s. / E.I. Demeshina // Historical Studies. Rostov-on/D., 1997. Vol. 2.
36. *Zolotov V.A.* The peasant movement on the Don 1905-1907. Rostizdat. 1955.
37. *Zolotov V.A.* Za zemlya, za volya... From the history of popular movements on the Don / V.A. Zolotov, A.P. Pronstein. Russian. Rostov-on/D., 1974.
38. *Zolotov V.A.* Don in the First Russian Revolution / V.A. Zolotov, E.I. Demeshina. Rostov-on/D., 1981.
39. *Akhmadulin E.V.* The Seal of the Don during the First Russian Revolution / E.V. Akhmadulin, I.V. Yarovoy. Rostov-on/D. : University Press, 1985.
40. *Yarovoy V.I.* From the history of the delivery of «Iskra» to Rostov-on-Don in 1901-1903 / V.I. Yarovoy // Izvestiya SKNTS VSH. Social Sciences Series, 1977. № 2.
41. *Yarovoy V.I.* Bolshevichka Vera, who is she? / V.I. Yarovoy // Izvestiya SKNTS VSH. Social Sciences Series. 1983. № 4. *Yarovoy V.I.* Local and National press / V.I. Yarovoy // Questions of history and methodology. Rostov-on/D., RSU, 1983.
42. *Yarovoy V.I.* From the history of publications of social-democratic organizations of the Don during the Revolution / V.I. Yarovoy // Izvestiya SKNTS VSH. Social Sciences Series 1984. № 3.
43. *Barkhudaryan V.V.* History of the Armenian colony of New Nakhichevan (1779-1917). Yerevan, 1996.

44. *Гонтмахер М.А.* Евреи на донской земле. Ростов-н/Д., 2000.

45. *Данилов А.Г.* Интеллигенция Юга России в конце XIX - начале XX века. Ростов-н/Д., 2000.

46. *Марышева О.Я.* Рабочие металлисты южного промышленного региона в начале XX века: политическая культура и политическое поведение / О.Я. Марышева : дис. ... на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Ростов-н/Д., 2003.

44. *Gontmacher M.A.* Jews on the Don land. Rostov-on/D., 2000.

45. *Danilov A.G.* Intelligentsia of the South of Russia in the late XIX – early XX century. Rostov-on/D., 2000.

46. *Marysheva O.Ya.* Working metalworkers of the southern industrial region at the beginning of the XX century: political culture and political behavior / O.Ya. Marysheva // Dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. Rostov-on/D., 2003.



Васьков Максим Александрович  
доктор социологических наук,  
кандидат исторических наук,  
профессор кафедры  
образования и педагогических наук,  
Южный федеральный университет  
vaskovmaxim@mail.ru

Ямалов Алис Валерьевич  
магистр по направлению  
«Конфликтология»  
vaskovmaxim@mail.ru

## ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИСЛАМСКОГО ФАКТОРА В СОВРЕМЕННОМ АБХАЗСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В социокультурных условиях Большого Кавказа ислам играет исключительно важную роль, но у различных народов она проявляется по-разному. Что касается народов Большого Кавказа, то здесь была заметна возможность самой глубокой социальной и культурной трансформации, поскольку данные народы, в своём большинстве, не имели опыта античной культуры и государственной организации. В статье проводится исследование не только истории проникновения исламской религии на территорию Абхазии, но и проводится анализ источников и причин расширения влияния этой одной из мировых религий после обретения Абхазией государственной независимости, что, по мнению авторов публикации, несет латентную угрозу ее национальной безопасности.

Ключевые слова: Республика Абхазия, традиционные верования абхазов, христианство, традиционный ислам, экстремистские направления в исламе, репатрианты, трудовые мигранты.

В социокультурных условиях Большого Кавказа ислам играет исключительно важную роль, но у различных народов она проявляется по-разному. Впервые ислам появляется у народа Кавказа уже в VIII веке н.э. Появление данной мировой религии в кавказском макрорегионе стало следствием завоевательной политики Арабского халифата. Народам, которые были язычниками по своему вероисповеданию и поклонялись множеству часто «враждебных» божеств, предлагалось два варианта.

Во-первых, подчиниться военному превосходству и силе армий Халифата или быть уничтоженными в случае сопротивления.

**Maxim A. Vaskov**  
Doctor of Sociological Sciences,  
Candidate of Historical Sciences,  
Professor of the Department  
Education and Pedagogical Sciences,  
Southern Federal University  
vaskovmaxim@mail.ru

**Alis V. Yamalov**  
Master in Direction  
«Conflictology»  
vaskovmaxim@mail.ru

## HISTORICAL ASPECTS OF THE FORMATION OF THE ISLAMIC FACTOR IN MODERN ABKHAZIAN SOCIETY

Annotation. In the sociocultural conditions of the Greater Caucasus, Islam plays an extremely important role, but in different peoples it manifests itself in different ways. As for the peoples of the Greater Caucasus, the possibility of the deepest social and cultural transformation was noticeable, as these peoples, for the most part, had no experience of ancient culture and state organization. The article examines not only the history of the Infiltration of the Islamic Religion into the territory of Abkhazia, but also analyzes the sources and reasons for the expansion of the influence of this one of the world religions after Abkhazia's independence, which, according to the authors of the publication, poses a latent threat to its national security.

Keywords: Republic of Abkhazia, traditional beliefs of Abkhazians, Christianity, traditional Islam, extremist directions in Islam, immigrants, migrant workers.

Во-вторых, получить прямые экономические выгоды в случае принятия новой религии, которые были связаны со значительными расширением возможностей для торгово-экономического и культурного взаимодействия.

Это обуславливалось ещё и тем, что в состав Халифата вошли многие народы, которые интегрировались в большой арабский мир, переустроенный на началах ислама. Мусульманство на этом историческом этапе позволяло упорядочить жизненный уклад, повысить уровень понятности жизни и её безопасности. Также, формовалось принципиально новое мировоззрение, которое в значительной степени расширяло и изменяло традиционное понимание устройства и

законов мира, существовавшее у различных народов в доисламский период. Фактически, такое же новое видение мира представляло и христианство, но здесь на успех ислама в период формирования и расширения халифата повлияли социально-исторические факторы. Исламский Халифат стал тем же, чем раньше была Римская Империя после принятия христианства, как универсальная империя, обеспечивающая наличием единой веры и законов общее благоденствие. Но в этот период времени оставалась только Восточная Римская Империя, находившаяся в кризисе из-за постоянных войн. Западноевропейское христианство в это время показывало пример раздробленности и слабости. Что касается народов Большого Кавказа, то здесь была заметна возможность самой глубокой социальной и культурной трансформации, поскольку данные народы, в своём большинстве, не имели опыта античной культуры и государственной организации. Взаимодействуя с крупными цивилизационными центрами, они, всё-таки, жили обособлено. Такую возможность им предоставили и христианство и ислам, но включению народов Кавказа в такой масштабный цивилизационный проект мешала обособленность, этнические и языковые различия, ограниченность экономических ресурсов и, как следствие, постоянная и достаточно ожесточённая борьба за их получение.

Фактически, первые волны христианизации, шедшей из Восточной Римской Империи (Византии) и исламизации от Арабского Халифата, провалились. Центробежные силы оказались сильнее, как и стремление к обособленности и принципиальной независимости. Остались только определённые анклавные мировые религии в окружении подавляющего большинства населения, которое придерживалось традиционных верований и культуры.

Если говорить о современной Абхазии, то проникать на её территорию ислам начинает только с первой четверти XVI в. Безусловно, существовали культурные контакты и торгово-экономическое взаимодействие с христианскими и мусульманскими народами, которые не прекращались, в принципе, никогда. Однако активизация процесса исламизации Абхазии, как, в принципе, и большинства остальных регионов Кавказа была связана с появлением и последующим утверждением в этом регионе мощной и достаточно агрессивной в своей завоевательной политике Османской Империи (Турции). Однако мощной и активной Турция была только в отношении Кавказа с его раздробленностью и общей военно-политической слабостью. Интересно, что в глобальной исторической ретроспективе в Турции в данный исторический период начинается упадок государства и общества, пик её могущества давно пройден, но на Кавказе, именно в это время, начинают устанавливаться, а затем, закрепляются исламские социальные и правовые нормы. В это время формируется определённая основа для формирования конфликтно-генного контекста.

Во-первых, иностранное влияние, которое далеко не всегда воспринималось спокойно.

Во-вторых, наличие сильной христианской общины, которая изначально находилась с исламскими общинами в определённом противоречии, часто переходившем в стадию открытых конфликтов.

В третьих, наличие мусульманского и христианского населения создавало условия для вмешательства для защиты данных общин, противостоявших друг другу держав, в частности, Османской и Российской империй.

Помимо политико-экономических причин (зависимость от Турции, усиленно внедрявшей магометанство), распространению мусульманства содействовало то обстоятельство, что официальная христианская религия не имела в массе абхазского народа достаточно глубоких корней и поэтому была, в основном, вытеснена исламом в течение почти трех столетий.

Турецкая экспансия, а, вместе с ней, и распространение магометанского учения усиливается в Абхазии с начала XVII в. Частые турецкие вторжения в Абхазию и её постепенная исламизация послужили причиной того, что во второй половине XVII в. резиденция патриарха Абхазии, находившаяся до того в Пицунде, переносится в Гелати, близ Кутаиси. В то же время, в Сухуме строятся две мечети. Вплоть до XIX в. по Абхазии были рассеяны проповедники Корана.

Главными проводниками ислама в Абхазии являлись турецкие муллы, развернувшие здесь свою проповедническую деятельность. В частности, в период русско-турецких войн XIX в. муллы и другие турецкие агенты, ведя усиленную агитацию против России, распространяли, при содействии своего правительства, всевозможные слухи, чтобы возбудить ненависть к христианам и заставить их переселиться в «райскую» страну - Турцию. Они ходили по абхазским деревням и соврачали население в мусульманскую веру, вооружали его против христианства, призывая к священной войне против «гяуров» - неверных, которые, по словам С. Смоленского, находившегося в Абхазии в 1859 году, якобы, хотят всех абхазов сделать рабами, брать их в солдаты, а волосы на голове стричь.

Происхождение абхазов и их место среди других народов мира давно интересует исследователей. Письменных источников, из которых они черпают свои знания, не так уж много. Да и археология без наличия соответствующих письменных данных не может нарисовать правдивую картину происхождения этого народа. Ещё больше сужены возможности этнологии и антропологии. Специалисты считают, что язык является своеобразной неписаной летописью многовековой памяти народа. Он несёт в себе информацию о хозяйственной деятельности, укладе жизни далёких предков, об их связях с другими народами и много иных интересных сведений. Всё это помогает разобраться в языковом калейдоскопе народов Кавказа, который, в силу

горного ландшафта, играл консервирующую роль в отличие от раздольных степей. Поэтому Кавказ един в своей многоликости и многолик в своём единстве, что всегда необходимо учитывать. Признано - абхазский язык является одним из древнейших языков мира. Он вместе с другими близкородственными языками (абазинский, убыхский, адыгейский, черкесский, кабардинский) образует западно-кавказскую (абхазо-адыгскую) языковую группу, насчитывающую сегодня несколько миллионов человек.

Абхазо-адыгская группа языков по своему происхождению родственна восточно-кавказским языкам (вайнахский и дагестанский). Обе эти группы образуют единую кавказскую семью языков [1].

Экологическая ниша и этногенез древних абхазов.

В происхождении народов следует учитывать и роль природных условий (особенностей), т.е., географическую среду. Для истории абхазо-адыгов очень важны были консервирующие и дифференцирующие процессы, которые происходили в западно-кавказских ущельях и в горных проходах.

Языковые распады, обычно, происходят во время перемещения части носителей праязыка в иную географически изолированную (горами, реками) область - в, так называемую, экологическую нишу.

Говоря о происхождении абхазского народа, важно всегда помнить о том, что с момента заселения Западного Кавказа человеком здесь традиционно преобладали южные влияния - со стороны Малой Азии. Оттуда в глубокой древности и продвигались в западно-кавказские долины носители абхазо-адыгского праязыка.

Считаясь с географическим фактором и многими другими, не следует забывать и о том, что ни один народ не может развиваться самостоятельно без взаимодействия с другими, соседними народами. Абхазы в этом отношении не представляли исключение.

Мост между Европой и Азией.

Заселенная абхазами территория всегда служила своеобразным мостом между Северным Кавказом и побережьем Чёрного моря. Второе направление связей определяло море, вдоль берегов которого двигались корабли в сторону Малой Азии и Крыма. В этой связи, можно вспомнить такие приморские цивилизации, как, например, Греция, Рим, Византия, Генуя, с которыми древние предки абхазов также находились в теснейшем контакте (кстати, в с. Тамыш была найдена глиняная модель лодки в слое VIII в. до н.э.). Немаловажную роль играло и то, что основание треугольника пространства, занятого абхазами, было открыто воздействиям с юго-востока, откуда вела подгорная «Абхазская дорога», которой пользовались купцы и завоеватели. Возможно, в позднем средневековье этот путь был защищён Великой Абхазской (Келасур-

ской) стеной, о чём могут говорить её конфигурация, архитектурные особенности самих башен и куртин (крепостная стена между башнями), а также, сопутствующий археологический материал.

Современная мусульманская община в Абхазии складывается из трех основных групп. В первую очередь, это были, собственно, мусульмане Абхазии, которые традиционно проживают на территории республики. Именно у них заметно смешение норм ислама с языческими обрядами и традициями. Если для других регионов Кавказа характерно, например, соблюдение исламских традиций в быту, в частности, есть многочисленные запреты в отношении еды и употребления алкоголя, и они, как правило, соблюдаются, являются нормой. В Абхазии же такие запреты игнорируются, в принципе.

Вторую важную и наиболее активную группу мусульман в Абхазии составляют потомки мухаджиров-мусульман, некогда проживавших на территории Абхазии и относившихся к абхазскому этносу. Прежде всего, это – представители абхазской диаспоры, находящиеся в Турции, Иордании, Сирии и в других государствах, относящихся к исламскому ареалу [2]. Представители указанных диаспор в настоящее время переезжают в Республику Абхазия на постоянное проживание, как на землю своих предков. С точки зрения ислама, они являются наиболее последовательными приверженцами религиозных норм и догматов в гораздо более «чистом» виде, чем у тех абхазских мусульман, которые не покидали территорию Абхазии. Если в контексте возрождения ислама на первый план выходит определённое национальное чувство, которое подкрепляется памятью о большой Абхазии, когда на пике своего могущества она была, преимущественно, мусульманской, то у представителей абхазской диаспоры из-за рубежа есть чёткое понимание догматики и обрядовой стороны ислама. У них также практически полностью отсутствуют остатки языческих верований и традиций.

Третью группу мусульман Абхазии составляют, проживающие в Республике Абхазия, представители других народов Северного Кавказа. Они являются носителями исламской религиозно-культурной традиции, но в социальных условиях Абхазии их влияние очень сильно ограничено вследствие действия национального фактора [3]. Для Абхазов на первом месте находится не религиозная, а этническая составляющая, тем более, что различные националистические аспекты институционализированы на политическом уровне. Необходимо признать, что такая форма национализма является мерой защиты небольшого народа от попыток любой его ассимиляции и растворения в иных культурных традициях.

В силу ряда причин, к которым непосредственно относится описанный нами фактор политического национализма, ислам не является в Абхазии сильной религиозной конфессией. На настоящий момент времени исламская община является немногочисленной и пока ещё замкнутой, хотя

начали появляться тенденции, которые связаны с попытками активизации и привлечения в ислам новых сторонников.

До недавнего времени в Республике Абхазия (примерно до середины 1990-х годов) настоящими, в полном смысле этого слова, мусульманами, можно было назвать только лишь потомков мухаджиров [4]. То есть, речь шла о нескольких сотнях человек, которые «проживают довольно замкнуто в нескольких расположенных далеко друг от друга населенных пунктах и не оказывают сколько-нибудь заметного влияния в масштабах всего абхазского этноса» [5]. Однако такая оценка могла быть справедливой для конца 1990-х гг., в дальнейшем, ситуация стала меняться. По официальным данным, начиная с 1994 г., в республику переехало на постоянное место жительства около 4000 репатриантов – потомков махаджиров из Турции, Сирии, Иордании и т.д. Степень исламизации и включенности в жизнь мусульманской общины потомков махаджиров, вернувшихся на родину предков, не очень высокая в Турции, не повысилась она и в Абхазии. В то же время, уменьшилась замкнутость их расселения по территории республики, оно стало носить более дисперсный характер. Отдельно стоит отметить большое количество мусульман, приехавших на заработки из Таджикистана, Узбекистана и других бывших советских республик Средней Азии, а отсутствие внятной миграционной политики руководства Абхазии в данном вопросе лишь усугубляет перспективы решения данной проблемы.

Также, опасения вызывает появление «новой волны мусульман», как считается, «под влиянием усиления ислама на Северном Кавказе». То есть, предполагается, что местная мусульманская община будет использована как «канал для продвижения идей исламского фундаментализма», и средством для этого станут пропагандисты и проповедники радикального ислама из республик Северного Кавказа в Абхазию [6].

Учитывая перспективы строительства автомагистрали Черкесск-Сухум (бывшая Военно-Сухумская дорога), расселения махаджиров из стран Ближнего Востока и республик Северного Кавказа в населённые пункты близ естественных препятствий (р.Кодор и р. Мачара), а также, в недалёкой перспективе, и в самом Кодорском ущелье, существует угроза появления «коридора», связывающего исламских радикалов Северного Кавказа с Турцией, усиление влияния которых всё сильнее прослеживается в Абхазии [7, с. 15].

Интерес радиально настроенных групп к Кодорскому ущелью подтверждается фактами обнаружения тайников с оружием и боеприпасами. Так, в феврале 2012 г. тайник с боеприпасами был обнаружен в селе Сакен (хотя это село находится в верхней части Кодорского ущелья, которое только в 2008 г. было освобождено от грузинских войск; и наличие там схрона с оружием может иметь самые различные объяснения), а в мае 2012 г. три тайника с оружием обнаружили российские пограничники, причем, один из них

находился на территории туристского объекта – крепости Абаата в Старой Гагре, а второй – опять же, в верхней части Кодорского ущелья, в селе Левый Генцвиш.

Вопросами взаимодействия государственных структур с религиозными организациями занимается уполномоченный по делам религии Кабинета министров Республики Абхазия (далее, РА) историк Резо Кацья. До его назначения вопросами ислама в республике занимался Комитет по репатриации. Курбан-Байрам (абх. «Курбаннуха») в Абхазии считается государственным праздником, праздничным нерабочим днем. Президент Абхазии регулярно поздравляет мусульман республики и соотечественников, проживающих за рубежом и исповедующих ислам, с праздником Курбан-байрам, с началом священного месяца Рамадан, с окончанием священного месяца Рамадан и праздником Ураза-байрам. В 1990-е гг. мусульманам предоставили время на государственном телевидении для регулярной передачи, затем его сократили. Сейчас им время предоставляется нерегулярно, в связи с мусульманскими праздниками или иными информационными поводами.

В 1999 г. было создано Духовное управление мусульман Республики Абхазии (далее, ДУМ РА), на его базе 11 сентября 2014 г. учреждено «Единое духовное управление мусульман Абхазии» (ЕДУМА). Председателем ДУМ РА на первом Съезде мусульман Абхазии был избран репатриант из Турции муфтий Адиль Габля (1931 г.р.). После его смерти в турецкой больнице 27 июня 2011 г. обязанности председателя выполнял журналист муфтий Т. Дзыба (по оценкам ряда известных экспертов, он являлся главой абхазских мусульман и до этого, так как А. Габля не владел русским языком, болел и проводил основную часть времени в своем родовом селе). 3 декабря 2011 г. на IV Съезде мусульман Абхазии председателем ДУМ РА, вопреки ожиданиям, стал не Т. Дзыба, а Салих (Станислав) Кварацхелия.

Духовное управление мусульман Республики Абхазии обладает

также существенными информационными возможностями. К ним относится ряд информационных ресурсов в сети интернет, и издаваемая, начиная с 2006 года, официальная газета Духовного управления мусульман получившая название «Баракят».

В марте 2005 г. ДУМ РА подписал соглашение о сотрудничестве с Советом муфтиев России. После этого в Абхазию из России был направлен священнослужитель на постоянной основе (муфтий Агзам Рахмателлин). В 2006 г. в Абхазии было открыто Представительство Совета муфтиев России, полномочным представителем является Руслан (Исмаил) Еник. Он же является главой Культурно-просветительского Центра РА – «Аль-Васатыйя» (зарегистрирован 28 марта 2012 г.), ориентированного на «срединный путь» в исламе. Этот проект, очевидно, был поддержан республиканскими властными структурами и

Москвой. Показательно также, что граждане Абхазии совершают паломничество в Мекку в составе российской делегации и за счет российской квоты.

Культурно-просветительский Центр РА - «Аль-Васатыйя»

Проект был создан при поддержке Совета муфтиев России. Глава Культурно-Просветительского Центра Республики Абхазия «Золотая Середина Ислама» – «Аль-Васатыйя», руководитель сайта «Ислам в Абхазии» и Генеральный Директор «Халал-Строй-Инвест» Республики Абхазия – Хаджи Исмаил ас-Суфи (Еныкъ Руслан). Проекты этой организации включает:

– поиск инвесторов с целью приобретения в собственность организации - Культурно-Просветительский Центр Республики Абхазия «Золотая Середина Ислама» – «Аль-Васатыйя», земельный участок и строение, находящееся на нем, в г. Гудаута площадью 25 соток, приобретенных за 8 млн руб. (довоенная собственность, полный пакет документов). В шаговой доступности – центр города, школа, море, вокзал. За строением, расположенным на этом участке, будет закреплён юридический и фактический адрес двух вышеперечисленных организаций с законной возможностью репрофилирования, расширения под уставные нужды наших организаций;

– создание досугового центра для молодежи с местом для проведения коллективных богослужений, мероприятий, направленных на популяризацию коранической идеи «Аль-Васатыйя» и просвещенного Тассавуфа (наука ихсана) как эффективного метода противодействия идеям религиозного экстремизма и духовно нравственной деградации;

– поиск инвесторов с целью реализации проекта по переводу смыслов Священного Корана на абхазский язык. Одним из главных вспомогательных источников перевода священных текстов на абхазский язык стал труд Шамиля Аляутдинова.

Руководитель Центра - Еник Руслан - опосредованно призывает мусульман Абхазии к объединению против «уничтожения», а также, просит защиты у мусульман других стран и республик Северного Кавказа.

Используемая символика в оформлении официального сайта и страниц в социальных сетях, формат выступлений в видео обращениях направлены на формирование радикальных мнений (действий) у целевой аудитории.

В своих обращениях Руслан Еник часто использует факт отсутствия у мусульман места для совершения намаза. При этом в Абхазии существуют два, так называемых, «молельных дома» (г. Сухум и г. Гудаута). В посылках Еника речь идёт именно о мечетях. В архитектурном плане здания, используемые для намаза, не отвечают требованиям, предъявляемым к мечетям, но в духовной части все они соблюдаются. Здесь

совершается намаз, читается никах, так что, это – не молельные дома, а нечто большее. Эти дома также используются для чтения Корана, лекций иного содержания. Основными посетителями молельного дома в г. Сухум являются трудовые мигранты из бывших среднеазиатских республик СССР [8, p. 12].

Молельный дом, находящийся на территории города Гудаута отмечен достаточно частыми посещениями военнослужащими, проходящими военную службу по контракту в 7-ой Военной базе Министерства Обороны Российской Федерации, которые исповедуют ислам. Аналитики рассматривают данный факт в качестве потенциальной угрозы безопасности. В частности, точно не известны темы проповедей и лекций, которые там звучат. Как свидетельствуют очевидцы, посетители данного молельного дома, судя по внешним признакам, могут придерживаться иного толкования религии, которое может быть связано с экстремистскими течениями ислама [9]. (Борода, напоминающая ваххабитку, короткие брюки, наголо выбритая голова, не покрытая тюрбетейкой). Военное командование считает, что данную угрозу можно свести к минимуму, включив в штат 7 ВБ имама и муэдзина, по примеру решения православного вопроса.

Возвращаясь к видеообращениям Руслана Еника, стоит отметить, что в них он регулярно проводит аналогии между Абхазией и современной Мьянмой. При этом, Р. Еник, как правило, опирается на достаточно устаревшие факты: во второй половине 2000-х гг. по Абхазии прокатилась волна заказных убийств и террористических актов, направленных против видных представителей мусульманской общины. 17 августа 2007 г. в Гудауте был расстрелян имам Хамзат (Рокки) Гицба – Герой Абхазии, родственник Шамиля Басаева, участник захвата в Трабзоне российского парома «Аврасия» в 1996 г., освободившийся из тюрьмы в 2000 г. и пытавшийся в 2001 г. вступить в переговоры с вторгнущимся в Кодорское ущелье Р. Гелаевым. «Рокки» Гицба считался лидером группы абхазских «традиционных исламистов», не приемлющих алкоголь, смешанные браки, разорительные похороны и поминки, инокультурные элементы. 10 июля 2010 г. под днищем автомобиля, принадлежащего имаму Сухумской мечети С. Кварацхелия, было обнаружено взрывное устройство. 17 июля 2010 г. в Гагре был убит представитель ДУМА в Гагрском районе, член Общественной палаты Республики Абхазии Эмик Чакмач-оглы. 08 октября у молельного дома в Гудауте было совершено нападение на мусульманских активистов: Расул Пилия был застрелен, а братья Рустам и Рауль Гицба (родные братья «Рокки» Гицба) ранены. Очевидно, что мусульманская община Абхазии, стремясь к своей полноценной легализации, надеется добиться разрешения на возведение хотя бы одной мечети, при этом декларируя и демонстрируя открытость и толерантность.

Махаджиры и исламский фактор.

В 1998 году парламент Абхазии принял закон «О репатриации», по которому махаджиры были признаны репатриантами, и право вернуться в

Абхазию получили потомки этнических абхазов (абаза), переселенных из Абхазии в XIX веке в результате российско-турецкой войны [10]. Согласно закону, для приехавших в Абхазию репатриантов (членов абхазской диаспоры) предусмотрены те же гражданские и юридические права, что и для жителей Абхазии [11].

В Абхазии, в своё время, был создан «Комитет репатриации», под руководством которого осуществляется передача домов, изгнанных из Абхазии грузин, абхазским репатриантам, приехавшим из Турции, Сирии и Северного Кавказа. Приехавшим в Абхазию из Турции и Сирии гражданам. Им безвозмездно передают, принадлежавшие грузинам жилые дома и усадьбы в Сухуми, Дранде, в селах Гульрипшского и Очамчирского района. «Государственный комитет репатриации» распоряжается значительными бюджетными средствами. По специальному закону 2 % из всех видов подоходного налога, изъятого в Абхазии, перечисляется Комитету репатриации. Переселенцам оказывают ежемесячную финансовую помощь [12, с. 41].

В развитии торгово-экономических связей с Турцией участвует торгово-промышленная палата Абхазии, при которой создан «Турецко-абхазский бизнес совет», в который входят около пятидесяти местных и приехавших из Турции абхазских предпринимателей. Руководителем совета является гражданин Турции, этнический абхаз Сомер Гогуга. Он принимал участие в военных действиях в Абхазии 1992-1993 годов против Грузии, затем был депутатом парламента Абхазии [13, с. 384]. По его инициативе бизнес - круги абхазской диаспоры Турции проявили интерес и появились в Абхазии. Граждане Турции открыли в Абхазии торговые предприятия, объекты питания и услуг. Турецкая фирма «Фруктис» разводит овощи в теплицах в Очамчирском районе и реализует их на российском рынке. В настоящее время «Фруктис» осуществляет в пищевой промышленности проект стоимостью 2400000 долларов. Им руководит турецкий абхаз Джемал Званба. Во владении турков находятся три мелких завода по переработке рыбы в Сухуми, которые экспортируют рыбную продукцию в Турцию и Россию.

Граждане Турции освоили также строительный сектор. Здесь ведут бизнес строительная и де-

#### Литература:

1. *Марченко Г.И.* Методологические подходы к исследованию этнополитических явлений / Г.И. Марченко // Вестник Московского государственного университета. Сер 12. Политические науки. М. : Изд-во. МГУ, 1995. № 2.
2. *Якобсон А.Я.* Этнические интересы и проблемы национально-территориальной политики / А.Я. Якобсон // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. Вып. 1. URL : <http://www.soc.pu.ru/publications/jssa/1999/1/9yakobs.html>
3. *Тхагапсоев Х.Г.* Кавказская идентичность в процессах российской социокультурной трансформации: к методологии анализа и механизмам

ревообрабатывающая компании «Смок» и «Зетастрой», которыми руководят Низам Хафат и Ялчин Арздынба. Турецкие бизнесмены заняли место и в пищевой промышленности. Хусейн Ахба открыл в Сухуми кондитерское предприятие «Джерез» и при нем, магазин сладостей. Продукцию турецкого текстиля в Абхазии продают магазины одежды «Адл» и «Фабрика», владельцем которых является турецкий абхаз Суат Авидзба [14].

Вопрос о наличии абхазов и уроженцев Абхазии среди боевиков ИГИЛ в Сирии и в Ираке остаётся открытым. Абхазские политики и эксперты вполне допускают возможность того, что радикальный ислам не обойдёт Абхазию, причем затронет не только исламскую общину республики, но и людей, которые никогда не были деятельными мусульманами [15]. По сообщению главы СГБ, «были случаи, когда под видом потомков махаджиров из Турции к нам обращались люди, не имеющие отношения к ним: они хотели получить абхазские паспорта, выдавая себя за абхазов. А потом мы выяснили, что они даже не проживали в Турции и прибыли неизвестно откуда». С другой стороны, есть информация об участии этнических абхазов - потомков махаджиров и сирийских граждан, а также репатриантов, ставших уже гражданами Абхазии, в боевых действиях на стороне правительственных войск Башара Асада.

Стоит отметить, что Сухумским молельным домом на регулярной основе в Турцию направляются мусульмане из числа трудовых мигрантов, якобы, для обучения или работы. По имеющейся информации от вернувшихся обратно, часть этих людей была направлена в Сирию для «работы», характер которой не известен.

Таким образом, в завершение нашего исследования мы можем отметить, что уже на протяжении достаточно долгого времени, прошедшего после обретения Абхазией независимости, идет постепенное расширение исламского влияния на население республики как за счет репатриантов, так и - трудовых мигрантов из России и ближнего зарубежья, что несет потенциальную угрозу национальной и религиозной безопасности Абхазии.

#### Literature:

1. *Marchenko G.I.* Methodological approaches to the study of ethno-political phenomena / G.I. Marchenko // Bulletin of Moscow State University. Ser 12. Political science. M.: Publishing house. MOSCOW STATE UNIVERSITY, 1995. № 2.
2. *Jacobson A. Ya.* Ethnic interests and problems of national-territorial policy A.Ya. Jacobson // Journal of Sociology and Social Anthropology. 1999. Vol. 2. URL : <http://www.soc.pu.ru/publications/jssa/1999/1/9yakobs.html>
3. *Thagapsoev Kh.G.* Caucasian identity in the processes of Russian socio-cultural transformation: to the methodology of analysis and mechanisms of

регулирования / Х.Г. Тхагапсоев; Отв. ред. В.В. Черноус // Этноэтатизм и этнократии на Юге России Южнороссийское обозрение ЦСРИП ИППК РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 37. Ростов н/Д. : Изд-во СКНЦ ВШ, 2006.

4. *Милованов Ю.Е.* «Анклавизация» территорий Северо-Кавказского региона: содержание процесса и проблемы исследования / Ю.Е. Милованов // *Насилие в современной России. Материалы научно-практической конференции.* Ростов-н/Д., 1999.

5. *Ислам в Абхазии: политика против мечетей.* Темпы роста количества мусульман пугают традиционное абхазское общество. URL : <https://ontv.su/articles/4440-islam-v-abhazii-politika-protiv-mechetei-tempy-rosta-kolichestva-musulman-pugayut-tradicionnoe-html> (дата обращения 11.04.2019).

6. *Добаев И.П.* Политический радикализм в современном исламе: (На материалах Ближнего, Среднего Востока и Северного Кавказа) : автореф. дис. ... на соиск. учён. степ. к. полит. н.: Спец. 23.00.02. Ростов-н/Д. : Сев.-Кавказ. акад. гос. службы, 2000.

7. *Цветков О.М.* Актуальные проблемы обеспечения безопасности в Северо-Кавказском регионе / О.М. Цветков // *Кавказ: проблемы культурно-цивилизационного развития.* Ростов-н/Д., 2000.

8. *Croissant A.* Eroding Democracy or the Intransigence of Democracy? in: *Transformation / A. Croissant, P. Thierry.* Index 2012.

9. *Магомедов А.* Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания «снизу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). М. : Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 2000.

10. *Дробижева Л.М.* Интеллигенция и национализм. Опыт постсоветского пространства / Л.М. Дробижева // *Этничность и власть в полиэтничных государствах.* Материалы международной конференции 1993 г. М. : Наука, 1994.

11. *Дорониченко А.И.* Межнациональные отношения и национальная политика в России: актуальные проблемы теории, истории и современной практики. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2012.

12. *Маркедонов С.М.* Сепаратизм на Большом Кавказе в постсоветский период: предпосылки, итоги, перспективы Актуальные проблемы Европы. 2009. № 3.

13. *Добаев И.П.* Вопросы гармонизации межкультурных, межнациональных и межконфессиональных отношений сборник статей Международной научно-практической конференции / И.П. Добаев // *Центр исследования глобальных*

regulation / Kh.G. Thagapsoev // *Ethnoetatism and ethnocracy in the South of Russia/South Russian Review of the CSRIIP IPPK RSU and ISPI RAS.* Out. 37/Otv. ed. V.V. Chernous. Rostov-on/D. : Publishing House SKTS VSh, 2006.

4. *Milovanov Yu.E.* «Enclavization» of the territories of the North Caucasus region: the content of the process and the problems of research / Yu.E. Milovanov // *Violence in modern Russia. Materials of the scientific and practical conference.* Rostov-on/D., 1999.

5. *Islam in Abkhazia: politics against mosques.* The growth rate of the number of Muslims scares the traditional Abkhaz society. URL : <https://ontv.su/articles/4440-islam-v-abhazii-politika-protiv-mechetei-tempy-rosta-kolichestva-musulman-pugayut-tradicionnoe-html> (date of application 11.04.2019).

6. *Dobaev I.P.* Political radicalism in modern Islam: (On the materials of the Near, Middle East and the North Caucasus )/Autoref. diss. on the juice. learned. step. k. polit. n.: Special. 23.00.02. Rostov-on/D. : Sev.-Kavkaz. acad. state services, 2000.

7. *Tsvetkov O.M.* Topical security problems in the North Caucasus region / O.M. Tsvetkov // *Caucasus: problems of cultural and civilizational development.* Rostov-on/D., 2000.

8. *Croissant A.* Eroding Democracy or the Intransigence of Democracy? in: *Transformation / A. Croissant, P. Thierry.* Index 2012.

9. *Magomedov A.* Mystery of regionalism. Regional ruling elites and regional ideologies in modern Russia: models of political reconstruction «from below» (comparative analysis on the example of the republics and regions of the Volga region). M. : Moscow Public Scientific Foundation; Publishing Center for Scientific and Educational Programs LLC, 2000.

10. *Drobizheva L.M.* Intelligentsia and nationalism. Experience of the post-Soviet space//Ethnicity and power in multi-ethnic states. Proceedings of the 1993 international conference M.: Science, 1994.

11. *Doronichenko A.I.* Interethnic relations and national politics in Russia: topical problems of theory, history and modern practice. St. Petersburg University Publishing House. 2012.

12. *Markedonov S.M.* Separatism in the Greater Caucasus in the post-Soviet period: prerequisites, results, prospects Current problems of Europe. 2009. № 3.

13. *Dobaev I.P.* Issues of harmonization of intercultural, interethnic and interfaith relations, collection of articles of the International Scientific and Practical Conference / I.P. Dobaev // *Center for the Study of Global Issues of Our Time and Regional Problems*

вопросов современности и региональных проблем «Кавказ. Мир. Развитие»; Южный Федеральный Университет. М. : Издательство «Перо», 2016.

14. Исторические предпосылки современных процессов и тенденций на Северном Кавказе // Серия: проблемы национальной безопасности. Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2005. № 11(263). URL : <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2005/vestniksf263-11/vestniksf263-11020.htm>

15. *Куриленко М.А.* Созревание этноэтатизма в национальных республиках на Северном Кавказе / М.А. Куриленко; Отв. ред. В.В. Черноус // Этноэтатизм и этнократии на Юге России. Южнороссийское обозрение ЦСРИП ИППК РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 37. Ростов-н/Д. : Изд-во СКНЦ ВШ, 2006.

16. *Тужба Э.Н.* Адаптационные возможности населения Абхазии / Э.Н. Тужба // Социологические исследования. 2010. № 10.

17. *Тужба Э.Н.* Религиозное мировоззрение абхазов / Э.Н. Тужба // Философские науки. 2011. № 4.

18. *Тужба Э.Н.* Социальная адаптация мигрантов: теоретическая модель анализа / Э.Н. Тужба, В.Н. Муха // Гуманитарные. социально-экономические и общественные науки. 2019. № 12.

«Caucasus. Peace. Development»; Southern Federal University. M. : Pero Publishing House, 2016.

14. Historical prerequisites of modern processes and trends in the North Caucasus // Seriya: problemy natsionalnoy bezopasnosti. Analytical Bulletin of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. 2005. № 11(263). URL : <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2005/vestniksf263-11/vestniksf263-11020.htm>

15. *Kurylenko M.A.* Maturation of ethnoethatism in national republics in the North Caucasus / M.A. Kurylenko; ed. W.W. Chernous // Ethnoethism and ethnocracy in the South of Russia. South Russian review of the CSRIP IPPC RSU and ISPI RAS. Vol. 37. Rostov-on/D. : SED IN SCNC VS, 2006.

16. *Tuzhba E.N.* Adaptive Opportunities of the Population of Abkhazia / E.N. Tuzhba // Sociological Research. 2010. № 10.

17. *Tuzhba E.N.* Religious worldview of Abkhazians / E.N. Tuzhba // Philosophical sciences. 2011. № 4.

18. *Tuzhba E.N.* Social Adaptation of Migrants: A Theoretical Model of Analysis / E.N. Tuzhba, V.N. Muha // Humanitarian. socio-economic and social sciences. 2019. № 12.



Упоров Иван Владимирович  
доктор исторических наук,  
кандидат юридических наук,  
профессор,  
профессор кафедры конституционного  
и административного права,  
Краснодарский университет МВД РФ  
uporov@list.ru

**Ivan V. Uporov**  
Doctor of Historical Sciences,  
Candidate of Legal Sciences,  
Professor,  
Professor of the Department  
of Constitutional and administrative law,  
Krasnodar University  
of the Ministry of Internal Affairs  
of the Russian Federation  
uporov@list.ru

## ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ВЛИЯНИЯ ГОСУДАРСТВА НА КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО БЫТИЯ

## HISTORICAL KNOWLEDGE AND HISTORICAL REALITY IN THE CONTEXT OF THE INFLUENCE OF THE STATE ON THE DESIGN OF PUBLIC BEING

■ ■ ■

Аннотация. Проблема объективности общественного развития уже давно исследуется в гуманитарных науках. В частности, активно дискутируются вопросы соотношения объективного и субъективного факторов в процессе развития общества. И в этой связи, представляет несомненный интерес рассмотрение данной проблематики в историческом ракурсе. В данной статье исследуется соотношение объективного и субъективного факторов в процессе исторического развития человеческого сообщества. При этом субъективный фактор олицетворяет государство (политическая власть), которое, определенным образом, пытается конструировать подвластный социум, основываясь на историческом опыте. По мнению автора, в таком виде данная проблематика еще мало изучена. Соответствующие обобщения не только аргументируются, но и иллюстрируются на примере российской истории периода XIX – начала XX вв.

■ ■ ■

Annotation. The problem of objectivity of social development has long been investigated in the humanities. In particular, the balance of objective and subjective factors in the development of society is actively debated. And in this regard, it is of undoubted interest to consider this issue from a historical perspective. The article examines the relationship between objective and subjective factors in the process of historical development of the human community. At the same time, the subjective factor personifies the state (political power), which in a certain way tries to construct a subject society, based on historical experience; in this form, this problem is still poorly understood. The corresponding generalizations are shown on the example of the Russian history of the period of the XIX – early XX centuries.

■ ■ ■

Ключевые слова: история, знания, объективность, субъективный фактор, государство, общество, власть.

■ ■ ■

Keywords: history, knowledge, objectivity, subjective factor, state, society, power.

■ ■ ■

**П**роблема объективности общественного развития уже давно исследуется в гуманитарных науках и, прежде всего, в философии. Этой проблематике посвятили свои труды такие ученые, как Н.А. Терещенко, П.Ю. Уваров, А.Ю. Согомонов, П.Н. Хмырев, С.Б. Быстрянский и др. В частности, активно дискутируются вопросы соотношения объективного и субъективного факторов в процессе развития общества. И в этой связи, представляет несомненный интерес рассмотрение данной проблематики в историческом ракурсе. По этому поводу следует согласиться с Н.В. Асоновым, который отмечает, что «история, соединяя в себе элементы общественных наук, представляет сложный интеллектуальный продукт, исследующий варианты развития социально-политической жизни, ее надо

■ ■ ■

изучать, опираясь на объективные законы бытия. Расхождения в выводах историков объясняются тем, что методическая база подчинена парадигмальной составляющей и диктату идеологии субъектов политики» [1, с. 7].

Указанные субъекты политики представляют собой, прежде всего, государственные структуры, и далее мы, как раз, и сосредоточим внимание на потенциале государства конструировать общественное бытие, опираясь на исторический опыт развития общества.

К настоящему времени наибольшую известность в понимании исторического развития общества имеют два подхода: формационный и цивилизационный. Обращает на себя внимание то обстоя-

тельность, что научное обоснование (свободное от мифологических и религиозных убеждений и в современных трактовках научной методологии) они стали получать, начиная с XVIII в., а до этого, стало быть, человечество проживало столетие за столетием без какой-либо научной основы, и при этом как продвигалось вперед, если иметь в виду ощущаемый в повседневности научно-технический прогресс, так и продвигается дальше в переживаемый период времени (то есть, современность) по тому же стратегическому вектору. И здесь с неизбежностью возникает извечный вопрос об объективности общественного развития и влиянии на этот процесс целенаправленной, то есть, уже осознаваемой и подкрепляемой теоретическими и эмпирическими исследованиями, человеческой деятельности и, в первую очередь, в лице государства и научных учреждений как общественных институтов (в данном случае, занимающихся историческими исследованиями), предлагающих государству свои экспертные мнения.

По мнению А.В. Ставицкого: «Как бы историк ни стремился к объективности, его выводы никогда не будут окончательными. Следовательно, полная и абсолютная объективность в историческом исследовании не будет достигнута никогда, а разговоры о ней – из области «научной» мифологии» [2]. В этой связи, как отмечает И.Д. Ковальченко: «Следует напрочь исключить какие бы то ни было претензии на возможность создания неких универсальных и абсолютных теорий и методов исторического познания. Это обусловлено неисчерпаемостью развития, что делает невозможным разработку каких бы то ни было всеохватывающих теорий» [3, с. 4]. Подобные точки зрения вполне отражают, как нам представляется, доминирующее мнение ученых-историков, тем более, если учесть, что они имеют дело не с фактами, а с образами фактов, преимущественно письменными текстами («от древнейшего нуклеуса до вчерашней газеты» [4, с. 7], созданными некими людьми с определенным уровнем познания и, чаще всего, с вполне определенной целью, связанной, как правило, с позицией государственных правителей конкретного исторического времени (а в позднейший период и с позиций их политических оппонентов). Не от того ли, к примеру, нам до сих пор неизвестно происхождение русского государства, имея в виду, в частности, предпосылки этого процесса до IX в.? Здесь же нельзя не отметить и конъюнктурность исторической науки (так, сейчас, на наш взгляд, российская историческая наука переживает болезненный этап переосмысления многих явлений истории России, например, как оценивать декабристов – как преступников при Империи или как героев при СССР, или, как и тех и других, в настоящее время?).

Тем не менее, в условиях «приземленного» человеческого бытия, исходя из современных критериев его оценки (в том смысле, что оценку дают современники переживаемого периода, а не исследователи позднейших периодов), можно, очевидно, говорить, о высокой степени соответствия исторического познания и объективной

реальности, а Г.М. Ипполитов и вовсе полагает, что, при определенных условиях, «объективность исторических исследований достижима» [5, с. 678] – разумеется, речь идет об относительной объективности. Однако даже знание относительной объективности общественного развития, как доносимого учеными-историками до государственных деятелей, принимающих важнейшие решения для страны, так и постигаемого последними самостоятельно в меру своих интеллектуальных сил, не означает, что развитие общества будет следовать познанным объективным историческим законам, причем, в данном случае не имеет значения исходная теория исторического развития (цивилизационная, формационная и т.д.). Эта особенность исторического движения общественных отношений, как представляется, недостаточно изучена.

Мы полагаем целесообразным, в этой связи, показать данное явление на примере России XIX – начала XX вв. Так, вряд ли кто будет сомневаться в том, что известные буржуазные революции в ряде стран Европы дали отсчет Новому времени с его по-прежнему актуальными демократическими принципами (во всяком случае – пока еще), наиболее наглядно отображенными во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г.: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные различия могут основываться лишь на общей пользе» [6], «Цель всякого политического союза – обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека. Таковые – свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению» [6] и т.д. Сейчас уже ясно, что это был и еще остается вектор всеобщего развития человечества, который разными, в том числе, еще неизведанными путями с неизбежностью, хотя и неравномерно, просачивался через все государственные границы.

Россия не стала исключением, и здесь, как нам представляется, некоторые абсолютные монархи также чувствовали необходимость перемен – так, Екатерина II вела диалог с прогрессивными европейскими мыслителями. В ее известном «Наказе» явно слышны нотки европейских вестей, а у «оппозиционеров» императрицы (А.Н. Радищев, Н.И. Новиков и др.) эти мысли были достаточно ясно проявлены, причем, настолько, что «прогрессивная» Екатерина II подвергла их репрессиям. Александр I «дошел» до проекта Уставной грамоты Российской империи. Как вспоминал А. Чарторыйский, император высказывался в том духе, «что ненавидит деспотизм повсюду, во всех его проявлениях, что любит одну свободу, на которую имеют одинаковое право все люди, что он с живым участием следил за французской революцией, что, осуждая ее ужасные крайности, он желает республике успехов и радуется им ... что желал бы всюду видеть республики и признает эту форму правления единственно сообразною с правами человечества ... что наследственная монархия есть установление несправедливое и нелепое, что верховную власть должна даровать не случайности рождения, а голосование народа, который сумеет избрать наиболее способного к управле-

нию государством» [7, с. 83]. Однако сложившееся у правителей и, в целом, у политико-аристократической элиты России того времени представление о незыблемости абсолютизма и соответствующих сословных привилегий, а также, ко многому обязывавшее их общественное положение, не позволили, в итоге, нашей стране выйти на путь общеевропейского развития.

О необходимости сделать это напомнили декабристы в 1825 г. Но их восстание не было поддержано российским обществом, и Николай I, вероятно, увидел в такой позиции тогдашнего российского общества подтверждение правильности выбора самодержавия как основы российского государственного устройства. Для укрепления абсолютизма император издал в 1826 г. новый, более строгий, цензурный устав [8], а через два года этот устав стал еще строже, и цензорам предписывалось, в частности, «следить за неприкосновенностью коренных законов империи» [9, с. 59]. Таковым было направление, заданное государством. Но что происходило в реальности?

В реальности же, суровые законы, по факту, смягчались, ибо объективность общественного развития не может быть изменена создаваемыми людьми государственными институтами (в первую очередь – политической властью). Но власть (государство), безусловно, в состоянии замедлить или, напротив, ускорить общий вектор развития, и здесь, конечно, повышается значимость субъективного фактора. В России, в то время, имело место замедление демократических изменений, точнее, замедление, сопряженное с накоплением протестного потенциала. При этом, несмотря на жесткие законы, на активность Третьего отделения некоторые представители государства, те же цензоры, во многих случаях смотрели сквозь пальцы на довольно раскованные и рискованные для авторов сочинения литераторов и общественных деятелей (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, В.Г. Белинский, А.И. Герцен, П.Я. Чаадаев, дискуссии «славянофилов» и «западников» и др.). И не только цензоры – так, комендант управления на Нерчинских рудниках С.Р. Лепарский довольно лояльно относился к декабристам – формально государственным преступникам, отбывавшим наказание в вверенном ему уголовно-исполнительном учреждении. В частности, декабрист Д.И. Завалишин писал о том, что ему и его товарищам под предлогом болезни дозволялось выходить из острога к женам, общаться на природе у реки, и там вместе с декабристами на пикниках бывали лица начальствующего состава [10, с. 266].

Возникает вопрос: почему же чиновники не боялись общения с преступниками, посягнувшими на государственную власть, то есть, совершившими, по законам того времени, тяжкие преступления? Ответ, мы полагаем, кроется, как раз, в заданном векторе объективного развития общественных отношений, который показывал, что:

– время (власть) монархов уже заканчивается;

– каждый человек имеет право становиться общественной ценностью;

– крепостничество считается неприемлемым;

– приходит время новых людей, которые свое положение в обществе завоевывают не происхождением, а собственными образованием и трудоспособностью.

Тот же С.Р. Лепарский, должность которого по жалованью равнялась должности губернатора, «не хотел выглядеть перед отечественной и зарубежной общественностью в роли палача, желал остаться в истории с добрым именем» [11, с. 128].

Представить подобную позицию чиновника еще на рубеже 1800 г. было невозможно. Но вот пришло другое время, породившее чиновников с иными поведенческими установками; то есть, государство как общественный институт не было абсолютно абсолютистским, и в нем всегда были представители прогрессивных взглядов (другой вопрос, что они долго и массово не проявляли себя).

Это – пример того, как объективность общественного развития свое взяла вопреки субъективному усмотрению государства в лице правящей элиты России: именно с ее инициативами мы связываем и крестьянскую реформу (1861 г.), и судебную реформу (1864 г.), и земскую реформу (1864 г.), и т.д. Да, все это было проделано в европейском духе, хотя и с явным запозданием. С другой стороны, эти реформы осуществлялись не по осознанию правящей элитой необходимости перемен, а под напором обстоятельств, вынужденно, когда не сделать этого было нельзя, не понеся больших потерь для своих интересов.

Как нам представляется, основная причина драматических и трагических исторических поворотов в развитии российского общества заключается именно в неспособности власти (государства) улавливать элементы объективного хода исторического развития, что, в свою очередь, вытекает из ее нежелания поступиться имевшимися привилегиями (капиталами, должностями, льготами и т.д.). Так, распространение революционных настроений во второй половине XIX в. («Земля и воля», «Народная воля» и др.), аплодисменты публики на оправдательный приговор суда присяжных Вере Засулич, признавшей в покушении на петербургского градоначальника (1878 г.), казалось бы, должны были заставить государство осмыслить ситуацию в обществе – ведь очевидно было, что явно в обществе складывается что-то не так: не должны граждане рукоплескать террористке. Казалось бы, надо присмотреться к опыту Японии, где император нашел мужество отступить в сторону, передав власть парламенту и правительству («Законы Мейдзи»). Но нет, не осмыслили, не присмотрелись.

Более того, в этом случае российское государство, пытаясь замедлить ход исторического раз-

вития, «закрутило гайки» в рамках периода контрреформ конца XIX в., и, в результате чего, вместо ускоренного общественного развития получился новое его замедление, а , накопившийся протестный потенциал прорвало в начале XX в. Но и тогда еще была возможность подстроиться под объективность исторического процесса – после событий 09 января 1905 г. Но этого не случилось, царь не захотел услышать общественность, будучи зашоренным абсолютистскими предрассудками и верой в свою, данную свыше, великую миссию. А объективность и тут взяла свое, но уже в иных формах. И если в первой половине XIX в. объективность общественного развития от имени государства олицетворяли, в основном, чиновники среднего звена, то теперь уже «проснулись» и высшие круги. В этом контексте произошло неоднозначное явление российской истории, когда в военное время (!) практически весь генералитет, значительная часть Государственной Думы и сонм прочих вчера еще верных государю деятелей вынудили Николая II – императора (!), Главнокомандующе-

#### Литература:

1. Асонов Н.В. История как наука / Н.В. Асонов // Власть. 2018. № 12. С. 7-10.
2. Ставицкий А.В. Объективность в истории: пределы и возможности / А.В. Ставицкий // Информационно-аналитический портал Таврии и Севостополя. URL : <http://русскоедвижение.рф/index.php/articles/42-articles/5614-2012-03-07-10-43-22> (дата обращения 25.04.2021).
3. Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах / И.Д. Ковальченко // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 4-10.
4. Поляков Ю.А. Историзмы (мысли и суждения историка). М. : Ин-т рос. истории РАН, 2001. 101 с.
5. Ипполитов Г.М. Объективность исторических исследований: достижима ли она? Дискуссионные заметки / Г.М. Ипполитов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2006. № 8. Т. 3. С. 676-689.
6. Декларация прав человека и гражданина (Принята Учредительным собранием 26 августа 1789 г.) // Французская Республика: Конституция и законодательные акты. М. : Прогресс, 1989. С. 26-29.
7. Русский двор в конце XVIII и начале XIX столетия: из записок князя Адама Чарторыйского, 1795-1805 (переиздание). М. : РГБ, 2007. 221 с.
8. Цензурный устав от 10.06. 1826 г. // Русская журналистика в документах. История надзора / Составитель О.Д. Минаева. М. : Аспект пресс, 2003. С. 110-114.
9. Полусмак Т.Л. Цензурное законодательство дореволюционной России : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2003. 194 с.

го (!) подписать отречение от престола. Вот цена длительного противодействия объективным законам развития общества: крушение государства, революция, Гражданская война, страдания миллионов россиян (включая императора и его семью). Вот следствие катастрофы начала XX в., разразившейся после векового мертвого стояния российской власти на абсолютистских опорах. А потом был СССР, и тоже, образно выражаясь, историческое стояние, но на иных, идейно-классовых опорах, и тоже было предательство (ГКЧП 1991 г.), и тоже было крушение государства. В настоящее время есть надежда, что третьей катастрофы не произойдет, если, конечно, будут извлечены уроки из опыта предшествующего исторического развития страны, и если правящей элите достанет высоких личностных качеств поступиться собственными интересами ради общественного блага. В противном случае России уготована судьба перманентно-катастрофического государства, и, не дай бог, нашим потомкам познать такую судьбу.

#### Literature:

1. Asonov N.V. History as Science / N.V. Asonov // Power. 2018. № 12. P. 7-10.
2. Stavitskiy A.V. Objectivity in history: limits and possibilities / A.V. Stavitskiy // Information and analysis portal of Tavriya and Sevstopol. URL : <http://Russian-movement.rf/index.php/articles/42-articles/5614-2012-03-07-10-43-22> (date of application 25.04.2021).
3. Kovalchenko I.D. Theoretical-Methodological Problems of Historical Research. Notes and reflections on new approaches / I.D. Kovalchenko // New and recent history. 1995. № 1. P. 4-10.
4. Polyakov Yu.A. Historisms (thoughts and judgments of the historian). M. : Institute of Russian History RAS, 2001. 101 p.
5. Hippolyte G.M. Objectivity of Historical Research: Is It Achievable? Discussion notes / G.M. Hippolyte // Izvestia of the Samara Research Center of the Russian Academy of Sciences. 2006. № 8. Vol. 3. P. 676-689.
6. Declaration of Human and Citizen's Rights (Adopted by the Constituent Assembly on 26 August 1789) // French Republic: Constitution and Legislation. M. : Progress, 1989. P. 26-29.
7. Russian court in the late 18th and early 19th century: from the notes of Prince Adam Chartorisky, 1795-1805 (reissue). M. : RGB, 2007. 221 p.
8. Censorship charter of 10.06. 1826 / Russian journalism in documents. History of Oversight / Compiled by O.D. Minaeva. M. : Press Aspect, 2003. P.110-114.
9. Polusmak T.L. Censorship Legislation pre-revolutionary Russia : dis. ... cand. law legal. Sciences. Nizhny Novgorod, 2003. 194 p.

10. Записки декабриста Д.И. Завалишина. СПб. : Тип. М.О. Вольфа, 1906. 462 с.

11. *Соболев А.В.* Вельможная каторга и ее артельное хозяйство / А.В. Соболев // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 127-133.

10. Notes of the Decembrist D.I. Zavalishin. SPb. : Type. M.O. Wolf, 1906. 462 p.

11. *Sobolev A.V.* The Grande-like hard labor and its farm / Issues of history. 2000. № 2. P. 127-133.

Шандулин Е.А.

кандидат исторических наук,  
доцент кафедры  
специальных исторических  
дисциплин и документоведения,  
Институт истории  
и международных отношений,  
Южный федеральный университет  
79289013427@yandex.ru

Аганов Андрей Анатольевич  
магистр по специальности  
«История России  
и стран ближнего зарубежья»,  
экскурсовод,  
Ростовский исторический парк  
«Россия - моя история»  
79289013427@yandex.ru

## ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I В КОНТЕКСТЕ ЕГО ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ ПОСЛЕ ЗАВЕРШЕНИЯ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН (1814- 1820 ГГ.)

■ ■ ■  
Аннотация. Любая страна на определенных этапах своего существования сталкивается с тем, что она нуждается в проведении широкомасштабных реформ, направленных на модернизацию государственного управления и, тем самым, они позволят государству сделать шаг вперед, встать в один ряд с развитыми державами. Российское государство, как и любое другое, служит одним из таких примеров. В данной статье рассматривается процесс влияния европейской политики императора Александра I на его внутреннюю политику после завершения наполеоновских войн (1814–1820 гг.). Именно европейская политика императора Александра I была решающей для реализации программы реформ в Российской империи в первой четверти XIX века.

Ключевые слова: Александр I, Государственная уставная грамота, Европа, Конституция, реформы.

■ ■ ■  
**В**нутренняя и внешняя политика – основополагающая часть государственной политики. Любая страна на определенных этапах своего существования сталкивается с тем, что она нуждается в проведении широкомасштабных реформ, которые позволят модернизировать государственное управление и тем самым позволят государству сделать шаг вперед, встать в один ряд с развитыми державами. Российское государство, как и любое другое служит одним из таких примеров. Реформы, проводимые в то время в нашей стране, были направлены на

**Evgeny A. Shandulin**

Candidate of Historical Sciences,  
Associate Professor of the Department  
of Special Historical Discipline  
and Documentary Studies,  
Institute of History  
and International Relations,  
Southern Federal University  
79289013427@yandex.ru

**Andrey A. Aganov**

Master in Specialty  
«History of Russia and  
Neighboring Countries»,  
Guide,  
Rostov Historical Park  
«Russia is my story»  
79289013427@yandex.ru

## THE INTERNAL POLICY OF EMPEROR ALEXANDER I IN THE CONTEXT OF HIS EUROPEAN POLICY AFTER THE END OF THE NAPOLEONIC WARS (1814-1820)

■ ■ ■  
Annotation. Any country at certain stages of its existence is faced with the need for wide-ranging reforms that will modernize public administration and thus enable the State to take a step forward, to stand on a par with the developed Powers. The Russian state, like any other, serves as one such example. This article examines the process of the influence of the European policy of Emperor Alexander I on his domestic policy after the end of the Napoleonic wars (1807–1812). Often it was the European policy of Emperor Alexander I that played a decisive role in the implementation of the reform program in the Russian Empire in the first quarter of the 19th century.

Keywords: Alexander I, State charter, Europe, Constitution, reforms.

■ ■ ■  
укрепление государственного аппарата. На их инициирование оказали влияние события, происходящие как в Европе, так и внутри самой России. Учет мнения различных слоев населения, диалог между властью и различными социальными слоями общества должны были помочь найти консенсус между ними.

В XIX веке Россия остро нуждалась в проведении реформ, которые должны были укрепить органы государственной власти и управления, избавить страну от чиновничьих злоупотребле-

ний. В XVIII веке она стала ведущей мировой державой, влияющей на европейскую и мировую политику. Несмотря на успехи во внешнеполитических делах, внутри самой России были проблемы, которые могли, рано или поздно, привести к потрясениям, расшатать существующий государственный строй. Главной проблемой, сдерживающий экономический рост России, было крепостное право. Второй проблемой было то, что существующие органы государственного управления не отвечали современным требованиям и нуждались в реформировании, повышении их эффективности. Неограниченная власть, сосредоточенная в руках императора, допускала с его стороны любой произвол. Ее существование могло привести к тому, что самого монарха могли убить из-за тех или иных его решений.

После завершения наполеоновских войн Российская империя стала самой сильной державой мира. Император Александр I мог, наконец-таки, заняться реформами внутри страны.

Российские солдаты и офицеры во время Заграничного похода побывали в европейских странах. Там они увидели другие порядки и более высокий уровень жизни. Молодые офицеры осознали, что в России многое нужно изменить. Например, крепостное право необходимо было отменить или даровать стране конституционные порядки и создать представительный орган власти.

Александр I прекрасно знал об этих проблемах. Несмотря на провал программы Сперанского при реформировании Российской империи, он хотел ограничить самодержавную власть. Теперь у него не было сильного врага в лице Наполеона Бонапарта, который мог помешать его внутриполитическим замыслам. 30 августа 1814 года вышел Манифест императора Александра I [13, с. 906-910]. В нем есть довольно интересный отрывок: «Ныне хотя постановление и устройство дел в Европе для общего всех народов успокоения и требует отбытия Нашего из России, но сие отбытие, уповаем на милость Божескую, будет уже недолговременное, и с полным окончанием внешних дел, возвратит нас к беспрепятственному попечению о внутреннем Государства Нашего благе» [13, с. 906]. В приведенном отрывке, на наш взгляд, император делает намек на то, что он будет реформировать Российскую империю после своего возвращения из Вены. В этой столице Австрии европейские лидеры и их дипломаты должны были решить судьбу Европы. Современники царя также сочли, что император делает намек на возможное продолжение реформ [19, с. 217].

Цель данного исследования - рассмотреть процесс влияния европейской политики императора Александра I на его внутреннюю политику после завершения наполеоновских войн. Зачастую, именно внешняя политика играла решающую роль при реализации программы реформ или наоборот, отказе от нее. Принимаемые из-за этого решения могли играть огромную роль для будущего государства уже после смерти императора. Задачи исследования:

1) изучение влияния европейской политики императора Александра I на его внутренний курс после завершения наполеоновских войн;

2) доказать на конкретных примерах, имела ли она решающее значение при реализации реформ после завершения наполеоновских войн;

3) выявление причин, которые заставили императора Александра I отказаться от реформ.

При написании исследования были привлечены источники, которые можно подразделить на две группы: нормативно-правовые документы и нарративные источники. К нормативно-правовым документам мы относим следующие важные источники: указы, акты, постановления, отчеты, доклады, мирные и союзнические договоры Российской империи с различными государствами. Одни из них представлены в Полном собрании законов Российской империи [12], в котором находятся различные нормативно-правовые документы, принятые в годы правления императора Александра I. Другим важным источником является Архив Государственного Совета Российской империи [2].

Государственный совет появился еще в самом начале правления императора Александра I и на его заседаниях обсуждались проблемы внутренней и внешней политики. Мирные договоры и союзнические обязательства, которая заключила Россия в первой четверти XIX века, находятся в таком важном сборнике, как «Внешняя политика России XIX и начала XX века» [5]. Также, стоит выделить документы Комитета 06 декабря 1826 г., который был создан уже после смерти императора Александра I по приказу императора Николая I. Он должен был рассмотреть проекты преобразования государственного управления Российской империи. Были обнаружены различные проекты преобразований, записки государственных деятелей, которые писали о тех или иных нарушениях в системе управления и о способах их устранения. Например, были найдены проекты реформ Сперанского, записки Кочубея. Эти источники были опубликованы Российским историческим обществом (далее, РИО) [18] в конце XIX века. Поднятую нами проблему историки раньше не рассматривали, то есть, специальной литературы по данной теме не существует, хотя период правления Александра I рассматривался многими учеными.

На Венском конгрессе каждая страна пыталась отстаивать свои интересы. Россия хотела присоединить Великое герцогство Варшавское и возродить Польшу. Королем Польши должен был стать российский император. Александр I планировал даровать Польше Конституцию, благодаря которой он стал бы конституционным монархом. Но против этого выступали Австрия, Великобритания и Франция. Эти страны заключили союз против России. Александр I собирался воевать со своими бывшими союзниками, если бы они не признали переход Польши под контроль России.

Европа была поставлена на грань новой войны. В этом случае можно было забыть о реформах. Но в марте 1815 года Наполеон Бонапарт неожиданно для всех сбежал с острова Эльбы и вернулся к власти на 100 дней. Испуганные монархи и их дипломаты пришли к консенсусу и нанесли ему поражение. После второго отречения Наполеона союзные войска должны были находиться на французской территории до ее полного умиротворения. 21 апреля (по юлианскому календарю) 1815 года был заключен Трактат [14, с. 78-87] между российским императором и королем прусским, который передавал большую часть бывшего Великого герцогства Варшавского Российской империи. Пруссия возвращала часть земель. В этом документе было сказано, что польские земли получают Конституцию, и они будут «состоять под особенным управлением» [14, с. 80]. Российский император становился царем (королем) польским. Эта территория стала именоваться Царством Польским [14, с. 117-119] и находилось в неразрывной унии с Российской империей.

Другой важный договор был подписан 9 июня 1815 года – Заключительный акт Венского Конгресса. Этот документ устанавливал новый международный порядок. Европейские страны изменили границы государств. Франция оккупировалась войсками союзных держав до ее полного умиротворения, и фактически она находилась в состоянии изоляции. Россия, Пруссия, Австрия и Великобритания стали полными хозяевами положения дел в Европе. Эти страны понимали, что все вопросы нужно решать путем переговоров, а не войны. Они не хотели повторения крупномасштабных войн. Российский император во время Венского конгресса выступил с довольно интересной инициативой. Он предложил создать «Священный союз» европейских монархов. Этот союз должен был подчинить европейских монархов нравственным принципам, основанным на христианской религии. Правители Европы должны были приходить на помощь другим монархам в трудную для них минуту.

Священный союз был моральной декларацией. Первоначально Трактат [14, с. 279-280] о создании союза подписали российский император, австрийский император и король Пруссии. Последние два не совсем понимали его надобности, но они осознавали, что, благодаря этому решению, можно будет выиграть для своей страны какую-нибудь помощь в будущем. Уже вскоре к нему присоединились многие европейские правители. Александр I пытался всем показать, что он настроен миролюбиво и хочет только блага для Европы.

Благодаря второму Парижскому миру, Заключительному акту Венского Конгресса и Священному Союзу, в Европе наступил мир. Европейские страны восстанавливались после завершения долгой войны. Александр I решил заняться внутренними делами. В соответствии с Трактатом от 21 апреля 1815 года и намерениям самого Александра I, Царству Польскому должна была быть дарована Конституция. Российский император

после завершения Венского конгресса прибыл в Варшаву, где был подготовлен проект польской Конституции. Он считал, что должен, с одной стороны, дать полякам либеральные учреждения, но – с другой стороны, оставить за собой большую власть. Все его замечания были учтены, и уже 15 ноября 1815 года [9] Царству Польскому была дарована Конституция, которая, на тот момент, была довольно прогрессивной.

Царем Польши становился российский император, который должен был во время своей коронации дать клятву о том, что он будет соблюдать Конституцию. Статья 31 этого документа гарантировала полякам «на вечные времена народное представительство» [9]. Парламент Царства Польского должен был состоять из двух палат – Сената (верхней) и Посольской избы (нижней). Членов верхней палаты (сенаторов) назначал лично царь, а нижнюю палату избирали путем прямого голосования ограниченный круг людей. Правом голоса обладало около 1/30 части населения [3, с. 28] (100 тысяч человек из трех миллионов). Царь был главой исполнительной власти [9]. Он обладал правом законодательной инициативы. У Сейма она отсутствовала. Стоит отметить, что судебная власть находилась в странном положении. С одной стороны, суд был независимым от других ветвей власти. С другой стороны, царь мог отменить или изменить любое его решение. При этом все законы может издавать только Сейм. Он мог воспользоваться правом вето и отказать царю сделать его проект законом. Несмотря на все эти ограничения, польская Конституция была довольно прогрессивной для своего времени. Александр I стал в этой части своей империи конституционным монархом и мог распространить эту систему на всё государство. К тому же, он выполнил условия Трактата, подписанного 21 апреля 1815 года.

Император и дальше имел возможность заниматься внутренними делами, благодаря тому, что в Европе в 1816-1818 годах был мир. Александр I в 1816 году даже предложил британскому министру иностранных дел Каслри идею разоружения Европы [8, с. 183], но тот её отказался. При этом отношения с этой страной были неплохими. В том же году император одобрил идею Саксен - Веймарского герцога даровать своей стране Конституцию [8, с. 188]. Примеру герцога последовал Баден и Вюртемберг. Через год был сокращен союзный оккупационный корпус, который находился во Франции. Александр I видел, что во Франции положение монархии Бурбонов стало стабильным.

Благодаря такому спокойному положению дел в Европе, император мог продолжить свой реформаторский курс. Александр I осознал, что настало самое подходящее время для создания общеимперской Конституции и ограничения своей власти. Еще в 1815 году в разговоре с литовским помещиком М. Огинским он намекал на это [20, с. 229-242]. В 1818 году было открыто первое заседание Сейма в Царстве Польском. Александр I отправился в Варшаву, где собирался выступить с речью на открытии сейма и воочию увидеть его работу. 15 марта 1818 года он выступил с ней на открытии Сейма и заявил:



«Образование, существовавшее в вашем крае, позволяло мне ввести немедленно то, которое я вам даровал, руководствуясь правилами законно свободных учреждений,.... которых спасительное влияние, надеюсь я, при помощи Божией, распространить и на все страны, Провидением попечению моему вверенные» [1]. В приведенном нами отрывке мы видим, что император публично заявил о том, что хочет распространить на Российскую империю конституционные порядки, существовавшие в Царстве Польском. Сейм проработал ровно месяц. Он отклонил только один законопроект. Александр I остался доволен его работой.

После завершения работы сейма Александр I вместе со своими приближенными отправился в Бессарабию, где обнародовал «Устав образования Бессарабской области» [15, с. 222-281]. Этой окраине император даровал широкое самоуправление. Законодательной и распорядительной властью распоряжался Верховный совет, который состоял из одиннадцати человек (пять назначались, а остальные избирались местным дворянством). Решения Верховного совета должны были приводиться к исполнению немедленно.

Осенью 1818 года европейские лидеры, спустя три года, впервые собрались в городе Аахен для решения важных вопросов. Александр I также участвовал в работе конгресса. Самый главный вопрос, который обсуждался на заседаниях конгресса, был французский. Во Франции находился оккупационный корпус, и эта страна выплачивала союзникам контрибуцию. Положение во Франции оставалось стабильным. Александр I считал, что с нее можно снять режим оккупации и, благодаря этому, подпустить ее к решению европейских дел. У этой идеи, конечно же, были противники, но оккупационный режим был снят. Франция возвращалась в круг великих держав. Российский император также поддержал идею Пруссии. Она предлагала заключить договор между великими державами. В нем страны гарантировали друг другу неизменность границ и образа правления. В случае революции, страны-гаранты могли иметь право вторгнуться на территории государства, в котором нарушается существующий порядок, и подавить беспорядки. Эта идея не была поддержана Великобританией. Как мы видим, в 1818 году в Европе не было никаких потрясений.

В декабре 1818 года Александр I вернулся в Россию после своего участия в работе Аахенского конгресса. Он прибыл в Минск. Туда же отправился и его старый друг, граф Н.Н. Новосильцев со своим помощником П.А. Вяземским. Скорее всего, именно в это время Александр I дал поручение Новосильцеву разработать проект будущей Российской конституции. На это намекается и в письме П.А. Вяземского А.И. Тургеневу [10, с. 182-183].

Н.Н. Новосильцев возглавил работу по созданию Конституции, и для этого он привлек французского юриста П.И. Пешара – Дешана, который написал проект будущей Конституции на фран-

цузском языке. Переводом проекта на русский язык занимался П.А. Вяземский. Эта работа требовала большего напряжения сил от членов комиссии. В октябре 1819 года в Варшаве Александру I предоставили первый проект. Он внимательно изучил его и внес свои замечания, которые надо устранить. Н.Н. Новосильцеву дали два месяца на устранение недочетов и составление окончательного текста.

После своего возвращения в столицу царь 01 ноября 1819 года встретился с бывшим министром полиции А.Д. Балашовым, которого он хотел назначить генерал-губернатором пяти губерний: Тульской, Рязанской, Орловской, Тамбовской и Воронежской. На вверенной ему территории Балашов должен был реализовать идеи, заложенные в проекте Конституции. Для этого ему должны были вручить инструкцию, которая бы предписывала совершать те или иные шаги во вверенных ему губерниях. Но такой инструкции он не получил. В разговорах с А.Д. Балашовым [4, с. 24], Александр I заявил ему, что он продолжит те реформы, которые были прерваны из-за обострения отношений с Наполеоном Бонапартом. Официальный указ о назначении А.Д. Балашова генерал-губернатором пяти губерний вышел 19 января 1820 года [16, с. 24].

К лету 1820 года был составлен окончательный проект Конституции. Новосильцев и Вяземский в конце мая 1820 года прибыли в Петербург, где у последнего состоялся разговор с Александром I [11, с. 87-88]. Император оценил вклад молодого Вяземского и заявил, что, несмотря на все затруднения, он введет в стране Конституцию.

Конечно же, стоит, на наш взгляд, рассказать об основных положениях данного проекта. Проект был написан на французском языке и переведен на русский язык. На русский язык проект был переведен как «Государственная уставная грамота Российской империи». Слово «Конституция», как мы видим, не звучит в названии. И это не случайно. Александр I прекрасно понимал, что та часть дворянства, которая по своему духу является консервативной, вряд ли воспримет этот документ с великой радостью. Александр I и его ближайшее окружение прекрасно знали об этих настроениях и не хотели таким образом вызывать раскол в обществе.

Первая глава грамоты называется «Предварительные распоряжения». Уже её первая статья говорит нам о том, что в Российской империи в случае реализации этого документа на практике должно появиться новое административно-территориальное деление страны на, так называемые, наместничества. Таких наместничеств должно было быть около десяти на всю Российскую империю. Фактически, в данном проекте речь шла о том, что Российская империя, в случае реализации данных идей на практике, должна стать федеративным государством. Создаваемые наместничества должны были состоять из нескольких губерний, которые, в свою очередь, делятся на уезды, округа, города, села и деревни. В этом документе подчеркивалось, что данная Государственная уставная грамота даруется

монархом всем своим подданным на «вечные времена» [6]. То есть, данная Конституция является октроированной. Важной особенностью данного документа было то, что источником всей власти объявлялся император Всероссийский. Он также был и главой исполнительной власти [6]. Но при этом следующая статья говорит нам о том, что «законодательной власти государя содействует государственный сейм» [6]. Император также сохранял за собой право объявления войны и заключения мирных договоров. Важной особенностью данного документа является то, что в нем впервые закрепляются пределы императорской власти.

Отдельные статьи Конституции посвящены наместникам и, так называемым, «советам наместничества». Во главе создаваемого наместничества должен был стоять наместник, который являлся представителем императора во вверенной ему территории. Ему помогал управлять совет наместничества. Наместник должен был наблюдать за точным исполнением законов и стараться развивать губернии, входящие в состав наместничества. Наместнический совет разделялся на правильный совет и общее собрание. Наместник во вверенной ему территории имел такую же власть, как и император над всей Российской империей. Члены правильного совета являлись, по сути, министрами на территории наместничества.

В третьей главе Конституции одна из статей посвящалась парламенту. Российский парламент должен был получить следующее название – Государственный сейм Российской империи, который планировался состоящим из двух палат. Верхней палатой парламента становился сенат, а Посольская изба становилась нижней палатой. Государственный сейм разделялся на частные сеймы наместнических областей, которые созывались каждые три года и – на общий государственный сейм, который созывается каждые пять лет. То есть, в наместничествах существовали свои местные парламенты. Они также состояли из двух палат. При этом верхней палатой наместнического сейма становился один из департаментов Сената и ее членов назначал лично император, а нижняя палата избиралась из двух третей послов и депутатов, которые избирались в каждой области наместничества и, самое главное, они утверждались императором.

Исполнительная власть вручалась императору и министерствам. В Российской империи, согласно документу, существовало десять министерств, которые сохраняли свое разделение на департаменты, столы, согласно «Общему учреждению министерств» от 1811 года.

Помимо разделения властей, в Государственной уставной грамоте одна из глав была посвящена, т.н., «Ручательствам державной власти». Согласно документу, отныне только суд мог наказывать преступника. Если подданный императора находится под стражей, то ему должны были объяснить, почему он находится под арестом.

Право собственности объявлялось священным и неприкосновенным. Как мы видим, создатели Государственной уставной грамоты были знакомы с передовым, по тем временам, французским гражданским кодексом – Кодексом Наполеона.

Пятая глава Конституции была посвящена судебной власти. Судьи, согласно документу, должны были при принятии решений действовать по закону и иметь независимость от императора и государственного аппарата. Судей назначал император согласно специальным правилам, и отрешались они от должности за совершение того или иного противозаконного поступка и после совершения над ними суда. Часть главы Конституции была посвящена верховному государственному суду, который состоял из председателя, сенаторов и других членов, назначенных по решению императора. Государственный обвинителем становился генерал-прокурор. Верховный государственный заседал в Санкт-Петербурге, и он рассматривал следующие преступления: оскорбление императора, преступления против государства и действия чиновников высокого ранга, которые совершают противоправные действия. Император должен был одобрить приговор Верховного государственного суда.

Подведем итог. Государственная уставная грамота навсегда изменяла Российскую империю. Она предполагала создание двухпалатного парламента, разделение властей и самое главное федеративное деление страны на так называемые наместничества. Впервые закреплялись и права человека: свобода печати, передвижения и другие.

Общество ожидало, что уже скоро император обнародует Конституцию. Новосильцев подготовил проект Манифеста о введении в силу Государственной уставной грамоты [17, с. 73-75]. В тексте Манифеста также не упоминался термин «Конституция», говорилось только о совершенствовании существующего порядка. Одновременно Новосильцев приготвил и второй Манифест [17, с. 76], который уничтожал польскую конституцию 1815 года. Она становилась ненужной в силу того, что все те права и свободы, которые были исключительно у поляков, теперь получали все подданные императора.

Но «Государственная уставная грамота Российской империи» так и осталось очередным проектом. Император отказался от реализации этого проекта, и причина отказа кроется в том, что в 1820 году в Европе начались революции. Они произошли в итальянских государствах (в Пьемонте, в Неаполитанском королевстве), а в октябре 1820 года в Санкт-Петербурге произошло восстание Семеновского полка. Император стал считать, что революционные настроения проникли и в Россию. Начальник Главного штаба барон И.И. Дибич при разговоре с А.И. Михайловском-Данилевском [7, с. 204] счел, что именно из-за европейских революций царь отказался от введения в стране Конституции. Таким образом, европейская политика императора Александра I серьезно образом повлияла на его

внутриполитический курс. После разгрома Наполеона император вернулся к реформам и при активном участии Николая Новосильцева был разработан проект Конституции. Разработка

#### Литература:

1. Александр I; Император 1777-1825. Речь, произнесенная его императорским величеством при открытии сейма Царства Польского в 15/27 день марта 1818 года в Варшаве. Варшава, 1818 (дата обращения 16 марта 2021).
2. Архив Государственного Совета Российской империи. URL : <https://runivers.ru/lib/book7656/> (дата обращения 17 марта 2021).
3. *Аскенази Ш.* Царство Польское, 1815-1830. М. : Книгоиздательство писателей, 1915. 168 с.
4. *Балашев А.Д.* Записки касательно моей жизни. Архив СПб ИИРАН. Ф 16. Оп. 1. Д. 15. Л. 98-99 об.
5. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Рос. м-ва иностр. дел / М-во иностр. дел СССР, Комис. по изд. дипломат. документов при МИД СССР; Д-р экон. наук А.А. Громыко (пред.) [и др.]. М. : Госполитиздат, 1960. 27 с.
6. Государственная уставная грамота Российской империи» 1819 года. URL : <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/31000/> (дата обращения 17 марта 2021).
7. ГПБ. Ф. 488. (А.И. Михайловский-Данилевский). № 25. Л. 204-204 об.
8. *Дегоев В.В.* Внешняя политика России и международные системы:1700–1918 гг. М. : МГИМО; РОССПЭН, 2004. 495 с.
9. Конституционная Хартия Царства Польского» / Перевод с французского языка. URL : [http://www.pereplet.ru/history/Russia/Imperia/Alexandr\\_l/kx1815.html](http://www.pereplet.ru/history/Russia/Imperia/Alexandr_l/kx1815.html) (дата обращения 17 марта 2021).
10. Остафьевский Архив князей Вяземских. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым (1812-1819). СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1899. Т. 1. 735 с.
11. Остафьевский Архив князей Вяземских., Т.2. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым (1820-1823). СПб.: типография М.М. Стасюлевича, 1899. 375 с.
12. Полное собрание законов Российской империи. URL : [http://nlr.ru/e-res/law\\_r/content.html](http://nlr.ru/e-res/law_r/content.html) (дата обращения 17 марта 2021).
13. Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. Т. 32. (1812-1814). № 25671. Всемилостивейший Манифест от 30 августа 1814 года «О учреждении крестов для Духовенства, а для воинства, дворянства и купечества медалей и о разных льготах и милостях». 1132 с.

проекта происходила во время отсутствия внешних конфликтов в Европе, но, начавшиеся в Европе революции, заставили царя перейти к охранительной внутренней политике.

#### Literature:

1. Alexander I; Emperor 1777-1825. A speech delivered by his imperial majesty at the opening of the Sejm of the Kingdom of Poland on the 15th/27th day of March 1818 in Warsaw. Warsaw, 1818 (date of application March 16, 2021).
2. Archive of the State Council of the Russian Empire. URL : <https://runivers.ru/lib/book7656/> (date of application March 17, 2021).
3. *Askenazi S.* Kingdom of Poland, 1815-1830. M. : Book Publishing of Writers, 1915. 168 p.
4. *Balashov A.D.* Notes regarding my life. Archive of St. Petersburg IIRAN. F 16. Op. 1. 15. L. 98-99 about.
5. Foreign policy of Russia of the XIX and early XX centuries. Documents Ros. Mr. Foreign. Foreign Minister. Affairs of the USSR, Komis. by ed. diplomat. documents under the Ministry of Foreign Affairs of the USSR; Dr. Econ. sciences A.A. Gromyko (pre.) and others. M. : Gospolitizdat, 1960. 27 p.
6. State Charter of the Russian Empire of 1819. URL : <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/31000/> (date of application March 17, 2021).
7. GPB. T. 488. (A.I. Mikhailovsky-Danilevsky). № 25. L. 204-204 about.
8. *Degoev V.V.* Foreign Policy of Russia and International Systems: 1700-1918 M. : MGIMO; ROSSPEN, 2004. 495 p.
9. Constitutional Charter of the Kingdom of Poland. Translation from French. URL : [http://www.pereplet.ru/history/Russia/Imperia/Alexandr\\_l/kx1815.html](http://www.pereplet.ru/history/Russia/Imperia/Alexandr_l/kx1815.html) (date of application March 17, 2021).
10. Ostafievsky Archive of the Princes of Vyazemsky. Vol. 1. Correspondence of Prince P.A. Vyazemsky with A.I. Turgenev (1812-1819). SPb. : printing house M.M. Stasyulevich, 1899. 735 p.
11. Ostafievsky Archive of the Princes of Vyazemsky., Vol. 2. Correspondence of Prince P.A. Vyazemsky with A.I. Turgenev (1820-1823). SPb. : printing house M.M. Stasyulevich, 1899. 375 p.
12. Complete collection of laws of the Russian Empire. URL : [http://nlr.ru/e-res/law\\_r/content.html](http://nlr.ru/e-res/law_r/content.html) (date of application March 17, 2021).
13. Complete collection of laws of the Russian Empire. First meeting. Vol. 32 (1812-1814). № 25671. The most merciful Manifesto of August 30, 1814 «On the establishment of crosses for the clergy, and for the army, nobility and merchants of medals and about various benefits and mercies». 1132 p.

14. Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. Т. 33. (1815-1816). № 25827. Дружественный Трактат, заключенный в Вене между Его Величеством Императором Всероссийским и Его Величестве Королем Прусским-о распоряжениях, относительно Герцогству Варшавскому. 21 апреля 1815 года. 1171 с.
14. Complete collection of laws of the Russian Empire. First meeting. Vol. 33 (1815-1816). № 25827. A friendly Treatise concluded in Vienna between His Majesty the All-Russian Emperor and His Majesty the King of Prussia on orders regarding the Duchy of Warsaw. April 21, 1815. 1171 p.
15. Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. Т. 35. (1818). № 27357 «Устав образования Бессарабской области». 672 с.
15. Complete collection of laws of the Russian Empire. First meeting. Vol. 35. (1818). № 27357 «Charter of Education of the Bessarabian Region». 672 p.
16. Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. Т. 37. (1820-1821). № 28106. Именной, данный генерал-губернатору Балашову, от 27 января 1820 года – «О обревизовании вверенных ему Губерний на правилах, предписанных Инструкцией Сенаторам». 981 с.
16. Complete collection of laws of the Russian Empire. First meeting. Vol. 37. (1820-1821). № 28106. The name given to Governor General Balashov, dated January 27, 1820 – «On the obrevision of the provinces entrusted to him on the rules prescribed by the Instruction to the Senators». 981 p.
17. РГАДА. Ф. 12 (Разряд 12). Оп. 1. Д. 269. Л. 73-75. РГАДА. Ф. 12 (Разряд 12). Оп. 1. Д. 269. Л. 76.
17. RGADA. F. 12 (Rank 12). Op. 1.D. 269. L. 73-75. RGADA. F. 12 (Rank 12). Op. 1.D. 269.L. 76.
18. Сборник Русского исторического общества. Т. 90. URL : [https://runivers.ru/lib/book\\_9408/483976/](https://runivers.ru/lib/book_9408/483976/) (дата обращения 20 марта 2021).
18. A collection of the Russian Historical Society. Vol. 90. «Electronic resource». URL : <https://runivers.ru/lib/book9408/483976/> (date of application March 20, 2021).
19. Трубецкой С.П. Записки. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1: Идеологические документы, воспоминания, письма, заметки. Иркутск, 1983. 407 р.
19. *Trubetskaya S.P.* Notes. Materials about life and revolutionary activities. Vol. 1: Ideological documents, memoirs, letters, notes. Irkutsk, 1983. 407 p.
20. *Oginski M.* Memoirs sur la Pologne et les polonais depuis 1788 jusga la fin de 1815. Paris, 1827. Vol. 4. P. 729.
20. *Oginski M.* Memoirs sur la Pologne et les polonais depuis 1788 jusga la fin de 1815. Paris, 1827. Vol. 4. P. 729 p.

Штурба Евгений Викторович  
доктор исторических наук,  
профессор,  
Швеция  
Milena.555@mail.ru

## ОСОБЕННОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА С МЕЖДУНАРОДНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-Х ГГ.

Аннотация. В 1990-е годы Российская Федерация была активно включена в мировое сотрудничество, вышедшее в период глобализации на качественно новый уровень. Международные организации оказывали колоссальное влияние на внешне- и внутриполитический курс российского государства, поэтому научный интерес к ним в последние годы существенно возрос. Автором анализируется позиция нескольких отечественных школ внешнеполитической мысли, которые различались не только своими подходами к определению национальных интересов и международных проблем, но и идентифицировались с конкретными парадигмами международных отношений (идеализм, либерализм, глобализм, радикализм, структурализм). В заключение публикации он приходит к выводу о том, что доктрина многополярного порядка требовала проведения динамичной мновекторной политики, и хотя один из важных принципов ее проведения – соблюдение равновесия интересов при решении любых спорных ситуаций в мире, все-таки главной задачей оставалась нейтрализация проявления любых гегемонистских тенденций при построении нового международного порядка.

Ключевые слова: мировое сотрудничество, международные организации, идеализм, либерализм, глобализм, радикализм, структурализм, внешнеполитическая доктрина Российской Федерации, российская дипломатия.

**В** 1990-е годы Российская Федерация была активно включена в мировое сотрудничество, вышедшее в период глобализации на качественно новый уровень. Международные организации оказывали колоссальное влияние на внешне- и внутриполитический курс российского государства, поэтому научный интерес к ним в последние годы существенно возрос.

Для России в 1990-е гг. уровень и глубина сотрудничества с международными организациями зависели от темпов эволюции ее внутреннего развития.

**Evgeny V. Sturba**  
Doctor of Historical Sciences,  
Professor,  
Sweden  
Milena.555@mail.ru

## FEATURES OF THE RUSSIAN STATE'S COOPERATION WITH INTERNATIONAL ORGANIZATIONS IN THE FIRST HALF OF THE 1990S.

Annotation. In the 1990s, the Russian Federation was actively involved in world cooperation, which reached a qualitatively new level during the period of globalization. International organizations have had a huge influence on the foreign and domestic political course of the Russian state, so scientific interest in them has increased significantly in recent years. The author analyzes the position of several domestic schools of foreign thought, which differed not only by their approaches to the definition of national interests and international problems, but also identified with specific paradigms of international relations (idealism, liberalism, globalism, radicalism, structuralism). In conclusion of the publication, he concludes that the doctrine of multipolar order required a dynamic multiplier policy, and although one of the important principles of its implementation – to respect the balance of interests in dealing with any controversial situations in the world, still the main task remained to neutralize the manifestation of after all, any hegemonic tendencies in building a new international order.

Keywords: world cooperation, international organizations, idealism, liberalism, globalism, radicalism, structuralism, foreign policy doctrine of the Russian Federation, Russian diplomacy.

В начале 1990-х годов сосуществовали несколько школ внешнеполитической мысли, которые различались не только своими подходами к определению национальных интересов и международных проблем, но и идентифицировались с конкретными парадигмами международных отношений (идеализм, либерализм, глобализм, радикализм, структурализм). Изначально основное противоречие содержалось в выборе атлантического и евразийского направлений. Хотя «атлантисты» были в меньшинстве, но, в основном, они занимали высокие правительственные должности и по этой причине, в конечном итоге,

была одобрена, так называемая, «прозападная» ориентация международной стратегии Москвы. Лидерами данного направления стали министр иностранных дел А.В. Козырев и премьер-министр Е.Т. Гайдар. С августа 1991 года до конца 1992 года идеи этой группы преобладали при формулировании новой концепции принципов внешнеполитической доктрины России. По этой причине внешняя политика первого срока президентства Б.Н. Ельцина была прозападной. «Атлантисты» исходили из того, что Россия исторически была частью западной (христианской) цивилизации, что предопределило основы для построения партнерских отношений с экономическими, политическими и военными институтами Запада: НАТО, МВФ, МБ, Большая Семерка. А.В. Козырев расценивал такое партнерство, прежде всего, как источник международной поддержки для финансово-экономических преобразований в России [1].

В начале 1990-х гг. остальные векторы внешнеполитической доктрины России, как правило, игнорировались. Выступая на специальном заседании Совета Безопасности ООН 31 января 1992 года, Президент России Б.Н. Ельцин предложил преобразовать программу Стратегической оборонной инициативы (СОИ) в международный проект с учетом технологических разработок оборонного комплекса России. Предполагалось создание глобальной системы космической защиты [2]. Это была, по сути, первая попытка представить стране и миру внешнеполитическую доктрину новой России. Каждый внутривнутриполитический поворот в жизни страны и каждая перемена в контексте международных отношений отражались на содержании доктрины внешней политики России.

Начавшийся с конца 1991 года процесс формирования системы внешнеполитических приоритетов России прошел долгий и сложный путь. Демократическое правительство первой половины 1990-х годов видело в политическом альянсе и идеологическом руководстве Запада (США и стран Западной Европы) главный источник и модель экономического развития для России. Они стремились построить совершенно новую Россию, и все их надежды опирались на Запад. Е. Гайдар, А. Чубайс, А. Козырев и другие ключевые фигуры команды Б. Ельцина объявили о начале интеграции с Западом [3].

Только высокоразвитые страны, по их мнению, могли служить ориентиром для экономического и политического возрождения России. Настроившись на партнерские и даже союзнические отношения с государствами Запада и, в первую очередь, с США, российская дипломатия, возглавляемая А.В. Козыревым, стала рассматривать другие направления внешней политики как направления неприоритетного и второстепенного значения, что часто имело неблагоприятные последствия. Примечательно, что сторонники нового внешнеполитического курса не ставили вопрос о российских интересах, геополитическая и внешнеэкономическая выгода страны в их представлениях была напрямую связана исключительно с ориентацией на Запад. Для достиже-

ния поставленной цели считалось необходимым окончательно разрушить остатки коммунистической идеологии в постсоветской России. В начале 1990-х годов коммунизм рассматривался как едва ли не основное препятствие новому внешнеполитическому курсу, а, значит, и российским национальным интересам.

Словами современного исследователя Майкла Макфола: «Советская коммунистическая система – а не Россия как страна или русские как народ – угрожали национальным интересам Америки во время холодной войны... Коллапс коммунизма, а не искусная дипломатия привели к величайшему прогрессу по основным спорным вопросам» [4, р. 311]. Итоги развития международных отношений в 1990-е годы показали, что коммунистическая идеология была не единственным препятствием в «западной» внешней политике.

Прежде всего, именно дипломатия, а не крах коммунизма привели к объединению Германии, отказу СССР от своего превосходства в обычных вооружениях, к краху Организации Варшавского договора и распаду СССР. Любопытно также, что освободившаяся от коммунистической идеологии демократическая Россия, не ощутила изменения отношения, не была принята в главные западные организации. Более того, с января 1994 года НАТО начинает приближаться к границам уже не коммунистической, а демократической России. Российский исследователь А.И. Уткин отмечает: «Десятки миллиардов долларов были предоставлены коммунистическому правительству СССР, и гораздо более скромные суммы выделены в качестве кредитов демократической России. Тут уж самый непреклонный западник начнет сомневаться в том, что именно коммунизм является причиной западного отчуждения в отношении России».

Ответ на поставленный вопрос дают Дэниел Йергин и Тэйн Густафсон: «Если Россия восстановит свою экономическую и политическую мощь, она станет конкурентом и соперником Соединенных Штатов; это будет не идеологическое соперничество, а соперничество великих держав». Основной тезис новой работы Бжезинского «Великая шахматная доска» в том, что не идеология, а геополитические реальности определяют правила мировой политики.

После очевидного для всех кризиса политики «шоковой терапии» радикальные российские реформаторы потеряли единство, что проявилось и в разработке новых направлений внешней политики. Многие демократы, перейдя в ряды оппозиции (А.В. Руцкой и председатель Верховного Совета Р.И. Хасбулатов), начали работу над внешнеполитической доктриной в представительных властных органах параллельно с исполнительными структурами. В феврале 1992 года появилась альтернативная внешнеполитическая концепция, разработанная в Верховном Совете Российской Федерации. Содержание концепции председателя Верховного Совета Р.И. Хасбулатова, изложенной в его выступлении на научно-практической конференции в

МГИМО «Преображенная Россия в новом мире», во многом совпадало с основными положениями президентской доктрины.

Они исходили из отказа внешней политики России от идеологизированного биполярного деления мира на две противостоящие мировые общественные системы. Несмотря на это, признавалась необходимость формирования дееспособной экономики в России и построения системы дружественных отношений с США и ЕС [1]. Данные концепции были еще далеки от разновекторности внешнеполитических ориентиров, характерной для последующих стадий работы над внешнеполитической концепцией России. Несмотря на новые подходы для формулировки адекватной доктрины, на практике во внешней политике мало что менялось [2].

Прозападная политика оставалась у российских руководителей в приоритетном положении, отсутствовали разработки и модели отношений с развивающимися странами. В начале 1990-х годов глобальное противостояние было сложным, но Россия достаточно быстро обнаружила, что коммунизм не был единственной преградой на пути сближения с Западом. Православие, коллективизм, иная трудовая этика, отсутствие организации, иной исторический опыт, отличный от западного менталитета, различие взглядов элиты и народных масс – все это и многое другое смутило даже прозападно настроенных политиков. Многие увидели трудности построения рационального капитализма в «нерациональном» обществе, свободного рынка в атмосфере политической нестабильности.

Однако в период радикального демократизма стратегическая линия России по-прежнему ориентировалась только на Запад. Вызрела острая нужда в новой формуле отношений с США. Министр иностранных дел А.В. Козырев определил ее как «стратегическое партнерство». Необычным было определение двусторонних отношений лишь одной стороной, необычным было стремление радикальных российских западников собственным «указом» включить Россию в западный мир. Наконец, необычным было предположение, что Запад будет поддерживать некую биполярность в условиях, когда второй полюс потерял ряд значимых экономических и геополитических позиций. Результаты подобного внешнеполитического курса не замедлили проявиться. Исследователи в середине 1990-х годов отмечали, что Россия выпала не только из первого десятка, но и из первых 25 торговых держав мира [5, с. 12-14]. Такое состояние являлось следствием того, что в экономике значительно обострились кризисные тенденции. Экономические реформы не были завершены, как не было завершено и регулирование хозяйственных отношений России с другими государствами международного сообщества. Чрезмерная ориентация первой половины 1990-х годов на развитие индустриальные государства Запады (прежде всего, на США и страны Западной Европы) выявила свою несостоятельность, и в последующие годы предпринимались попытки исправить этот перекося. С одной стороны, индустриальные государства не

были заинтересованы в том, чтобы экономически ослабленная Россия набралась сил и превратилась в конкурента на мировых рынках, но с другой стороны, индустриальные государства Запады были необходимы для России как источник инвестиционных ресурсов и современных технологий.

В середине 1990-х г. российская идея о едином культурном пространстве с Западом начала наталкиваться на многочисленные барьеры. Прежде всего, были отвергнуты попытки вступления в ЕС. Североатлантический Союз после ликвидации Варшавского Договора не пошел на самороспуск. Вместо этого с объявлением о расширении НАТО на Восток начался процесс создания системы европейской безопасности без участия России.

К середине 1990-х годов России и Западу все сложнее стало понимать друг друга во встречах на высшем уровне. «В политической жизни России воцарился стереотип: мы сделали важнейшие внешнеполитические уступки, а Запад воспользовался доверчивостью москвитов... начал вовлекать в свою орбиту прежних восточноевропейских союзников России» [6, с. 67]. Вследствие весьма серьезных разочарований иллюзии российских западников начали рассеиваться, а на российской внешнеполитической арене появились новые тенденции.

После 1993 года в интеллектуальных кругах начали преобладать проевразийские тенденции в формировании внешнеполитической доктрины России. Понятие «Евразия» определяет Россию как не исключительно западную или восточную цивилизацию, но как мост между этими цивилизациями. Разделяющие эту концепцию позже разделились на две противостоящие группы: демократов и славянофилов. Демократы постарались приспособить идеи Евразийства к конкретным реалиям новой России. Принципы Евразийства отразили геополитическое положение России и требовали сохранить сбалансированные отношения и с востоком и с югом. В этом отношении СНГ стал приоритетной сферой российских национальных интересов. В поисках разновекторных отношений Россия начала определять свои внешнеполитические ориентиры по отношению к развивающимся странам «бывшего третьего мира». Но, в то же время, она не отвергала сохранение хороших отношений с Западом, что и определило характер нового внешнеполитического курса России.

После 1993 года во внешней политике России стали активнее осваиваться новые направления. Международные связи охватили регионы, по целому ряду признаков близкие и сопоставимые с российскими реалиями. После 1993 года произошел разворот в сторону развивающихся государств, но без отхода от прежних возможностей. Так, в этом направлении внешнеэкономические связи Российской Федерации с Латинской Америкой начали обеспечивать актуальную свободу маневра и выбора наиболее конкурентоспособных предложений. Латинская Америка на протяжении последних десятилетий преврати-

лась в регион высокоприбыльных растущих операций международного бизнеса.

Ряд наиболее экономически развитых стран, таких как Мексика, Бразилия, Аргентина, Чили, не без основания претендовал на новый статус в отношениях со старыми мировыми центрами, стремясь расширить свой внешнеполитический потенциал. Не случайно, например, в феврале 1993 года в Москву прибывает делегация Национального конгресса (парламента) Бразилии во главе с сенатором Ирапуаном Костой Жуниором. А в сентябре того же года Россию посетила военная делегация Бразилии во главе с министром сухопутных сил генералом Зенилду Зороастро ди Лусеной. В июне 1994 года Россия и Бразилия подписали контракт о приобретении Бразилией 112 пусковых зенитных ракетных комплексов «Игла».

К концу апреля 1993 года группа высококвалифицированных экспертов из МИДа, Минобороны, Службы внешней разведки, Аппарата Совета Безопасности и двух комитетов Верховного Совета по международным делам и внешнеполитическим связям, а также, по вопросам обороны и безопасности, закончила подготовку документа под названием «Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации». Этот документ в качестве нового механизма принятия внешнеполитических решений определил систему внешнеполитических приоритетов страны. Здесь на первый план уже были вынесены отношения России со странами СНГ и Балтии по развитию сотрудничества в военно-политической сфере в целях создания эффективной системы коллективной безопасности с учетом статуса России как единственной ядерной державы в СНГ. На втором плане остались отношения со странами Восточной Европы. Отдельные разделы были посвящены и отношениям с Западной Европой и США. В отношении Южной и Западной Азии линия России определялась экономической значимостью региона в том числе и по степени непосредственного воздействия на обстановку в СНГ, в первую очередь, на страны Средней Азии и Закавказья. Хотя политический курс России по отношению к Латинской Америке, Африке, Австралии и Океании оставался в рамках лишь общих усилий мирового сообщества по разблокированию региональных конфликтов, «Основные положения концепции внешней политики российской Федерации» являлись наиболее сбалансированным и продуманным документом для того времени по обеспечению защиты государственных интересов России.

Новая концепция национальных интересов проявилась в специальном Послании президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 24 февраля 1994 года. В этом документе - «Об укреплении Российского государства (Основные направления внутренней и внешней политики)» учитывалось, что по действующей Конституции России внешняя политика государства стала президентской и более централизованной. Несомненным достоинством официально объявленного внешнеполитического курса с 1994 года можно считать улучшение отношений с государ-

ствами СНГ. Уделялось внимание не только проблемам по укреплению ООН, развитию отношений со странами «Большой семерки», не расширению НАТО без участия России, по активизации и формированию новых отношений с государствами Центральной, Восточной и Западной Европы, но также сотрудничеству с государствами Азии, Индией, Японией, Южной Кореей, странами АСЕАН и Персидского Залива.

Впервые после длительного молчания заговорилось о приоритетных отношениях со странами Юго-Восточной Азии и Латинской Америки. В 1994 году интенсифицировались российско-индийские обмены делегациями и встречи разного уровня [1].

В мае 1994 года делегация Совета Федерации Федерального собрания РФ во главе с его председателем В. Шумейко приехала в Бразилию с официальным визитом. Национальным интересам России соответствовало развитие новых торговых связей и коммерческих проектов. Например, в сентябре 1994 года, между Россией и Бразилией было подписано «Соглашение о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии». Взаимный торгово-промышленный интерес привел к тому, что 20 октября 1994 года президент РФ Борис Ельцин принял в Кремле Фернанду Энрике Кардозу, победившего на состоявшихся 03 октября 1994 года президентских выборах в Бразилии.

После назначения Е.М. Примакова на пост министра иностранных дел России в 1996 году во внешней политике страны произошли глубокие изменения. Система национальных интересов приобрела стабильные и сбалансированные качества, не только потому, что политика России стала более предсказуемой, но и потому, что внешняя политика стала многовекторной, стала больше учитывать национальные интересы страны в условиях новой мировой действительности.

Одной из первых задач новой российской внешней политики являлось устранение диспропорции между унаследованной крупной военной мощью и ослабленным экономическим фундаментом, поскольку мировые центры силы, как известно, определяются не столько военной мощью, сколько ее сочетанием с уровнем экономического развития, научного и духовного потенциала.

В определенных интеллектуальных кругах тех лет в свете неудач радикального «прозападного» курса обсуждалась желательность взвешенного изоляционизма, который позволил бы сосредоточить главные силы общества на преодолении переживаемого глубокого кризиса. Таким образом, российские производители, не связанные с импортно-экспортными операциями, хотели оградить внутренний рынок протекционистскими барьерами. Но большинство представителей интеллектуальной элиты современной России разделяло западные представления о демократических принципах и ценностях, принимая западную модель с поправками на российскую



специфику. К середине 1990-х годов дискуссия о приоритетах российской внешней политики была завершена. Осуществлять разновекторную дипломатию стало для России не только жизненной необходимостью, но и самым надежным инструментом преодоления всех сложностей переходного периода и включения в мировое сообщество. В соответствии с концепцией многополярного мира, выдвинутой во второй половине 1990-х годов, МИД и российское правительство не только отвергали все экстремальные концепции изоляционизма, но стремились к созданию международной модели баланса сил [7].

По этой концепции формирование независимых друг от друга центров силы должно было происходить на двух уровнях. Считалось, что на первом уровне находятся США, Европа и Япония, а на втором Китай, Бразилия и Индия. Позиции России на международной арене, по мнению политолога А.К. Пушкива, могли укрепляться в зависимости от ее роли как международного «балансира» [8].

Мировая экономика в течение 1994 года продолжала развиваться быстрыми темпами, рост мирового ВВП составил 3 %. В этом году наблюдался самый высокий показатель роста ВВП, с тех пор как в 1990 году начался период экономического спада. ВВП высокоразвитых промышленных стран вырос на 2,8 %, одновременно и развивающиеся страны показывали высокие уровни развития, достигая роста ВВП в 6 %. Например, рост ВВП стран Латинской Америки в 1994 году достиг уровня 3 %. В сфере международных экономических отношений в 1994 году заканчивалась ратификация договоров для консолидации свободной торговли в мировом масштабе и с 01 января 1995 года начала функцио-

нировать Всемирная Торговая Организация (ВТО).

На региональном уровне продолжалось распространение международных договоров о региональной интеграции. 01 января 1994 года вступил в силу Договор о свободной торговле между США, Канадой и Мексикой (НАФТА), и одновременно начались переговоры с целью создания Всеамериканской Зоны Свободной Торговли (ФТАА). К единой Европе в июне 1994 года присоединились Швеция, Австрия и Финляндия. А страны бывшего социалистического лагеря, так называемые страны с переходной экономикой, продемонстрировали в 1994 году отрицательный уровень роста ВВП – 8,3 %. Для России в таких условиях крайне необходимым представлялось правильно сориентироваться, изменить свой внешнеполитический курс, отказаться от внешней политики, которая проводилась в начале 90-х годов и была полностью ориентирована на Запад и США.

Была осознана потребность в развитии отношений с остальными региональными центрами силы, и даже с теми государствами и в тех областях, которые вызвали неудовольствие Запада. Доктрина многополярного порядка требовала проведения динамичной мновекторной политики, и хотя один из важных принципов ее проведения – соблюдение равновесия интересов при решении любых спорных ситуаций в мире, все-таки главной задачей оставалась нейтрализация проявления любых гегемонистских тенденций при построении нового международного порядка. По мнению Е.М. Примакова, к середине 1990-х годов возникли большие поля общих интересов между Россией и другими странами-членами международного сообщества [9].

#### Литература:

1. Текущий архив Министерства иностранных дел.
2. Пляйс Я. Теория и практика внешней политики современной России / Я. Пляйс // Обозреватель. М., 1997. № 9.
3. Международная жизнь. М., 1993. № 2. С. 5-22.
4. McFaul M. Russia's Summer of Discontent. «Current History». 1998.
5. Холодков Н.Н. Экономические интересы России и Латинская Америка / Н.Н. Холодков // Глобализация развития, новые ориентиры России и Латинская Америка. Тезисы докладов. М., 1996.
6. Уткин А.И. Американская стратегия для XXI века. М., 2000.
7. Федоров Ю.Е. Внешняя политика: требования науки и опасные игры / Ю.Е. Федоров // Евразия. М., 1998.
8. Пушкив А.К. Для России оптимальным было бы равновесие положение между основными центрами силы / А.К.Пушков // Международная жизнь. 1998. № 3.

#### Literature:

1. Current archive of the Ministry of Foreign Affairs.
2. Plais J. Theory and practice of foreign policy of modern Russia / J. Plais // Magazine Observer. M., 1997. № 9.
3. International life. Moscow. 1993. № 2. P. 5-22.
4. McFaul M. Russia's Summer of Discontent. «Current History». 1998.
5. Kholodkov H.H. Economic interests of Russia and Latin America / H.H. Kholodkov // Globalization of development, new landmarks of Russia and Latin America. Abstracts. M., 1996.
6. Utkin A.I. American Strategy for the 21st Century. M., 2000.
7. Fedorov Yu.E. Foreign policy demands science and dangerous games / Yu.E. Fedorov // Eurasia. M., 1998.
8. Pushkov A.K. For Russia the optimal balance would be the balance between the main centers of power. International life. 1998. № 3.

9. *Примаков Е.М.* Россия: реформы и внешняя политика / Е.М. Примаков // *Международная жизнь*. 1998. № 7.

9. *Primakov E.M.* Russia: Reforms and Foreign Policy / E.M. Primakov // *International Life*. 1998. № 7.

# КУЛЬТУРОЛОГИЯ



Гасиев Виталий Ирбекович  
кандидат социологических наук,  
доцент,  
Финансовый университет  
при Правительстве РФ  
Владикавказский филиал, Владикавказ  
maryhodyakova@mail.ru

Ходякова Мария Сергеевна  
студентка,  
кафедра социологии, правоведения  
и работы с персоналом,  
Кубанский государственный  
технологический университет  
maryhodyakova@mail.ru

## КУЛЬТУРА ФЕМИНИЗМА В РОССИЙСКИХ СМК

■ ■ ■  
Аннотация. В статье рассматривается социальная сеть для публикации фото, видео и текстового контента – Инстаграм. Инстаграм – одна из самых популярных социальных сетей, являющаяся потенциальной площадкой для распространения феминистического движения. В статье приведены качественные и количественные данные по публикациям на тему феминизма в исследуемых Инстаграм-аккаунтах. В частности, авторами рассматривается жанровая палитра текстов о феминизме и приводятся результаты контент-анализа тематики публикаций, что позволяет говорить об определенной специфике преподнесения данной темы в Инстаграме и рекламе.

Ключевые слова: феминизм; реклама; инстаграм; блогер; феминистические движения; средства массовой коммуникации.

■ ■ ■  
Современность порождает абсолютно новое мышление, и в настоящее время, как никогда имеет, место переосмысление глубинных оснований мышления. Практически все противопоставления, которые функционируют в качестве принципов видения и деления, установления иерархий и оценок, в замаскированной форме отсылают к противостоянию мужской/женский. В ходе движения женщин за равноправие в начале 20 века медленно, но верно, общество начало приходить к тому, что женщины тоже люди, и у них также должны быть права, а у работы не должно быть пола. Феминистические идеи и сегодня сохраняют свою актуальность. Пусть, многого женщины уже добились, но абсолютного равноправия нет, и не было. По-прежнему, в экономике и политике главенствуют мужчины, а общество с таким же сомнением, как и раньше, относится к деловым и прогрессивным женщинам, преобладают старые, патриархальные устои. Несмотря на то, что тема за последнее

**Vitaliy I. Gasiev**  
Candidate of Sociological Sciences,  
Associate Professor  
Financial University under the Government  
of the Russian Federation  
Vladikavkaz branch, Vladikavkaz  
maryhodyakova@mail.ru

**Maria S. Hodyakova**  
Student,  
Department of Sociology,  
Law and Work with Personnel,  
Kuban State Technological University  
maryhodyakova@mail.ru

## THE CULTURE OF FEMINISM IN RUSSIAN MASS MEDIA

■ ■ ■  
Annotation. The article discusses the social network for publishing photos, videos and text content – Instagram. Instagram is one of the most popular social networks, which is a potential platform for the spread of the feminist movement. The article provides qualitative and quantitative data on publications on the topic of feminism in the studied Instagram accounts. In particular, the article examines the genre palette of texts about feminism, and provides the results of content analysis of the topic of publications, which allows us to talk about a certain specificity of presenting this topic in Instagram and advertising.

Keywords: feminism; advertisement; Instagram; blogger; feminist movement; means of mass communication.

■ ■ ■  
время довольно обширно изучена, проблема все еще остается актуальной.

Таким образом, объектом данного исследования является феминизм как социальное движение. Предметом исследования являются особенности феминизма как социального движения в средствах массовой коммуникации. Цель исследования заключается в том, чтобы рассмотреть особенности феминизма как социального движения в средствах массовой коммуникации.

Феминизм в широком смысле – стремление к равноправию женщин с мужчинами во всех сферах жизни общества, в узком смысле – женское движение, целью которого является устранение дискриминации женщин и уравнивание их прав с мужчинами [1, с. 25]. Феминизм – термин, применяемый к правовым, идеологически-политическим, философским течениям западной мысли, занимающимся женской проблематикой. Фе-

минизм воспринял основополагающие нормы эпохи гуманизма и Просвещения, согласно которым, человек есть существо, воздействующее на окружающую среду и на самого себя, изменяя и творя. Однако в патриархальном обществе мужчина присвоил себе активную роль и право на воплощение этих особенностей человеческого рода. Целью феминизма, таким образом, является освобождение женщин от ограничений, навязанных мужчинами, предоставление ей равных возможностей участвовать в творческом процессе, а также в истории [2, с. 31].

В век информационных технологий средства массовой коммуникации играют большую роль в формировании человека как личности и как члена общества. Транслируя различную информацию на постоянной основе СМК, таким образом, могут оказывать воздействие на формирование человека как личности.

Одной из самых популярных социальных сетей на 2020 год является Инстаграм. В 2020 году данная социальная сеть достигла отметки в 1 200000000 пользователей. В подсчете принимали участие люди, появляющиеся в своем аккаунте хотя бы раз в месяц. В 2020 году аудитория Инстаграм в РФ составляет 32,991 миллиона пользователей. Из них ежедневно социальную сеть посещают 14,4 млн пользователя. Между тем, чаще всего, делают посты именно представительницы женского пола, живущие преимущественно в европейской части страны. В процентном соотношении их примерно насчитывается 76,9 % от числа российских пользователей социальной сети.

В России яркой представительницей феминистического движения социальной сети Инстаграм является Александра Митрошина, у которой на данный момент 2,6 миллиона подписчиков. В своём Инстаграме Александра активно ведет борьбу против домашнего насилия и является одним из главных организаторов сети взаимопомощи женщин, где бесплатно оказывают юридическую и психологическую помощь пострадавшим от домашнего насилия. Также, Александра Митрошина оказывает благотворительную помощь проекту ФемДача. Это – центр, где активистки с выгоранием могут пожить и восстановиться. Александра является спонсором кризисных центров в опасных для женщин регионах РФ. В своих постах Митрошина просвещает своих подписчиков об абьюзивных отношениях, о личных границах и безопасности. Девушка создала в Инстаграме хештег сашин феминизм.

За последние три года на странице у Александры Митрошиной, в совокупности, было опубликовано 577 постов, 125 из них включали в себя информацию о феминизме. За 2018 год информация о феминизме в блоге составила 19,43 %, за 2019 год 27,89 %, за 2020 год 20 %.

Как говорилось выше, в своем блоге Александра Митрошина, в основном, поднимает тему о домашнем насилии, утверждая, что «домашнее насилие является именно женской проблемой», подкрепляя свои слова данными МВД за январь-

сентябрь 2016 года, в которых говорится о 14213 преступлений по статье «побои» в сфере семейно-бытовых отношений. В данных преступлениях жертвами являются 9 213 женщин и 4 947 детей (пол не указан). Женщины тоже поднимают руку на партнеров-мужчин, но это лишь 9 % из 100. Александра пишет, что «играет роль патриархальная культура, в которой закреплено восприятие домашнего насилия как нормы».

Александра негодует, почему «в учебнике ОБЖ написано «чтобы избежать насилия, девушки не должны носить обтягивающее», там не написано: «Насиловать нельзя. Перед сексом обязательно заручись согласием. Помни, что данное согласие, данное в состоянии алкогольного опьянения – недействительно». А ведь учебники читают и мальчики, и девочки» [3]. Домашнее насилие - это особый вид преступлений, специфика которого требует отдельного закона: ведь после того, как человека избили на улице ему не нужно возвращаться в один дом с преступником, не нужно продолжать жить с ним под одной крышей и ложиться в одну постель. И, принимая во внимание статистику, женщины действительно находятся в данной категории преступлений под угрозой, поэтому активный упор феминистического движения на домашнее насилие в социальных сетях вполне объясним.

Также, в ходе обсуждения темы изнасилований, часто возникает дискуссия, инициируемая, прежде всего, феминистками, о недопустимости замечаний/наставлений девушкам и женщинам, касающихся их поведения, вот и Александра Митрошина затронула эту тему. Митрошина призывает своих читателей отказаться от мысли, что в насилии жертва сама виновата в том, что была изнасилована. «В преступлении виноват только преступник. Точка». Не должно быть никаких. «Спровоцировала. Сама пошла. Напросилась. Тоже виновата».

По изнасилованиям до сих пор нет точной статистики (жертвы часто боятся говорить о пережитом), а сама эта тема окружена разными мифами: от существования какой-то «правильной», «безопасной» одежды, до идеи о том, что насильником может быть только незнакомец. Ещё одна огромная проблема насилия – перекалывание вины и чувства стыда на жертву («сама виновата»). Феминизм выводит проблему сексуального насилия из тени, призывает обсуждать и решать ее.

В своих постах Александра делает акцент на том, что СМИ и культура навязывают женщинам определенные стандарты, касающиеся абсолютно всего: как надо выглядеть, сколько весить, что есть, где быть и как жить. Александра пишет: «Я помню, как в 11 лет читала «Ночной дозор». Там Антон в теле Ольги хочет съесть бутерброд с вареньем, а она ему не разрешает. Говорит, надо фигуру беречь. И что-то там про внешность, которая важна для женщин. Я перечитала этот фрагмент несколько раз. Потому что не поняла. Женщины не должны есть бутерброд? Я женщина, мне нельзя бутерброд? Или когда я вырасту? Это плохо? Мужчинам можно? Потом

массовая культура мне как следует объяснила, что имелось в виду. На женщин очень давят стандарты красоты, очень. Я почувствовала это давление на себе; думаю, что многим моим подписчицам оно тоже знакомо».

Также, Митрошина участвовала в флэшмобе «Я феминистка», чтобы развеять стереотипы о феминистках как о мужеподобных женщинах, озлобленных на мужчин. Флэшмоб дал Александре возможность рассказать о феминизме и выставить свои требования как феминистки: «Я – Саша Митрошина и я феминистка. Я не ненавижу мужчин и не хочу никого убивать, не заставляю женщин не выходить замуж и не рожать детей. Я феминистка и я хочу: Свободы выбора для женщин без давления «главное – семья и дети». Реальной свободы, а не когда успешную женщину критикуют, жалеют и высмеивают. Равную оплату труда – в России на одних и тех же должностях женщинам платят на 30 % меньше, чем мужчинам. В основном, это происходит из-за стереотипов руководства и того, что, в силу особенностей женской социализации, девушки склонны соглашаться на меньшую оплату и не просить повышения, даже если они работают идеально. Равное распределение домашнего и репродуктивного труда – чтобы забота о доме и ребенке распределялась справедливо, а не автоматически ложилась на женщину. Адекватный закон о домашнем насилии, чтобы избивающих жён мужей останавливали до того, как они их убьют или отрежут руки. Чтобы СМИ и обычные люди не винили жертву преступления за то, что она якобы сама виновата в том, что с ней сделали. Почему важен этот флэшмоб? Потому что люди до сих пор черпают знания о феминизме через СМИ и анекдотов и считают, что феминистки – это какие-то ужасные волосатые вонючие существа, которые хотят убить всех мужчин».

Анализируя страницу Инстаграм Александры Митрошиной, можно прийти к выводу о том, что данный блог является распространением феминизма, на аудиторию в 2,6 миллиона человек. Распространение не является агрессивным, Александра лишь призывает отказаться от стереотипов о женщинах, и от принципов общества, в которых женщина что-то должна. Сравнив посты о феминизме с постами на другие темы видно, что комментариев под первыми намного больше, из этого следует вывод, что темы феминизма более резонансные и обсуждаемые, и больше находят отклик у аудитории.

В процентном соотношении из 1500 комментариев под каждым постом о феминизме 60-70 % согласны и поддерживают идеи Александры, чаще всего, представители женского пола. Своё негативное отношение к идеям феминизма в комментариях, чаще всего, выражают представители мужского пола. Наиболее активно обсуждается тема домашнего насилия. Под постом у Александры на эту тему 305 женщин написали о том, что сталкивались с насилием со стороны мужчин. «Чума 21 века» – именно так называют феминизм в комментариях люди, которые не согласны с идеями Митрошиной, сравнивая фе-

минизм с национализмом. Женщины активно поддерживают Александру в посте, в котором говорится о том, что массовая культура и СМИ должны прекратить оказывать давление на женщин стандартами красоты. В процентном соотношении комментариев, поддерживающих Александру Митрошину, было значительно больше – 60 %.

Также, распространение феминизма как социального движения осуществляется через такое средство массовой коммуникации, как реклама, это стало называться фемвертайзинг. Самой популярной рекламой, в которой присутствует феминизм, и после которой появилось такое понятие как «фемвертайзинг», является рекламная кампания, организованная Reebok под названием «нивакиерамки», и её ключевой слоган: «Пересядь с иглы мужского одобрения на его лицо». Бренд посчитал нужным дать возможность высказаться главным героиням проекта, которые профессионально занимаются традиционно «не женским» видом спорта – смешанными единоборствами/

В видео-версии рекламной кампании героини рассказывают, как борются со стереотипами о «женском предназначении» и учатся не бояться всех сторон своего характера. Кампания вызвала огромный резонанс в социальных сетях: так, у видео на момент публикации материала 2,3 тысячи дизлайков против 355 лайков, а из фотографий наибольшее внимание ожидаемо привлек имидж со снимком Залины Маршенкуловой и слоганом «Пересядь с иглы мужского одобрения на мужское лицо» [4].

Reebok приняли решение удалить снимки и заменить на более нейтральные: «К сожалению, уже после публикации некоторых снимков стало понятно, что частично контент не может быть опубликован от лица бренда согласно возрастной политике социальной сети. Тем не менее, публикации до сих пор доступны в аккаунтах героинь кампании» - говорится в посте вихинстаграм-аккаунте. В Инстаграме же Reebok поддержало большинство пользователей, оставив около 2000 комментариев. Больше всего пользователей зацепило и порадовало то, что женщин перестали показывать «покорными и молчаливыми», и показали реальное положение дел – женщина может дать отпор. Продажи кампании после рекламы значительно повысились.

Реклама, обращенная к женщинам, так называемый, фемвертайзинг, в последние годы оказывается одним из самых востребованных в мире инструментов продвижения брендов. Так, рекламная кампания Dove в своей рекламе в 2019 году активно начала придерживаться идеи «Различия во внешности – не повод сомневаться в себе».

Красота разнообразна. Во внешних различиях можно найти ключ к индивидуальности, но сегодня большинство женщин страдают, сравнивая себя с «идеальными» моделями в рекламе брендов и на обложках журналов. По данным исследования EdelmanIntelligence для Dove, 7 из

10 российских респонденток считают невозможным выглядеть так, как модели из рекламы брендов и модных журналов. 54 % опрошенных женщин недовольны тем, как они выглядят по сравнению с общепринятыми стандартами красоты. И каждая пятая считает, что распространение стереотипных образов красоты через масс-медиа мешает реальным женщинам добиваться своих целей. 71 % отвечают, что хотели бы видеть в средствах массовой информации образы реальных женщин – разного возраста, рас и размеров. Чтобы изменить это, бренд Dove совместно с крупнейшим в мире фотобанком GettyImages и ассоциацией независимых женщин-фотографов GirlGaze создал коллекцию аутентичных, инклюзивных образов реальных женщин без цифровой обработки под хештегом ShowUs (Покажите Нам) и реализовал масштабную кампанию по их продвижению [5].

При стоимости продукта на 20-30 % дороже среднерыночной цены, бренд Dove имеет статус премиального бренда в сегменте масс-маркета. При этом удерживать лояльность целевой аудитории исключительно функциональными преимуществами продуктов становится все сложнее. Кампания «Покажите Нам» убедительно продемонстрировала, что сегодня эту задачу решает сильная и активная социальная позиция бренда. На 10 % вырос оборот бренда в период апрель – июнь 2019. На 60 % вырос трафик на сайт бренда на период кампании. Позитивная реакция женщин и реальные отзывы в социальных сетях – более 4000 оригинальных пользовательских постов. Женщины пишут, что рады, что могут отказаться от стандартов и почувствовать себя «нормальными».

В свою очередь, компания Zewa решила в своей рекламной кампании привлечь внимание своих подписчиков к справедливому разделению домашних обязанностей выпустив социальный ролик под хештегом «Хорошо Там, Где Заботятся Вместе» [6]. Бренд провел социальный эксперимент, чтобы показать, как рано формируется подобная модель поведения. Участниками эксперимента стали дети, которым предложили рассказать о бытовых вещах – например, чем занимаются их родители дома. В большинстве случаев домашние обязанности отца весьма необременительны, даже, если работают оба родителя.

Чтобы наглядно показать несправедливость подобного расклада, Zewa устроила соревнование. Правда, условия эстафеты сильно различались для мальчиков и девочек. Первые должны были просто пробежать дистанцию с препятствиями, тогда как девочкам пришлось выполнять дополнительные задания.

В своем исследовании Zewa выяснила, что подавляющее большинство (87 %) россиян хотели бы, чтобы их дети росли в семье, где домашние обязанности делятся между всеми, 77 % видят взаимосвязь между справедливым распределением обязанностей и гармонией в семье. На

практике же – все по старинке: две трети работы по дому выполняет именно женщина, свидетельствует проведенное в феврале – марте 2020 года исследование торговой марки Zewa.

Рекламная кампания «Хорошо Там, Где Заботятся Вместе» призывает пересмотреть гендерные стереотипы и выстроить более счастливые и гармоничные отношения в семье.

Несмотря на то, что Инстаграм-аккаунт компании Zewa не отличался особой активностью, именно данный социальный ролик набрал рекордное, для их странички, количество комментариев. 2000 людей поддержали данный эксперимент, отметив, что необходимо обратить на данную тему внимание, и отказаться от гендерных стереотипов.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что использование данными рекламными кампаниями фемвертайзинга выгодно, так как их покупатели в основном женщины, и подобные «резонансные» темы вызывают у них отклик, и побуждают их оставлять комментарии и проявлять активность в их Инстаграм-аккаунтах. Из-за определенного «вызова обществу» или использование в своей рекламе «скользящей темы» рекламный ролик становится обсуждаемым и популярным, чем привлекает к себе новых потенциальных покупателей.

На площадке Инстаграм тема феминизма достаточно популярна и активно поддерживается пользователями данной социальной сети. Реклама, в которой прослеживаются феминистические настроения, становится популярной, и активно обсуждается в Инстаграм-аккаунтах. По сравнению с другими «нейтральными» постами в аккаунтах, прибегнувших к теме феминизма, посты о феминистическом социальном движении набирают больше лайков и комментариев. Комментарии к феминистическим постам доказывают, что преобладают старые, патриархальные устои в семье, тем самым подталкивая людей, придерживающихся феминизма, писать на эту тему больше постов, привлекая общественность к проблемам, касающихся данной темы, тем самым, побуждая своих подписчиков к открытой борьбе мнений. Транслируя различную информацию на постоянной основе, блогеры, таким образом, оказывают определенное воздействие на своих подписчиков, побуждая их прислушаться к себе и думать на данную тему, формируя свое мнение на этот счет.

Можно говорить о том, что в настоящее время в Инстаграме тема феминизма является одной из актуальных, несмотря на то, что тип данных СМИ не специализирован на подобных вопросах. Чаще всего, блогеры пишут в постах о себе или о событиях, происходящих вокруг, в большинстве случаев, это какие-то новости. Однако достаточно большой пласт публикаций позволяет говорить о стремлении оценить, интерпретировать данное явление, сформировать у аудитории определенное отношение к нему.



#### Литература:

1. *Воронина О.А.* Феминизм и гендерное равенство / О.А. Воронина. М. : ЕдиториалУРСС, 2014. 320 с.
2. *Рубанцева Т.А.* Философия феминизма и культура / Т.А. Рубанцева. М. : РАН, 2012. 130 с.
3. Профиль Александра Митрошина. URL : <https://www.instagram.com/alexandramitroshina/?igshid=17irmedhrbomu>
4. Профиль Reebok Russia. URL : [https://www.instagram.com/reebok\\_russia/?igshid=1r4cji6b75w0m](https://www.instagram.com/reebok_russia/?igshid=1r4cji6b75w0m)
5. Профиль Dove Global Channel. URL : <https://www.instagram.com/dove/?igshid=1cb6y6rzab2rv>
6. Профиль ZewaRussia. URL : [https://www.instagram.com/zewa\\_russia/?igshid=erwhmjbpft2b](https://www.instagram.com/zewa_russia/?igshid=erwhmjbpft2b).
7. *Тужба Э.Н.* Система образования Республики Абхазия: проблемы и перспективы / Э.Н. Тужба // Образование и общество: Всероссийская социологическая конференция. М. : ИС РАН; РОС, 2009. С. 78.

#### Literature:

1. *Voronina O.A.* Feminism and gender equality // O.A. Voronin. M. : EditorialURSS, 2014. 320 p.
2. *Rubantseva T.A.* Philosophy of Feminism and Culture / T.A. Rubantsev. M. : RAS, 2012. 130 p.
3. Profile of Alexander Mitroshin. URL : <https://www.instagram.com/alexandramitroshina/?igshid=17irmedhrbomu>
4. Profile of ReebokRussia. URL : [https://www.instagram.com/reebok\\_russia/?igshid=1r4cji6b75w0m](https://www.instagram.com/reebok_russia/?igshid=1r4cji6b75w0m)
5. Profile DoveGlobalChannel. URL : <https://www.instagram.com/dove/?igshid=1cb6y6rzab2rv>
6. Profile of ZewaRussia. URL : [https://www.instagram.com/zewa\\_russia/?igshid=erwhmjbpft2b](https://www.instagram.com/zewa_russia/?igshid=erwhmjbpft2b)
7. *Tuzhba E.N.* The educational system of the Republic of Abkhazia: problems and prospects / E.N. Tuzhba // Education and society: All-Russian sociological conference. M. : IS RAS; ROS, 2009. P. 78.

Киясханов Магомед Хизриевич  
кандидат философских наук,  
доцент,  
представитель МВД России  
в Республике Таджикистан  
vladimirgrishai1969@gmail.com

Корсаков Александр Николаевич  
соискатель,  
Ессентукский институт  
управления, бизнеса и права  
vladimirgrishai1969@gmail.com

Беляков Сергей Григорьевич  
соискатель кафедры  
философии и социологии,  
Адыгейский государственный университет  
vladimirgrishai1969@gmail.com

Юрчевская Ульяна Владимировна  
студентка,  
Кубанский государственный университет  
vladimirgrishai1969@gmail.com

## ПРЕДМЕТНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

■ ■ ■  
Аннотация. В гносеологии философии культуры субъект есть носитель познавательной активности: стремления, веления, целеполагания. Существовавшие в истории философии культуры трактовки субъекта в духе антропологизма, трансцендентализма, социологизма, историзма нуждаются в объединении на основе синтеза сильных сторон каждой позиции. По мнению авторов публикации, такой синтез не может быть равномерным в различных областях знания. В статье показано, что единство социального знания задается определенным философским образом познающего индивида. В основе личностных установок последнего лежат ценностные установки, приобщенность к которым делает субъекта познания отличным от иных (например, ориентированных на естественнонаучную парадигму) исследователей.

Ключевые слова: аксиологическая ориентация, субъект познания, индивид, философия культуры.

■ ■ ■  
**А**нализ познавательного отношения в аксиологических ориентациях социодиагностики культуры целесообразно начать с рассмотрения его сторон.

В гносеологии философии культуры субъект есть носитель познавательной активности:

**Magomed Kh. Kilyaskhanov**  
Candidate of Philosophical Sciences,  
Associate Professor,  
Representative of the Ministry  
of Internal Affairs of Russia  
in the Republic of Tajikistan  
vladimirgrishai1969@gmail.com

**Alexander N. Korsakov**  
Applicant,  
Essentucky Institute  
of Management, Business and Rights  
vladimirgrishai1969@gmail.com

**Sergey G. Belyakov**  
Candidate of the Department  
Philosophy and Sociology,  
Adygei State University  
vladimirgrishai1969@gmail.com

**Ulyana V. Yurchevskaya**  
Student,  
Kuban State University  
vladimirgrishai1969@gmail.com

## SUBJECT-ORIENTED AXIOLOGICAL PARADIGM IN MODERN SCIENCE

■ ■ ■  
Annotation. In the gnoseology of the philosophy of culture, the subject is a carrier of cognitive activity: aspiration, vedomination, purpose. Existing in the history of the philosophy of culture interpretations of the subject in the spirit of anthropology, transcendentalism, sociology, historicalism need to be united on the basis of the synthesis of the strengths of each position. According to the authors of the publication, such synthesis cannot be uniform in various fields of knowledge. The article shows that the unity of social knowledge is set by a certain philosophical image of the knowledgeable individual. At the heart of the personality attitudes of the latter are value settings, the involvement of which makes the subject of cognition different from other (for example, oriented to the natural science paradigm) researchers.

Keywords: axiological orientation, subject of cognition, individual, philosophy of culture.

■ ■ ■  
стремления, веления, целеполагания. Как показывает В.В. Ильин, существовавшие в истории философии культуры трактовки субъекта в духе антропологизма, трансцендентализма, социологизма, историзма нуждаются в объединении на основе синтеза сильных сторон каждой позиции [1]. На наш взгляд, такой синтез не может быть

равномерным в различных областях знания. В естественных науках субъект познания «ближе» к полюсу трансцендентализма, что обуславливается более строгим, по сравнению с социальной сферой, языком этих наук, спецификой объекта, данным во внешнем опыте. В сфере культуры, субъект социального познания в большей степени уникален, незаменим, на его исследовательской деятельности сильнее сказывается влияние ценностных установок, жизненного опыта. В этом смысле, культурологические ориентации социального знания сходны с философией, история которой есть не только история идей, но и история культуры, отдельных мыслителей. Философ стремится к самовыражению, отстаивает собственную жизненную позицию, часто нарушая при этом законы логики, опирается не только на дискурс, но и на интуицию.

Однако гипертрофия уникальности субъекта культурологического познания чревата развалом гносеологии: полное отсутствие идентичности между конкретными исследователями ведет к невозможности единой науки. Поэтому уникальность субъекта познания должна иметь границы, последние задаются общностью культуры, языка, общечеловеческими ценностями, единством материального мира.

Таким образом, субъект познания в аксиологии социодиагностики и уникален, и трансцендентален (универсален). Уникальность детерминирована вариациями индивидуального жизненного опыта, универсальность - языком, культурой.

Единство социального знания задается определенным философским образом познающего индивида. В основе последнего лежат ценностные установки, приобщенность к которым делает субъекта познания отличным от иных (например, ориентированных на естественнонаучную парадигму) исследователей. Поэтому субъект познания является, прежде всего, носителем определенных ценностных ориентаций, философской концепции человека. Предлагаемый подход совпадает с аксиологическим именно в пункте признания ценностной ангажированности субъекта, который не может трактоваться как беспристрастный, нейтральный познаватель. Аксиологические ориентации акцентируют необходимость наличия созвучия, сопереживания в схемах познания. Эмпатическая пристрастность является важнейшим условием не только эффективной социодиагностики, но и условием адекватного познания личности исследуемого, поскольку позволяет увидеть личность сквозь призму потенциалов положительного развития.

Другая важная черта аксиологически представляемой рациональности состоит в приоритете конструктивно-проективного видения мира перед дескриптивным. Как отмечает В.В. Ильин, «важен не мир сам по себе, а проект мира, ...интересно не то, что существует в бытии безотносительно к человеку, а то, что требуется человеку, существующему в бытии...» [2]. Неразрывная связь психологии с психопрактикой, направленной на позитивную трансформацию личности, превращает субъекта в носителя не

только познавательного, но и практически-преобразовательного активизма.

В целом, адекватное понимание субъекта познания проходит через признание его производности от субъекта жизнедеятельности: первый есть лишь одна из ипостасей второго. Субъект жизнедеятельности выступает как целостный, многоплановый индивид, как носитель мировоззрения, на основе которого формируются ценностные ориентации субъекта познания.

Традиционный подход к объекту, как к реальности мира культуры, существующей вне и независимо от сознания, в области обществознания сталкивается с известными трудностями, обусловленными следующими обстоятельствами:

Во-первых, наличием со стороны объекта встречной познавательной активности, которая направляется как на личность исследователя, так и на внутренний мир исследуемого. В своих аксиологических представлениях субъект способен изменять свою природу (сознание, поведение) в зависимости от того, что утверждает о нем социальное окружение.

В различных направлениях социокультурной диагностики, структура субъекта жизнедеятельности трактуется по-разному. В классическом психоанализе постулируется наличие таких инстанций, как Эго, Супер-Эго, Оно. В «аналитической психологии» К.Г. Юнга вводятся понятия «Самость», «Тень», «Персона». В христианской психологии вводится представление о «духовном Я» индивида. В концепции Ж. Лакана используется концепт «субъекта бессознательного», «ответственного» за порождение и смену означающих. Общее между различными трактовками субъекта жизнедеятельности состоит в том, что внутри него выделяются два слоя: глубокий, подлежащий кропотливому исследованию, и поверхностный, данный в самосознании. Именно первый слой выступает в качестве фундаментального (но не единственного) объекта познания в теории и практике аксиологии культуры.

Дальнейшая конкретизация представлений об объекте социокультурной действительности предполагает выделение предмета познания. Последний конституируется при рассмотрении объекта с определенных мировоззренческих позиций, имманентных диагностике установок социального развития. В отличие от интроспекционизма и когнитивной психологии, рассматривающих индивида изолированно от социального окружения, как некую монаду, социокультурная аксиология изучает его как погруженного в событие с другими. Уже в психоанализе личность исследуется через взаимоотношения со «значимыми другими», прежде всего, в контексте триады: ребёнок – мать – отец. В неофрейдизме и гуманистической психологии внимание к социальному окружению заметно усиливается [3]. С другой стороны, комплексно индивид понимается как целостное, духовно-телесное существо. Такое видение противостоит редуционистским взглядам, сводящим человека либо к его пове-

дению (бихевиоризм), либо к когнитивным структурам психики (когнитивная психология). Таким образом, для аксиологического подхода характерно целостное, холистическое видение своего объекта.

Во-вторых, важная черта предметной специфики индивидо-центричного философского знания состоит в эволюционно-историческом взгляде на человека как на развивающееся существо, способное творить само себя. Интерес к «жизненной истории» субъекта, группы, впервые заявивший о себе в психоанализе, дополняется «проективным» видением в аксиологической теории. В бихевиоризме Б. Скиннера человек может изменить свое поведение через переучивание, слом застарелых привычек, тогда как аксиологические ориентации открывают возможность для кардинальной трансформации всей личности.

В-третьих, философия аксиологического мировоззрения основное внимание уделяет изучению души, внутреннего мира личности: всякий поведенческий акт - от произвольного движения до поступка - рассматривается как производный от ментальных процессов, как их манифестация. В рамках вещно-натуралистического подхода сознание, душа либо отвергаются совсем (классический и скиннеровский варианты бихевиоризма), либо редуцируются к когнитивным компонентам (когнитивная психология, необихевиоризм К. Халла). Это качество философской социодиагностики можно обозначить как феноменологическую ориентацию.

Таким образом, предметное своеобразие аксиологических ориентации в философии культуры, в отличие от естественнонаучной концепции, состоит в холистическом, эволюционно-историческом, проективно-нормативном, феноменологическом видении своего объекта. Такое видение

#### Литература:

1. *Фейдимен Дж.* Теория и практика личностно-ориентированной психологии / Дж. Фейдимен, Р. Фрейгер. М., 1996. С. 28-39, 77-81, 126-132, 299-301.
2. *Мухелишвили Н.Л.* Ценностная рефлексия и конфликты в обществе / Н.Л. Мухелишвили, В.М. Сергеев, Ю.А. Шрейдер // Вопросы философии. 1996. № 11. С. 4.
3. *Юнг К.Г.* Собрание сочинений. Психология бессознательного. М.: Канон, 1994. С. 315.
4. *Мамардашвили М.К.* Кантианские вариации. Квинтэссенция. М., 1992. С. 150.
5. *Хьелл Л.* Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер. СПб., 1997. С. 558-560.
6. *Хьелл Л.* Указ. соч. / Л. Хьелл, Д. Зиглер. С. 549-551.

предполагает использование соответствующих методов познания.

Социокультурной диагностике и прогнозированию присуща также ориентация на решение конкретных проблем живых людей, тогда как получение нового знания оказывается если и не второстепенной, то вторичной задачей. В тех направлениях, в которых такая ориентация проявляется наиболее ярко, теоретический компонент выражен слабо, вплоть до редукции к нескольким базовым принципам, превалирует описательное, «рецептурное» знание. В отношении такого рода знания наиболее адекватным будет проблемный подход, т.е., рассмотрение знания, сконцентрированного на описании, объяснении и решении ряда типичных проблем. Соответственно, предметом социокультурных установок развития окажутся жизненно важные, экзистенциальные проблемы-трудности, с которыми сталкивается рядовой человек, а сама она представит как знание о причинах возникновения, о сущности и проявлениях, о путях преодоления таких проблем. В органическом обществе накал борьбы между отдельными личностями или группировками за свободу и справедливость, гарантирующие их интересы, умеряются их заинтересованностью в сохранении общего ресурса и сложившейся системы гарантий свободы и справедливости для всех [4].

Резюмируя вышесказанное о предметном своеобразии аксиологической парадигмы в философии культуры, можно заключить: имея в качестве непосредственного объекта целостного человека, погруженного в стихию повседневности социального бытия, социальная диагностика ставит себе задачей решение экзистенциальных, смысловых проблем индивида и является знанием, как об этих проблемах, так и о наиболее важных, сущностных качествах человека, о его истинной природе и предназначении, о «человеческом» в человеке.

#### Literature:

1. *Feidimen J.* Theory and practice of personality-oriented psychology / J. Feidimen, R. Freiger. M., 1996. P. 28-39, 77-81, 126-132, 299-301.
2. *Muskhelishvili N.L.* Value reflection and conflicts in society / N.L. Muskhelishvili, V.M. Sergeev, Yu.A. Schrader // Questions of philosophy. 1996. № 11. P. 4.
3. *Jung K.G.* Collected works. Psychology of the unconscious. M.: Canon, 1994. P. 315.
4. *Mamardashvili M.K.* Kantian variations. Quintessential. M., 1992. P. 150.
5. *Hjell L.* Personality theories / L. Hjell, D. Siegler. SPb., 1997. P. 558-560.
6. *Hjell L.* Specified works / L. Hjell, D. Siegler. P. 549-551.

7. *Фромм Э.* Искусство любить. М. : Педагогика, 1990. С. 62-100; *Маслоу А.* Психология бытия. М., 1997. С. 44-72.

7. *Fromm E.* The art of love. M. : Pedagogy, 1990. P. 62-100; *Maslow A.* Psychology of being. M., 1997. P. 44-72.

Ляушева Светлана Аслановна  
доктор философских наук,  
профессор,  
профессор кафедры  
философии и социологии,  
Адыгейский государственный университет  
lyausheva@list.ru

Васьков Максим Александрович  
доктор социологических наук,  
кандидат исторических наук,  
профессор кафедры  
образования и педагогических наук,  
Южный федеральный университет  
vaskovmaxim@mail.ru

Ямалов Алис Валерьевич  
магистр по направлению  
«Конфликтология»  
vaskovmaxim@mail.ru

## КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО АБХАЗСКОГО СОЦИУМА

■ ■ ■

Аннотация. Социально-культурные особенности современного абхазского общества связаны с его богатой различными событиями и внешними влияниями историей. Как отмечает автор статьи, абхазы являются представителями древнейшего населения региона, системообразующими характеристиками которого было утверждение и защиты собственной независимости и культ свободного человека, живущего согласно обычаям и традициям на земле своих предков. Исходя из этого посыла, он раскрывает особенности формирования современного абхазского социума, на жизнедеятельность которого накладываются отпечаток традиции их предков, но далеко не все они проходят испытание временем. В завершении публикации он приходит к выводу о том, что современное поколение абхазов, ориентирующееся на общество потребления, погруженное посредством самых современных гаджетов в передовые информационные технологии, в очень ограниченном количестве склонно разделять те ценности, которые были для старших поколений основополагающими в их жизни.

Ключевые слова: абхазский социум, традиции, черкесский мир, горский феодализм, сельская община, атальчество, набеговая экономика.

■ ■ ■

Социально-культурные особенности современного абхазского общества связаны с его богатой различными событиями и внешними влияниями историей. Абхазы являются представителями древнейшего населения региона, си-

**Svetlana A. Lyausheva**  
Doctor of Philosophy,  
Professor,  
Professor of the Department  
Philosophy and Sociology,  
Adygea State University  
lyausheva@list.ru

**Maxim A. Vaskov**  
Doctor of Sociological Sciences,  
Candidate of Historical Sciences,  
Professor of the Department  
Education and Pedagogical Sciences,  
Southern Federal University  
vaskovmaxim@mail.ru

**Alis V. Yamalov**  
Master in Direction  
«Conflictology»  
vaskovmaxim@mail.ru

## CULTURAL AND HISTORICAL FEATURES OF THE FORMATION OF THE MODERN ABKHAZIAN SOCIETY

■ ■ ■

Annotation. The socio-cultural features of modern Abkhazian society are associated with its rich history of various events and external influences. As the author of the article notes, Abkhazians are representatives of the oldest population of the region, whose system-forming characteristics were the assertion and protection of their own independence and the cult of a free person living according to customs and traditions on the land of their ancestors. Based on this message, he reveals the peculiarities of the formation of the modern Abkhazian society, which is influenced by the traditions of their ancestors, but not all of them pass the test of time. At the end of the publication, he comes to the conclusion that the modern generation, oriented towards the consumer society, immersed through the most modern gadgets in advanced information technologies, in a very limited number tend to share the values that were fundamental for the older generations in their lives.

Keywords: Abkhazian society, traditions, Circassian world, mountain feudalism, rural community, atalism, raiding economy.

■ ■ ■

стемообразующими характеристиками которого было утверждение и защиты собственной независимости и культ свободного человека, живущего согласно обычаям и традициям на земле своих предков.

Переломным моментом в истории Абхазии, который во многом определил характер современного абхазского общества, стало противостояние в регионе Османской Турции и Российской империи, вследствие которого произошли глобальные, по своим последствиям, социокультурные и демографические трансформации.

К началу процесса утверждения России в ключевом административно-политическом центре Абхазии Сухум-Кале (в настоящее время современный город Сухум) Абхазия уже занимала промежуточное положение между двумя основными на Кавказе типами уклада жизни. Прежде всего, речь идёт о характерном для горцев Северо-Западного Кавказа демократической, по своей структуре и идеологии вольных обществ и жесткой, по характеру, социальных отношений, принятых в феодальной системе Грузинского царства [1, с. 8]. Необходимо иметь в виду, что основные соперники, которые боролись за доминирование в Абхазии и стремились утвердить здесь свою политическую власть, были также государства с сословно феодальным укладом и самодержавной властью императора или султана [2, с. 57]. Помимо этого, в силу этнической, языковой близости и по характеру своего общественного устройства, Абхазия была самым тесным образом связана именно с большим черкесским миром. Так, на территории Абхазии не фиксировалось право собственности на землю со стороны знати. Подавляющее большинство населения составляли свободные общинники, которые назывались «анхаю цкя» и к ним принадлежало (3/4) от всего населения Абхазии. Здесь, также, не существовало такого понятия и системы правовых отношений, как крепостное право, хотя оно было доминирующим в соседних грузинских княжествах, причем, в крайне жестких формах. Для абхазского общества с его пониманием справедливости и правильной организации общественных отношений было характерно, что практически все категории крестьян могли быть и были собственниками земли, которую они и обрабатывали. Частное владение землёй всеми категориями крестьянства создавало интересное положение, при котором низшие сословия общественной иерархии, всё равно, находились, практически, вне зависимости по отношению к привилегированным слоям общества, и их зависимость, скорее, напоминала морально-нравственные обязательства, но не жесткую юридическую зависимость и диктат. Такая система общественно-экономических отношений получила название «горского феодализма». Его особенностью, в данном случае для Абхазии, было то, что в систему «горского феодализма» были органически интегрированы значительные элементы, которые относились непосредственно к родоплеменному строю [3, с. 134]. В этом отношении показательными являются социальные традиции, существовавшие у сельской общины. Особенностью сельской общины была её ключевая роль в социальной организации и функционировании горского общества. В Абхазии сельская община была, если можно использовать такой термин, «основой основ» всей системы социальных отношений. В Абхазии традиционно именно сельская община как базовая форма организации горского общества объединяла все

его слои без исключения от, самых высших до самых низших [4, с. 11].

Возможные сословные противоречия существенно смягчались в абхазском традиционном обществе целой системой социальных связей, бравших своё начало в родоплеменных отношениях. Характерным для всех слоёв абхазского общества является система молочного родства знати и крестьян, которая называлась «атальчество». Например, дети дворян и даже князей, которые были отданы на воспитание в простые крестьянские семьи, становились в силу закона, продиктованного адатом, близкими родственниками, как, впрочем, и их родители. При этом такая система воспитания абсолютно не считалась принижением княжеского или дворянского достоинства.

Для Абхазии было характерно производное от понятия «свободный человек» право на свободу переселения и передвижения. Вольный человек мог уйти, куда он хочет, по своей воле вне зависимости от сословной принадлежности. Свобода передвижения была связана и поддерживалась

также таким явлением, как социальный институт асасства( от слова «асас» – гость), т.е., гостеприимства. Причём, речь идет именно об отдельном социальном институте, который был связан со сложной системой социальных отношений и имел свою обрядовую сторону и значение.

Согласно традициям абхазов, стать гостями и пользоваться всеми особенностями своего социального положения могли представители любого сословия. Гостеприимство обеспечивало полную защиту гостя от каких либо нападений, даже если он совершал в своей общине преступление. Более того, если община позволяла в каких-либо обстоятельствах нанести гостю обиду, то она подвергалась бесчестью [5, с. 111]. В принципе, находившийся под покровительством другой общины человек, даже совершивший преступление, не мог быть лишён своей собственности, причем, попытки совершить такие действия, всё равно, считались нанесением обиды гостю, тем более, когда он отсутствовал у себя дома и не мог защитить свои права и интересы.

Можно отметить, что основной причиной такого тесного сплочения абхазского общества была постоянно существовавшая внешняя военная угроза. На протяжении многих исторических периодов были широко распространены набеги соседних народов, причём, настолько частые, что ряд специалистов говорит о целой системе «набеговой экономики» [6, с. 18]. В порядке вещей была работорговля пленными с турками, вооружённые угоны скота и иного имущества и др. [7]. Нельзя забывать о вооружённых спорах между абхазской знатью, в которых должны были принимать участие и, связанные с ними, рядовые общинники, а, с другой стороны, была принята защита интересов и безопасности этих же общинников со стороны князей и дворян. Такая ситуация крепко связывала все высшие сословия абхазского общества с низшими, поскольку от такого единства зависело как физиче-

ское выживание, так и защита чести общины, что даже ценилось еще выше, чем просто выживание [8, с. 12].

Такие народные обычаи, гарантировавшие комфортную жизнь всем сословиям, по крайней мере, в рамках своей общины считались общим достоянием и тщательно защищались от каких-либо посягательств, возможных со стороны привилегированных слоёв общества [9], хотя стоит отметить, что желание правящего класса Абхазии расширить свои привилегии и возможности по управлению иными группами населения, как например, это было в Грузии, в Османской или Российской империи встречали объективные и абсолютные непреодолимые для них преграды. Постепенно, описанная выше система социальных отношений, укрепившаяся в Абхазии, была институционализована как основополагающий нравственный стержень общества, который, в своей основе, сохраняется и в наше время [10, с. 12].

В Абхазии описанная выше община со всеми её характеристиками и социальными условиями жизни была аналогом военного лагеря, который находился в состоянии постоянной угрозы. В определённом смысле, такая угроза сохраняется и в наши дни. Но если раньше она шла сразу из нескольких направлений, то теперь она остаётся только со стороны Грузии, которая отказывается признавать факт обретения Абхазией государственной независимости. Если, с учётом наличия военных гарантий безопасности Абхазии со стороны России, таким угрозам крайне трудно материализоваться, то об их роли в формировании соответствующего психологического настроения в республике можно говорить с полной уверенностью.

Данный историко-социологический экскурс был необходим, поскольку он непосредственно касается актуального состояния абхазского общества, которое и является светским, но остальные характеристики системы социальных отношений, обычаев и традиций остаются практически в неизменном виде с давних времен [11].

Социальные особенности современного абхазского общества достаточно своеобразны и сложны [12-13]. Тот исторический багаж, который был описан выше, играет важнейшую роль, но он часто входит в противоречие с иными тенденциями общественной жизни и складывающимися в современном обществе отношениями. Прежде все-

#### Литература:

1. *Терентьева Л.В.* Институционализация властных отношений в местном сообществе : автореф. дис. ... на соиск. уч. степ. канд. социол. наук. Ставрополь, 2007.
2. *Сухоплещенко К.Ю.* Этнократии на Северном Кавказе: институционализация и легитимация : дис. ... на соиск. уч. ст. канд. социол. наук. Ростов-н/Д., 2010.
3. *Бурдьё П.* Дух государства: генезис и структура бюрократического поля / П. Бурдьё // Поэти-

го, нужно отметить эрозию традиционного общества в контексте современных общесоциальных тенденций. В частности, цифровые и информационные технологии, рост запросов в плане потребления и стиля жизни не способствуют сохранению такого своеобразного положения общества - военной организации. Этика, культура и мировоззрение народа, которые формировались в рамках общинного и родового строя сохраняются, в принципе, до сих пор, но входят в фундаментальное противоречие с требованиями времени и тенденциями переустройства жизни.

Также, в современном обществе часто меняются предписанные традициями социальные роли и статусы. Например, положение женщины в Абхазии диктовалось кавказскими традициями, исходящими из обычного права, а для исламских семей – ещё и принципами шариата. В современном обществе такое разделение привычных социальных ролей и ожиданий сохранять не удаётся. Представим уже достаточно распространённый не только в Абхазии, но и на Кавказе, в целом, случаи, когда женщина зарабатывает больше чем мужчина и фактически является главой семьи или занимает руководящие позиции и делает более успешную карьеру. Также, происходит снижение авторитета старейшин, который ранее был абсолютно непререкаемым. Традиционные для абхазского общества ценности общины подвергаются серьёзному давлению и размыванию со стороны ценностей индивидуалистических, связанных с приоритетной ориентированностью на личный успех и карьеру. Молодые поколения не могут быть изолированы от общемировых тенденций и трендов, а такое влияние не просто крайне опасно для ценностей и культуры традиционного общества, оно неизбежно и не может быть остановлено [13].

В завершение публикации следует отметить, что современное поколение, ориентирующееся на общество потребления и погруженное посредством самых современных гаджетов в передовые информационные технологии, в очень ограниченном количестве склонно разделять те ценности, которые были для старших поколений основополагающими в их жизни. В социокультурных условиях Абхазии такой конфликт ценностей и поколений является, как правило, латентным, поскольку ещё сохраняются и сдерживающие факторы, связанные с национальной идентичностью и своеобразным этикетом в системе социальных отношений.

#### Literature:

1. *Terentyeva L.V.* Institutionalization of power relations in the local community : abstract of the dis. ... on the application for academic degree. cand. social sciences. Stavropol, 2007.
2. *Sukhopleshchenko K.Yu.* Ethnocracies in the North Caucasus: institutionalization and legitimation. Dissertation for the degree of Candidate of Sociological Sciences. Rostov-on/D., 2010. P. 57.
3. *Bourdieu P.* The Spirit of the State: the Genesis and Structure of the Bureaucratic field / P. Bourdieu //



- ка и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М. : Институт экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя, 1999.
4. *Бигуаа В.Л.* Ритуальный мир традиционной религии абхазов : монография. М. : МАКС Пресс, 2018.
  5. *Дресслер-Холохан В.* Национальные движения: интернационализация протеста, идеология и утопия / В. Дресслер-Холохан // Этничность. Национальные движения. Социальная практика. СПб. : 1995.
  6. *Шаов А.А.* Этническая идеология как предмет социально-философского знания : дис. ... на соиск. уч. ст. канд. филос. наук. Ростов-н/Д., 2001.
  7. *Московский А.И.* Общество и его эволюция: институциональные аспекты / А.И. Московский // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. Ломоносова. 2005. № 6.
  8. *Маркедонов С.М.* Этнонациональный и религиозный фактор в общественно-политической жизни Кавказского региона : учеб. пособие / С.М. Маркедонов; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Фак. мировой политики. М., 2005.
  9. *Блиев М.М.* Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М. : Мысль, 2004.
  10. *Иордан М.В.* Этническая культура: теоретико-методологическая преамбула к эмпирическому исследованию / М.В. Иордан // Этническая культура: проблема самосохранения в современном контексте (культурологические очерки). М., Нальчик, 1997.
  11. Энциклопедия культур народов Юга России. Главный редактор член-корреспондент РАН Ю.А. Жданов. Т. I: Народы Юга России. Ростов-н/Д., 2005.
  12. *Тишков В.А.* Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // Вопросы социологии. 1993. № 1-2; *Тишков В.* Экономика и социальная сфера. URL : [http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/puti\\_mira\\_ekonomika\\_.html](http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/puti_mira_ekonomika_.html) (дата обращения 21.04.2019).
  13. *Тужба Э.Н.* Адаптационные возможности населения Абхазии / Э.Н. Тужба // Социологические исследования. 2010. № 10.
  14. *Тужба Э.Н.* Социально-психологические особенности кавказских этносов / Э.Н. Тужба, В. Муха // Общество и право. 2011. № 4.
  15. *Тужба Э.Н.* Религиозное мировоззрение абхазов / Э.Н. Тужба // Философские науки. 2011. № 4.
4. *Biguaa V.L.* The ritual world of the traditional religion of the Abkhazians : monograph. M. : MAKS Press, 2018.
  5. *Dressler-Holohan V.* National movements: internationalization of protest, ideology and utopia / V. Dressler-Holohan // Ethnicity. National movements. Social practice. SPb. : 1995.
  6. *Shaov A.A.* Ethnic ideology as a subject of social and philosophical knowledge : dis. ... for the degree of cand. of philos. sciences. Rostov-on/D., 2001.
  7. *Moskovsky A.I.* Society and its evolution: institutional aspects / A.I. Moskovsky // Almanac of the Center for the Social Sciences and the Faculty of Economics of the Lomonosov Moscow State University. 2005. № 6.
  8. *Markedonov S.M.* Ethno-national and religious factor in the socio-political life of the Caucasus region. studies. manual / S.M. Markedonov; Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Fac. world politics. M., 2005.
  9. *Bliev M.M.* Russia and the Mountaineers of the Greater Caucasus. On the way to civilization. M. : Mysl, 2004.
  10. *Jordan M.V.* Ethnic culture: a theoretical and methodological preamble to an empirical study / M.V. Jordan // Ethnic culture: the problem of self-preservation in the modern context (culturological essays). M., Nalchik, 1997.
  11. Encyclopedia of cultures of the peoples of the South of Russia. Editor-in-Chief, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences Yu.A. Zhdanov. Volume I. Peoples of the South of Russia. Rostov-on/D., 2005.
  12. *Tishkov V.A.* Ethnicity, nationalism and the state in post-communist society. Voprosy sotsiologii. 1993. № 1-2; *Tishkov V.* Economy and Social Sphere. URL : [http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/puti\\_mira\\_ekonomika\\_.html](http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/puti_mira_ekonomika_.html) (date of application 21.04.2019).
  13. *Tuzhba E.N.* Religious worldview of Abkhazians/ Philosophical sciences. 2011. № 4.
  14. *Tuzhba E.N.* Social Adaptation of Migrants: A Theoretical Model of Analysis / E.N. Tuzhba, V.N. Muha // Humanitarian. socio-economic and social sciences. 2019. № 12.
  15. *Tuzhba E.N.* Social and psychological features of Caucasian ethnic groups / E.N. Tuzhba // Society and Law. 2011. № 4.

Позднякова Татьяна Сергеевна  
кандидат социологических наук,  
доцент кафедры  
изобразительного искусства и дизайна,  
Институт искусств,  
Адыгейский  
государственный университет  
pozdneykova.2015@inbox.ru

## СЕМИОТИЧЕСКОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЖИВОПИСНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ХУДОЖНИКОВ АДЫГЕИ

■ ■ ■

Аннотация. В представленной к публикации статье обосновываются возможности семиотического подхода для поиска новых смыслов художественных произведений в искусствоведении. Впервые проводится семиотический анализ живописных произведений художников Адыгеи. Структура базовых типов знаков (иконические, конвенциональные, индексальные) по теории Ч. Пирса позволяет раскрыть внутреннюю сущность произведений изобразительного искусства. Приводится структура анализа живописи с позиции семиотики. Подчеркивается, что семиотический анализ живописи как объекта визуальной коммуникации раскрывает новые возможности для интерпретаций произведений изобразительного искусства.

Ключевые слова: семиотический анализ живописи, визуальная коммуникация, художники Адыгеи, Е.В. Абакумова, В.Ф. Баркин, А.М. Берсиров, В.Г. Бредихин, О.Л. Бреславцева, Б.И. Воронкин, Э.Н. Овчаренко, С.М. Умаров.

■ ■ ■

**И**скусство как культурный феномен может рассматриваться семиотикой – научной дисциплиной, изучающей функционирование различных знаковых систем, обладающих свойствами хранения и передачи информации.

Изобразительное искусство является знаковой системой, поскольку непременно предполагает наличие отправителя и получателя в системе визуальной коммуникации, реализуется в материальных объектах, способных передавать информацию, и подчиняется общим законам функционирования знаковых систем. Мышление в образах характеризует изобразительное искусство, которое эстетически осваивает окружающую действительность.

Художественный образ выражает эмоциональное состояние, которое воспринимается зрителем. При этом происходит наложение образа на

**Tatyana S. Pozdneykova**  
Candidate of Sociological Sciences,  
Associate Professor of the Department  
Visual Arts and Design,  
Institute of Arts,  
Adygei State University  
pozdneykova.2015@inbox.ru

## SEMIOTIC REVIEW AS A POSSIBILITY OF ARTISTIC ANALYSIS OF PAINTING WORKS OF ARTISTS OF ADYGEA

■ ■ ■

Annotation. The possibilities of the semiotic approach for the search for new meanings of works of art in art history are substantiated. For the first time, a semiotic analysis of paintings by artists of Adygea is carried out. The structure of the basic types of signs (iconic, conventional, index) according to the theory of Charles Pearce makes it possible to reveal the inner essence of works of fine art. The structure of the analysis of painting from the standpoint of semiotics is given. It is emphasized that the semiotic analysis of painting as an object of visual communication opens up new possibilities for interpreting works of fine art.

Keywords: semiotic analysis of painting, visual communication, artists of Adygea, E.V. Abakumova, V.F. Barkin, A.M. Bersirov, V.G. Bredikhin, O.L. Breslavtseva, B.I. Voronkin, E.N. Ovcharenko, S.M. Umarov.

■ ■ ■

сознание и мировосприятие зрителя, который интерпретирует новые смыслы. Следовательно, изобразительное искусство создает новые объекты арт-пространства и существует в коммуникативном потоке информации. Философ Б.А.Успенский пишет об этом: «В художественном произведении - будь то произведение литературы, живописи и т.п. - перед нами предстает некий особый мир - со своим пространством и временем, со своей системой ценностей, со своими нормами поведения, - мир, по отношению к которому мы занимаем (во всяком случае, в начале восприятия) позицию по необходимости внешнюю, то есть, позицию постороннего наблюдателя. Постепенно мы входим в этот мир, осваиваясь с его нормами, вживаемся в него, получая возможность воспринимать его «изнутри», а не «извне»; иначе говоря, читатель становится - в том или ином аспекте - на внутреннюю по отношению к данному произведению точку

зрения. Затем, однако, нам предстоит покинуть этот мир вернуться к своей собственной точке зрения, от которой мы в большей степени абстрагировались в процессе восприятия художественного произведения» [1, с. 174].

Художественная культура региона обогащена творчеством художников живописцев, раскрывающим образы в цвето-пластической форме. Темы, которые художники подчеркивают в своем творчестве, отчасти, предопределены природой родного края, духом созидания и восхищения реальностью мира.

Живопись состоит из знаков и представляет собой знаковую систему (текст). Анализ живописи с точки зрения семиотики предполагает разнородную классификацию в системе визуальной коммуникации. Прежде всего, сама картина, как материальный факт, соткана из знаков разной сущности. Следующий уровень, прочтение смысла, заложенного художником, состоящего из переплетения знаковых компонентов. Особо нужно отметить смыслы, которые возникают непосредственно при восприятии зрителем (реципиентом) и здесь возможно новое, иное прочтение художественного произведения.

Живописное творчество Елены Викторовны Абакумовой, заслуженного деятеля искусств Республики Адыгея (далее, РА), включает все жанры: натюрморт, пейзаж, портрет. Натюрморт «Цветы Кавказа» впечатляет живописностью и пластикой природных форм растений, включенных в среду пейзажа. С позиции семиотического анализа интересно проследить воздействие знаковых групп (Ч. Пирс). Иконические знаки непременно отражают визуальную оболочку изображаемых предметов и сохраняют внутреннее содержание и смысл в контексте художественного произведения, и потому узнаваемы цветы Кавказа: девясил, ромашка, тысячелистник, репейник, чертополох, бузина, собранные в живой букет. Растения являются конвенциональными знаками, потому как закрывают в себе скрытые (или явные) смыслы. Известно, что девясил обладает целебными свойствами, а, согласно поверьям предков, и магическими свойствами. Девясил считается символом непобедимости и большой силы. Все цветы букета являются целебными и потому могут символизировать дух Кавказа и долголетие его жителей. Лес и собранный букет являются знаками-индексами, поскольку указывают на свое местонахождение. Такой подход к анализу произведения позволяет видеть не только композиционную структуру, цветотональное взаимоотношение элементов картины, эстетическое воплощение, но и раскрыть внутренние основы художественного произведения.

Натюрморт - особенный, камерный жанр в творчестве Е.В. Абакумовой. Лирико-поэтичны картины «Натюрморт с эустомами», «Сухие растения», отражающие мягкость и тонкость восприятия художника.

Природа в картинах Е.В. Абакумовой многолика: будь то бурная река или тихая заводь, за-

росшая тропка в горах или величие панорамы горного массива - мотивы открывают красоту природы Кавказа. Сюжетные композиции «Теплый денек», «Зимний парк», «Рыбачки», «Дивноморский пляж» озаряют зрителя теплым светом, погружают в воспоминания, создают атмосферу соучастия. Работы посвящены теме детства, города, отдыха.

Художники-реалисты Адыгеи В.Ф. Баркин, В.Г. Бредихин пишут пейзажи, как уединенных уголков природы, так и городские и сюжетные мотивы. «Буковый лес» – так называется картина В.Ф. Баркина, написанная в 2001 году. Художник детально проработал первый план, так что изображение воспринимается синестетически - визуальное обретает формы аудиального восприятия. Зритель оказывается в осеннем лесу, шагая по засыпанной дорожке, слышится шуршание сухих листьев. Пронзительный, звонкий контраст голубого неба и желтых деревьев виднеется вдалеке. Картина «Полевые цветы» В.Г. Бредихина буквально наполнена теплым воздухом, движение деревьев вторит настроению летнего жаркого дня. Широко, динамично написаны живописные произведения художника О.Л. Бреславцевой. Техника и манера исполнения живописи является знаком для семиотической интерпретации замысла. Художник пишет жизнь, и потому работы наполнены движением, эффект которого достигается движением кисти, контрастом цвета и ритмической организацией композиционной структуры произведений («Вечерний пейзаж», «Цветы», «Осень», «Кубышки» и другие).

Особое видение цвета художником А.М. Берсировым позволяет создавать уникальные живописные полотна. Пожалуй, можно сравнить цвета и оттенки в картинах художника с драгоценными камнями, переливающимися на солнце. Цвет как средство выразительности живописи является конвенциональным знаком. Как же жгуч и ядовит зеленый цвет в контрасте красным цветом в работе «Кармен», и цвет как знак непосредственно дополняет идею автора о темпераменте персонажа. Живопись художника во многом отражает иконическую (образительную) сущность искусства. Однако картины являются репрезентацией аллегорического представления о мире, и потому обладают всеми типами семиотических знаков. Например, в картине «Даховский мост» оживает старый город, как предание старины, а в сюжете картины «Сцены недавнего прошлого» раскрывается горная панорама с бурлящей рекой, быками и сеновозом. Несмотря на конкретику образов в картинах А.М. Берсирова, они обладают исторической ретроспективой и мифологической содержательностью («Юная Сэтэнэй-Гуащ», «Музыка», «Осень», «Старые черкесские сады» и другие).

Живописная техника создания художественного произведения также является знаком, требующим интерпретации. Это ярко выражено в картинах Б.И. Воронкина «Васильки запоздалые», «У окна», «Полевые цветы», «За окнами осень». Особая легкость и ритмика воздушного пространства, лиричность образов отличает творчество художника.

Художник Э.Н. Овчаренко в своих картинах выражает экспрессивную динамичность, подчеркивая эмоциональность образов природы, людей. Линия изящная, письмо корпусное, цвета сложные, как и сюжеты картин.

В работах «Колибри», «Кофе опять сбежал», «Весна» присутствует и изобразительность смысловой основы, и выраженная символичность художественных образов. Живопись картин «Сатаней» и «Свидетель прошлого» художника С.М. Умарова декоративная; так, в ней присутствуют контрасты, открытые локальные цвета. Данное решение живописного пластического мотива задает определенный тон восприятия картины - напряженность и драматичность. Стоит обратить внимание на такие знаки, как сухое, поломанное бурей дерево на первом плане, на втором плане - практически нетронутый временем дольмен, а дальний план решен цветными плоскостями как фрагментами событий. Интерпретация произведения «Свидетель прошлого» лежит в прочтении философского смысла об историческом развитии и ходе времени.

Подводя итоги, отметим, что структура семиотического прочтения живописи включает:

Литература:

1. Успенский Б.А. Семиотика искусства. М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. 360 с.

- выявление иконических знаков в изображении;
- анализ построения композиции картины художником;
- технику исполнения работы;
- смысл, сущность произведения (возможно раскрытие конвенциональных и индексальных знаков);
- особенности восприятия картины реципиентом.

Живопись включена в систему визуальной коммуникации, в процессе которой художник передает созданные им знаки и заключенные в них смыслы. Знаки могут быть не только изобразительными (иконическими), но и обретать символические формы и содержание. Более того, индексальные знаки могут быть в цепочке причинно-следственной связи в сюжете или предметной среде живописного произведения.

Таким образом, семиотический анализ живописи раскрывает новые возможности для интерпретаций произведений изобразительного искусства.

**Literature:**

1. Ouspensky B.A. Semiotics of Art. M. : School of Languages of Russian Culture, 1995. 360 p.

Самыгин Сергей Иванович  
доктор социологических наук,  
профессор,  
профессор кафедры  
управления персоналом и социологии,  
Ростовский государственный  
экономический университет  
79289013427@yandex.ru

Аганов Андрей Анатольевич  
магистр по специальности  
«История России  
и стран ближнего зарубежья»,  
экскурсовод,  
Ростовский исторический парк  
«Россия - моя история»  
79289013427@yandex.ru

## ЖИВОТНЫЕ В МИФОЛОГИИ И ФОЛЬКЛОРЕ НАРОДОВ МИРА

■ ■ ■

Аннотация. Роль животных в мифологии исключительно велика. Это можно объяснить, тем, что на ранней стадии развития человечества люди не выделяли себя из ряда живых существ и не противопоставляли себя природе. В данной статье рассматривается роль животных в мифологии и фольклоре народов мира. Сравнивая мифы разных народов, как полагают авторы, можно установить, что при всем их многообразии в них присутствуют одинаковые темы и мотивы. Во многих мифах, связанных с животными, прослеживается идея о том, что когда-то люди были животными, а некоторые животные произошли от людей.

Ключевые слова: животные, культура, мифы, фольклор.

■ ■ ■

**Р**оль животных в мифологии исключительно велика. Это можно объяснить, тем, что на ранней стадии развития человечества люди не выделяли себя из ряда живых существ и не противопоставляли себя природе. Культурным традициям разных народов присуще обожествление животных и возведение их на вершину социальной иерархической лестницы. Многие народы представляли животных родоначальниками человеческого рода, представителями особой ипостаси человека. Из этого посыла вводились запреты на убийство и употребление в пищу мяса тех или иных животных, или ритуальное вкушение его в предписанное время. Также, длительное время особенности, подмеченные людьми в мире животных, были для них наглядным образцом для установлений модели жизни человеческого общества.

**Sergei I. Samygin**  
Doctor of Sociological Sciences,  
Professor,  
Professor of the Department  
Personnel Management and Sociology,  
Rostov State  
University of Economics  
79289013427@yandex.ru

**Andrey A. Aganov**  
Master in Specialty  
«History of Russia  
and Neighboring Countries»,  
Guide,  
Rostov Historical Park  
«Russia is my story»  
79289013427@yandex.ru

## ANIMALS IN THE MYTHOLOGY AND FOLKLORE OF THE PEOPLES OF THE WORLD

■ ■ ■

Annotation. The role of animals in mythology is exceptionally great. This can be explained by the fact that at the early stage of human development people did not distinguish themselves from a number of living beings and did not oppose themselves to nature. This article examines the role of animals in mythology and folklore of the peoples of the world. Comparing the myths of different peoples, it can be established that, for all their diversity, they contain the same themes and motives. In many myths where animals are present, there is an idea that once people were animals, and some animals descended from people.

Keywords: animals, culture, myths, folklore.

■ ■ ■

С древних времен до нас дошли представления о возможности человека принимать облик животного. Эта способность обычно приписывалась людям, обладающим магической силой. Образы животных часто воспринимались как посредники между миром людей и потусторонним миром. Многим культурным традициям известны представления о душе человека в облике птицы. Функция посредничества животных между мирами частый сюжет мифов. Традиционно, разные животные распределяются в соответствии с архаическими представлениями о трехчленной вертикальной структуре мирового пространства: «С его верхней зоной - небесным миром - связываются образы птиц; со средней - земным пространством - копытные животные, пчелы; а с подземным миром - гады, рыбы, мыши и некоторые другие животные» [7, с. 56].

Цель данного исследования - проанализировать образы представителей животного мира, встречающихся в мифах и фольклоре того или иного народа для выявления наиболее общих характерных черт и отличий, а также выявить причины появления мифов о них. Задачи исследования:

- 1) изучить мифы и народный фольклор, в которых упоминаются животные;
- 2) выделить наиболее значимые культы животных в различных народных культурах, а также их характерные черты и отличия;
- 3) проанализировать причины появления мифов о животных в фольклоре народов мира.

Данная тема в России мало изучена, свое развитие она получила в Европе и США. Так, в Оксфорде было издано 6 томов «Культурной истории животных» в Европе, начиная с Античности и заканчивая современной эпохой. Было проведено несколько крупных Международных конференций в Лозанне в 2005-2007 гг., они были посвящены репрезентации «звериности» в русской культуре. Материалы этой конференции были опубликованы на русском языке и главной задачей, которой ее организаторы назвали, - «дать импульс к более развернутым исследованиям» [4, с. 366]. В мае 2007 года в США прошла международная конференция «The Other Animals. Situating the Non-Human in Russian Culture and History». Целью данной конференции было определение тем и вопросов, специфичных для российского опыта восприятия животных. На конференции «Другие животные» собрались представители разных дисциплинарных отраслей, включающих антропологию, коммуникационные исследования, историю, литературу, фольклористику и религиоведение для того, чтобы представить исследования и участвовать в дискуссиях о значении животных в российской истории и культуре.

В базу исследования источников положен анализ комплекса опубликованных работ, содержащих информацию о фольклоре и мифов о растениях и животных. Основной массив источников - фольклор и мифология народов мира: мифы Древней Греции, скандинавский эпос, восточнославянская мифология, записки античных авторов

В первую очередь, хочется выделить роль птиц в мировой мифологии. В мировой мифологии образ мирового древа, как центра земли, занимает значимое место. На его вершине располагается птица, причем, чаще всего, это наиболее царственная птица, например, орел. Иногда птицу наделяют фантастическими чертами. При этом птица противопоставляется змее как хтоническому животному. В мифологии часто встречается мотив борьбы птицы и змеи, причем обычно птицу соотносят с высшими богами - громовержцами: Зевсом, Перуном, Индрой.

Душа часто предстает в образе птицы. Сложен мифологический образ птицы, которая естьместилище душ умерших и еще не родившихся, это

«начало» и «конец» одновременно. Славяне восхищаются птицами, обожествляют их, соотносят с человеком, видят их через призму собственного воображения. Обские угры считали, что у человека несколько душ, одна из них, «уходящая по реке», может принимать вид трясогузки, ласточки, синицы. Другая «сонная душа» (приходящая к человеку только во сне) предстает в виде глухаря. В качестве символа души птицы есть в мифах у эвенков, якутов, алтайцев.

В некоторых случаях птица - душа перекликается с птицей - вестником смерти. В одном из гимнов «Ригведы» [2, с. 7] изображается отчаяние человека при виде голубя, ходящего по очагу (предчувствие смерти). Часто в мифах боги превращаются в птиц. Так, Зевс становился лебедем, Плевады - голубями, Прокна - соловьем, Алкиона - зимородком [1, с. 124]. Герой русских былин Вольга превращается в сокола, охотясь на лебедей. В Египте широко был распространен культ сокола - символа Гора.

Большое значение имеет символика и образы конкретных птиц:

Аист - знак изобилия и плодородия, долголетия, материнского чувства.

Ворон - символ хитрости и коварства, воровства и распространения слухов. Однако не всегда в фольклоре его образ трактуется однозначно. По русским поверьям ворон - птица вещая. В фольклорно - мифологической традиции его связывают с дубом, который у всех индоевропейских народов был посвящен богу молнии. Ворон у славян - посредник между миром живых и мертвых, поэтому он может доставать живую и мертвую воду. Долголетие и способность подражать человеческому голосу придали ему славу пророческой птицы. В Греции ворона приносила плохие вести, но обозначала и долголетие. Ворон также считался вещей птицей, в Греции как атрибут Аполлона - предсказателя, в Скандинавии по его поведению гадали о будущем, в средневековой Франции был вестником несчастья, а также символом смерти. В Японии ворона - вестник и спутник ками (божества), образ сыновнего почтения, в скандинавской мифологии вороны - спутники Одина, их имена - Память и Мысль несут богам вести о предстоящих битвах.

Голубь в ряде традиций выступает как символ души умершего, небесный вестник. В Греции голубь - это птица богини Афродиты, а также - это символ любви и семейного очага.

Гусь в космогонических мифах - птица хаоса, но, вместе с тем, и творец вселенной, снесший золотое яйцо - солнце (образ великого Гоготуна в египетской мифе «О великом дне»). В Китае гусь связан с небом и принципом янь - талисманом, который помогает в браке.

Ибис в древнем Египте почитался как священная птица, воплощение бога Тота, символизировал рассвет, утро.

Ласточка – богота птица, так как по народной легенде именно она воровала гвозди у людей, которые распинали Христа.

Орел по мифологическим представлениям древних славян – это символ стихий – бури, ветра, грома и молнии. Отсюда поверье, что своим криком он может вызвать бурю. Норманны, например, верили, что на небе сидят великаны в образе орлов и размахом своих крыльев производят ветер.

Петух в представлении древних славян – птица дневного светила, предвестник солнечного восхода. Мифологема «петух» – это солнечный круговорот, и символ «третьей стражи», от полуночи до рассвета разгоняющей нечистую силу. Петух служит также символом огня.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что птица в мировой мифологии и фольклоре является символом «добрых» или «злых» стихий. Мифическая связь птицы со стихиями долго удерживалась даже в тех мифологиях, которые представляли полное развитие антропоморфизма. Различные птицы, их перья и крылья, постоянно являлись атрибутами богов, принявших уже человеческие формы. Почти всем птицам присуща мифологема «быть вещью», что породило обряд гадания по их полету, крику и внутренностям.

Наблюдения древних людей над миром птиц явились источником для появления многочисленных фразеологизмов, метафор, пословиц и поговорок, легенд связанных с ними.

Отдельно хочется сказать о роли зверей в мифологии и фольклоре народов мира. Рассматривая фольклор народов мира, можно убедиться, что практически все народы отождествляли сверхъестественную силу том с животными. Культы некоторых животных одновременно встречаются в верованиях различных племен и народов, не связанных между собой.

Культ животных – первая грань, которую древний человек проводит между собой и миром природы, признавая ее господство, но, уже не отождествляя себя с ней. Анимализм всегда остается смыслообразующим фоном, на котором формируются языковые и культовые традиции.

Волк – наиболее мифологизированное животное в культуре восточных славян. Возникновение волка в мифологическом сознании связывается с землей. Образ волка в славянской мифологии не однозначен, с одной стороны, он тесно связан с солнечными божествами, мудрый и верный спутник, могущественный прорицатель, с другой – хищный демон, зверь из мира мертвых. Самый распространенный образ волка у славян – Семаргл, который упоминается в «Повести временных лет». Он считается хранителем вечно живого огня. Описывается как огненный волк с крыльями сокола. Образ волка связывают со славянской аграрной обрядностью; подобная традиция существует в аграрных обрядах народов Европы это так называемый хлебный волк – дух плодо-

родия зерна. Участие волка в обще-славянской обрядности советский археолог Б.А. Рыбаков связывает с тем, что: «Быть может, для древних славян волки были полезны весной, когда всходили яровые хлеба и лен, а в лесных чащах было много рогатой мелкой живности (косули, дикие козы), которые причиняли вред молодой зелени. Волки же на открытом пространстве засеянных нив легко травили эту живность, невольно оберегая поле от отравы» [9, с. 206].

Античная традиция о связи человека с волком – в обычае у древних славян. Эту связь описывал Геродот, подчеркивая неразрывную связь нервов, живущих на северных границах скифского мира с волком: «Эти люди, по – видимому, колдуны... Каждый нерв ежегодно на несколько дней обращается в волка, в затем принимает человеческого облик» [8, с. 141-142]. Он описывает обычай славян набрасывать на себя волчью шкуру, что, согласно поверьям славян, превращает человека в волка. Эти действия связаны со свадебной обрядностью в осенне-зимний сезон у славянских народов.

Поскольку, в раннем язычестве у славян волк считался гонителем туч, то, в дальнейшем, его хозяином становится бог грома Перун.

Темная сущность волка, связанная с лунными и морозными ночами, пугала славян. Считалось, что волк принадлежит миру мертвых и ведаёт его секретами. Вера в оборотней есть у многих европейских народов. Но, в отличие от мифологии народов Европы, у славян оборотень был изначально положительным героем. Такое противоречие во взглядах можно объяснить религией, а, точнее, противоборством приверженцев политеизма и монотеизма. Противопоставляя себя язычникам, сторонники монотеизма объявили языческие божества – демонами. Связь мифологического символа волка с нижним миром видна в скандинавской «Старшей Эдде» [5, с. 864], где конец мира вызван волком – чудовищем Фёрниром, сорвавшимся с цепи. Согласно легенде, гигантский волк Фёрнир сидит на крепкой цепи в недрах земли. Перед концом мира он вырвется из заточения и поглотит Одина и солнце, после чего, на земле воцарится хаос до нового рождения мира. Согласно этому мифу, волк выступает как символ хаотического начала, заключенного в оковы ради сохранения космического порядка, обретающего свободу в конце каждой эпохи.

В языческой Европе волк считался одним из наиболее почитаемых животных наряду с медведем – бером. С ним связывали много примет, мифов и ритуалов. В мифологии под шкурой волка скрывался не обязательно волк. Например, в греческом мифе о Ликаоне повествуется о том, как царь Аркадии Ликаон осмелился предложить Зевсу блюдо, приготовленное из человеческого мяса, и был превращен за это разгневанным богом в волка. В реальности этот миф отражает древний обычай человеческих жертвоприношений Зевсу Ликейскому на горе Ликаон.

В античности волка считали зверем - призраком, взгляд которого лишает дара речи. С культом волка у греков был связан праздник Луперкалий, праздник очищения и плодородия, возможно, связанный с обрядом инициации. Римляне связывали образ волка с символикой войны. Он был животным, посвященным богу Марсу, и олицетворял воинскую доблесть у римлян и египтян. Волчица в римской мифологии вскормила братьев – близнецов Ромула и Рема, легендарных основателей Рима.

В скандинавской мифологии верховный бог - Один имеет двух чудесных помощников, символов боевой дружины – волков Гери и Фреки. У хеттов, иранцев, греков, германцев и других индоевропейцев воины наряжались в волчьи шкуры. Например, древние германцы приносили богам войны в жертву волков, собак, а также – людей, «ставших волками» (преступников).

Медведь, в отличие от волка, в культовой традиции восточных славян считался чистым животным. Практически у всех народов мира есть мифы и легенды о медведях. В одних его называют предком людей, в других - человеком, ставшим зверем по воле богов. О том, что человек произошел от медведя, повествует индейская легенда племени квактиутль. В ней говорится о любви медведицы к первому мужчине на земле, их потомки затем населили землю. Легенды Русского Севера, связывают появление медведей с детьми первых людей – Адама и Евы [7, с. 59]. Своим далеким предком называли медведя воины древних кельтов. Считалось, что именно он наделяет своих детей храбростью, силой и беспощадностью. Герой скандинавских саг Берсеркер – потомок союза человека и медведя, облаченный в медвежью шкуру, наводил ужас на врагов одним своим видом. Кроме силы и бесстрашия, он отличался свирепым видом, звериной яростью и не чувствовал боли. Существует предание, что именно он стал предком племени берсерков, наводившим страх на народы Северной Европы [10, с. 13].

Славяне верили в то, что облик медведя принимает бог Велес, а медвежья берлога – вход в подземный мир. Древние греки наделяли медвежьими чертами Артемиду – богиню охоты. В ее храмах селили прирученного медведя, а жрецы во время праздника в честь богини исполняли специальный танец с накинутыми на плечи медвежьими шкурами. С этим обычаем сопоставляют аркадский миф о спутнице Артемиды Каллисто, превращенной ею в медведицу, и видят следы древнего звериного облика самой Артемиды [3, с. 122-123].

Согласно легенде об основании города Ярославля, князь Ярослав Мудрый истребил кровавое племя, поклонявшееся медведю, заложил город Ярославль, гербом которого стал медведь с секирой, стоящий на задних лапах [6, с. 3-28].

В эпоху христианства, восточные славяне называли медведя «братом лешего» и считали, что он следит за порядком в лесу, охраняет лес от нечисти.

Охота на медведя считалась одной из самых серьезных. Продукты медвежьей охоты наделялись магическими свойствами, так как сам медведь был символом здоровья и силы, использовались для лечения больных. Образ медведя встречался и в заговорах от болезней.

Бык – животное, часто встречающееся в мифологии различных народов. В Древнем Двуречье, древнеиранской и древнеиндийской традициях бык, прежде всего, был образом лунного божества. Так, например, один из месяцев иранской мифологии называется «имеющим семя быка», в Шумере и Аккаде, бог луны Син (шумер Зуэн или Нанна) представлялся в виде быка с синей бородой. В шумерской песне «Гильгамеш и небесный бык» богиня Иннин, рассердившись на Гильгамеша, не ответившего ей любовью, добивается, чтобы боги создали небесного быка – мстителя за нее. Бык, спустившись с небес к Ефрату, выпивает реку. Гильгамеш побеждает быка [12, с. 166-220]. Аналогичный сюжет есть в иранской мифологии (убийство первобыка Ахриманом), греческой (убийство Тесеем Минотавра). Бык был первым священным животным у древних персов, индусов, греков.

Возникновение подобных мифов связывают с ритуальным состязанием с быком, принесением в жертву священного быка, широко распространенным в восточном Средиземноморье (во время греческих буфоний убивали быка, съевшего жертвенный хлеб, после чего устраивали обрядовый суд над виновниками убийства) [11, с. 80-96]. В других мифах этого ареала бык являлся символом бога грозы. В хурритской мифологии у бога грозы два быка: Хурри (утро) и Серри (вечер). Римляне, приносили в жертву Юпитеру быка, славяне жертвовали быков богу - «творцу молний». Бык символизировал собой бога (бык Нандин бога Шивы). Там, где существовали культы главного божества в образе быка, при храмах держали священного быка как его воплощение (египетский Апис в Мемфисе, который считался священным перевозчиком души бога Осириса). Культ быка был очень развит в Египте. Священного быка Аписа запрягали в плуг при восхождении на трон нового фараона, который в торжественной обстановке делал плугом священную борозду.

В греческой мифологии бог Зевс для обладания Европой (дочери царя Агенора) превратился в быка; подобный сюжет встречается в мифе бушметов, где дождь превращается в «водяного быка», похищающего девушку. В мифологии кельтов бык считается символом силы и мужества, агрессивности, с которыми ассоциировалась его рога. Восприятие образа рогатого животного в мифологической традиции как символа мужской силы, мужского начала, а также, наделение его признаками магической и физической силы, принадлежностью его к иному миру и космосу объясняют непонятные для современного человека события в фольклорных произведениях, сохранивших древние мифологические представления.



Таким образом, рассмотрев наиболее значимые культы животных в фольклоре и мифологии народов мира, можно сказать, что в них, при всем их многообразии, повторяется целый ряд тем и мотивов. Во многих мифах, где присутствуют животные, имеется представление о том, что когда-то люди были животными, а некоторые животные произошли от людей. Мифологический мотив превращения людей в животных присущ почти всей мировой мифологии. На ранних этапах развития человечества мифы, как правило,

примитивны, кратки, просты по содержанию. Они представляют собой основной способ осмысления мира. Человек не выделяет себя из мира животных, поэтому объекты животного мира как бы очеловечиваются: в мифах они персонафицированы, то есть, им приписываются человеческие свойства, действия и чувства. Мифологическое мышление оперирует конкретными, внешними, чувственными качествами предметов. На основе сходства этих качеств, два предмета могут восприниматься как тождественные.

#### Литература:

1. *Грейвс Р.* Мифы древней Греции. / Р. Грейвс; Пер. с англ. К.П. Лукьяненко; Под ред. и с послесловием А.А. Тахо-Годи. М. : Изд-во «Прогресс», 1992. 620 с.
2. *Елизаренкова Т.Я.* Ригведа. в 3т. Серия «Литературные памятники». М. : Наука, 1989-1999. 768 с.
3. *Зайцев А.И.* Греческая религия и мифология: курс лекций / А.И. Зайцев; Под ред. Л.Я. Жмудь : учеб. пособие для студентов высш. учебн. заведений. СПб. : филологический факультет СПбГУ; М. : Издательский центр «Академия», 2005. 208 с.
4. Звери и их репрезентация в русской культуре. Труды лозаннского симпозиума / Под ред. Л. Геллера и А. Виноградовой де ля Фортель. СПб., 2010. 366 с.
5. Исландские саги. Исландский эпос / Пер. М.И. Стеблин - Каменского и О.А. Смирницкой, вступительная статья и примечания М.И. Стеблин - Каменского). Новосибирск : Изд. «Наука», 1976. 864 с.
6. *Ленивцев М.* Описание построения города Ярославля и заложении в основание онога церкви имя Святого пророка Илии Великим князем Ярославом I // «Отечественные записки». 1827. № 84. 171 с.
7. *Мадлевская Е.Л.* Русская мифология. Энциклопедия. М. : Издательство «Эксмо» Мидгард, 2007. С. 56, 59.
8. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М. : Наука, 1982. 455 с.
9. *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М. : Наука, 1981. 606 с.
10. *Стурлусон С.* Круг Земной. М. : Наука, 1980. 688 с.
11. *Толстой И.И.* Статьи о фольклоре. М.-Л., 1966. 253 с.
12. «Эпос о Гильгамеше» («О все видавшем») // Библиотека всемирной литературы. Т. 1: Поэзия и проза Древнего Востока. М. : Художественная литература, 1973. 655 с.

#### Literature:

1. *Graves R.* Myths of ancient Greece. / R. Graves; Per. from english K.P. Lukyanenko; Ed. and with an afterword by A.A. Tahoe Godi. M. : Publishing house «Progress», 1992. 620 p.
2. *Elizarenkova T.Ya.* Rig Veda. in 3v. Series «Literary Monuments». M. : Science, 1989-1999. 768 p.
3. *Zaitsev A.I.* Greek religion and mythology: a course of lectures / A.I. Zaitsev; Ed. L.Ya. Zhmud : textbook for students of higher. educational institutions. SPb. : Faculty of Philology, St. Petersburg State University; M. : Publishing Center «Academy», 2005. 208 p.
4. Animals and their representation in Russian culture. Proceedings of the Lausanne Symposium edited by L. Geller and A. Vinogradova de la Fortel. SPb., 2010. 366 p.
5. Icelandic sagas. Icelandic epos (translated by M.I. Steblin – Kamensky and O.A. Smirnitckaya, introductory article and notes by M.I. Steblin – Kamensky). Novosibirsk : Publishing house «Science», 1976. 864 p.
6. *Lenivtsev M.* Description of the construction of the city of Yaroslavl and laying in the foundation of this church the name of the Holy Prophet Elijah by the Great Duke Yaroslav I // «Otechestvennye zapiski». 1827. №. 84. 171 p.
7. *Madlevskaya E.L.* Russian mythology. Encyclopedia. M. : Publishing house «Eksmo» Midgard, 2007. P. 56, 59.
8. The peoples of our country in the «History» of Herodotus. M. : Nauka, 1982.455 p.
9. *Rybakov B.A.* Paganism of the ancient Slavs. M. : Nauka, 1981.606 p.
10. *Sturluson C.* Circle of the Earth. M. : Nauka, 1980. 688 p.
11. *Tolstoy I.I.* Articles about folklore. M.-L., 1966. 253 p.
12. «Epic of Gilgamesh» («About everything that has seen») // Library of World Literature. Vol. 1: Poetry and prose of the Ancient East. M. : Fiction, 1973. 655 p.



ПОЛИТИЧЕСКИЕ  
НАУКИ



Воронцов Сергей Алексеевич  
доктор юридических наук,  
профессор,  
и.о. директора  
Научно-учебного центра  
противодействия коррупции,  
Институт права  
и национальной безопасности РАНХиГС  
при Президенте Российской Федерации,  
профессор кафедры  
процессуального права,  
Южно-Российский институт управления -  
филиал Российской академии народного  
хозяйства и государственной службы  
при Президенте Российской Федерации  
ponedelkov@uriu.panera.ru

Керимов Олег Юрьевич  
магистр,  
аспирант по направлению  
«Политические науки и регионоведение»,  
Российская академия народного  
хозяйства и государственной службы  
при Президенте Российской Федерации,  
Южно-Российский филиал  
Ug-igrushka@rambler.ru

## ОСНОВНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

■ ■ ■  
Аннотация. Как отмечают авторы публикации, в развитии политической системы России в последние годы наблюдается определенная динамика, что может стать основанием для рассмотрения перспективы дальнейшей демократизации политических институтов и политических отношений в стране. На этом основании ими был проведен анализ динамики хода преобразований в политической жизни страны и сделаны выводы о том, к каким последствиям приведут эти преобразования, акцентируя в них свое внимание, в первую очередь, на позитивных результатах этих преобразований.

Ключевые слова: российская государственная политика, российская политическая система, демократизация политических институтов и политических отношений, избирательные процессы, законодательные инициативы.

■ ■ ■  
**В** России и мире происходит множество событий, которые вынуждают руководство нашей страны постоянно вносить тактические изменения в российскую государственную политику, учитывать стратегические ориентиры, кор-

**Sergey A. Vorontsov**  
Doctor of Law,  
Professor,  
Acting Director Research  
and Training Center Countering Corruption,  
Institute of Law and the National Security  
of the RANEPА under the President  
of the Russian Federation,  
Professor of the Department  
Procedural Law,  
South Russian Institute of Management -  
branch of the Russian Academy of Folk  
ponedelkov@uriu.panera.ru

**Oleg U Kerimov**  
Master,  
Postgraduate Student in Direction  
Political Sciences and Regional Studies,  
Russian Academy of Folk Studies  
Economy and Public Service  
under the President  
of the Russian Federation,  
South Russian branch  
Ug-igrushka@rambler.ru

## KEY PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE POLITICAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

■ ■ ■  
Annotation. As the authors of the publication note, there is a certain dynamic in the development of the Russian political system in recent years, which may be a reason to consider the prospects for further democratization of political institutions and political relations in the country. On this basis, they analysed the dynamics of the country's political life and drew conclusions about the consequences of these changes, focusing primarily on the positive results of these changes.

Keywords: Russian state policy, Russian political system, democratization of political institutions and political relations, electoral processes, legislative initiatives.

■ ■ ■  
ректировать и менять их в соответствии с развитием ситуации, что не может не влиять на структуру российской политической системы и направления ее развития.

В развитии политической системы России в последние годы наблюдается определенная динамика, что может стать основанием для рассмотрения перспективы дальнейшей демократизации политических институтов и политических отношений в стране [1].

Так, в 2009 году состоялся первый отчет Правительства РФ перед Государственной Думой, что стало теперь одним из ежегодных событий в политической жизни страны. Подотчетность исполнительной власти представительной означает, что перекокс 1990-х в сторону концентрации власти у исполнительной элиты начинает перестраиваться и уравнивать баланс ветвей власти в России [2].

В избирательном процессе происходят перманентные изменения:

– отменен денежный залог для политических партий, принимающих участие в выборах в парламент;

– законодательные инициативы, касающиеся гражданского общества и гражданских свобод, и поступающие в Государственную Думу, должны теперь проходить общественную экспертизу – направляться для заключения в Общественную палату РФ;

– изменилось избирательное право.

Успешно идет процесс создания электронного правительства, в том числе, создано единое пространство юридически значимого электронного взаимодействия разных исполнительных подструктур (большую роль сыграли созданные многофункциональные центры по оказанию государственных услуг населению – МФЦ) и др. [7].

Властью был провозглашен курс на модернизацию страны, в том числе, ее политической системы. Для постановки повестки дня в таком направлении были свои объективные причины. Одна из них представляла собой необходимость расширения участия граждан в принятии решений органами власти, что повышало бы прозрачность действий власти и доверие к ним со стороны общества [5]. Следующей задачей было повышение ответственности исполнительной власти перед законодательной властью и обществом, что означало бы переход от авторитарного государства к сервисному. Еще одним направлением развития политической системы России стало дальнейшее развитие партийной системы, внедрение цивилизованных методов политической конкуренции и политической дискуссии. Стояла также острая необходимость сокращения бюрократического аппарата, ставшего тормозом развития страны.

Для решения поставленных задач были приняты законодательные и стратегические меры, реализация которых продолжается и в настоящее время, предусмотрена и среднесрочная перспектива. Так, изменение срока полномочий Президента, по-видимому, скажется на расстановке политических сил не сразу, а в течение следующих десяти-пятнадцати лет [3].

Нововведения, меняющие политическую систему общества, соответствуют изменениям общества, – вместе с изменением общества меняются и социально-политические институты. Политическая система должна реформироваться в соответствии с социальной динамикой, чтобы не вступить в опасный диссонанс с обществом [1].

Вместе с тем, существуют проблемы, над которыми необходимо работать и далее в целях совершенствования политической системы России. Одна из них – недостаточная публичность российской политики, многие решения продолжают приниматься кулуарно, без общественной экспертизы (или с ее формальным участием), без учета мнения общественности. Далее, политические партии при всем своем многообразии больше отражают интересы определенных групп, чем интересы большинства граждан [4].

Усиление политической конкуренции повысит политическую активность граждан страны, заставит их чувствовать себя ответственными за судьбу России, дополнительный стимул для развития получит правовая и политическая культура общества.

Одной из задач элиты страны является создание сложной системы разнообразных политических и общественных движений и ассоциаций граждан по интересам, сокращения дистанции между властью и обществом.

Общей задачей всех структур политической системы является совершенствование системы управления государством, что поможет преодолеть правовой и политический нигилизм граждан. Реформировать систему органов государственной и муниципальной власти необходимо на институциональном уровне с целью преодоления коррупции и бюрократизма, расширения открытости процесса принятия правовых и политических решений [3].

Необходимо совершенствовать систему содействия становлению гражданского общества, поддерживать инициативы активных и сознательных граждан по улучшению жизни населения, развитию массовых коммуникаций, снижению давления на СМИ со стороны местных органов власти.

Модернизация политической системы России не может происходить в результате действий только государственной власти, ни один правитель не способен знать все, предусмотреть все и все сделать правильно. Большая роль в социально-политических процессах принадлежит элите общества, которая постоянно должна уделять внимание трансформации политико-правовых институтов. Необходимо поощрять предпринимательскую деятельность граждан, так как именно эти качества людей создают богатство страны, способны координировать усилия по эффективному использованию национальных богатств.

Актуальным для россиян вопросом является надежная защита прав собственности, гарантированная государством правовая защита договоров, свобода предпринимательства. Насущной

проблемой является наличие вспомогательного законного инструментария, в котором сейчас ощущается острая нехватка. Требуется устранение нормативных актов, ограничивающих жизнь и общественное развитие. Во многих вопросах частные и общественные организации своей деятельностью вполне могут заменить государство. Интеграция страны с мировым сообществом требует во многих областях децентрализации бюрократического аппарата, дерегулирования, да и деполитизации её экономической жизни [5].

Полезными можно считать меры по сокращению бумагооборота в деятельности государственных служб, приданию ей расширенной гласности, чтобы граждане могли понимать, на каких нормах основана операционная деятельность аппарата государственной службы, и при необходимости могли содействовать исключению вредных или лишних действий в административной практике. Необходимо, правда, отметить, что такая рационализация совершенствует деятельность власти, но кардинально не изменяет политическую систему.

Модернизацией государственного управления в институциональном плане является создание участия общества в процессах подготовки, принятия и реализации управленческих решений власти, диалог между обществом и государством, переход на клиентоориентированный подход при оказании государственных услуг гражданам. Институционализация участия общества в государственном управлении приводит к внутреннему контролю обществом реализации управленческих решений, взаимодействию организаций гражданского общества (некоммерческих организаций, общественных фондов, движений и пр.) с органами государственной власти и местного самоуправления. Институты участия существенно меняют отношения власти и общества, население начинает воспринимать чиновников как наемных менеджеров, консолидирует граждан в вопросах влияния на политику принятия управленческих решений всех ветвей власти [3].

В странах с развитой демократией превалирует институциональный метод взаимоотношений государства и общества. Для России в настоящее время актуален технологический инструментарий - с целью снижения издержек взаимодействия государства и населения, повышения качества государственных услуг, снижения бюрократических барьеров. Институциональное направление модернизации государственной службы имеет более долгосрочную перспективу. Но процесс его реализации уже начался – обязательным элементом принятия управленческих решений, касающихся жизненных сфер общества, стали публичные слушания, при органах исполнительной власти создаются общественные советы, важным явлением стала работа Общественной палаты РФ, значимой является обратная связь народа со своей властью, которую осуществляет Общероссийский народный фронт, обязательным является участие независимых представителей общества в заседаниях

конкурсных комиссий при назначении на должность государственных служащих и др. Конечно, создание таких структурных элементов гражданского общества свидетельствует о некотором уровне его развития, но процесс этот контролируется государством и даже реализуется по его инициативе. То есть, этот процесс скорее является формальной формой институционализации, чем отражением устоявшихся взглядов граждан.

Использование институционального направления при модернизации государственного управления способствует не только совершенствованию качества услуг, но и повышению удовлетворенности граждан работой государственной службы.

Как прогнозируют отдельные эксперты, в случае продолжения экономического кризиса и сохранения низких цен на экспортируемые энергоносители применение двух предыдущих сценариев может привести или к деградации государственного управления, или же к вынужденной активизации технологического и институционального направлений.

В том случае, если политические процессы в стране приведут к ситуации доминирования политической воли в принятии решений, то для этого потребуется применение, преимущественно, кадрового инструментария.

Если же объявленная властью стратегия социально-экономической и политической модернизации страны сохранит свои темпы, то на первое место должно выйти институциональное направление. Технологическое направление должно исполнять роль инструментария модернизации, а кадровый подход играть подчиненную роль. Мировой опыт показывает, что наиболее эффективным государственным управлением становится при успешном развитии институционального направления реформ при выработке управленческих решений и использовании технологических инструментов при их реализации.

Политическая система России, в перспективе, стремится к большей открытости и гибкости при усложнении внутренней сущности и структуры. Ее структура должна соответствовать структуре общества. Ее основой должны стать политические объединения граждан, лидирующее положение среди них займут парламентские партии. Влияние их должно способствовать формированию федеральных и региональных органов исполнительной власти, их руководителей. Но для успешного функционирования политической системы такого типа необходим опыт цивилизованной политической конкуренции, сотрудничества и нахождения взаимоприемлемых компромиссов при сохранении солидарности по стратегическим вопросам развития страны. Необходимо признать, что в современной России происходят процессы, свидетельствующие о ее движении к созданию такой политической системы [6].

Тип правовой системы влияет на политическую систему государства и процессы ее развития.

Такие политические категории, как демократия, федерализм, парламентаризм и другие одновременно являются и правовыми категориями, что создает определенные рамки для трансформационных процессов: это реальное разделение властей и снижение роли государства, усиление роли общественных институтов.

Исследования последних лет показали, что политическая система современного социума в своем институциональном развитии более эффективна, если строится на естественно-правовых принципах как реакции власти на общественный (естественный) запрос [8]. Однако в современной России имеет место строительство социальных институтов и на позитивистских принципах понятия «закон» как функции власти. Такое соотношение не является особенностью России, механизмы строительства политических систем имеют разнообразный характер и в других странах, в том числе, с развитой демократией; решающее значение имеет баланс между упомянутыми способами их построения.

При естественно-правовом характере строительства политической системы государства особое внимание уделяется различным неформальным институтам - сложившимся общепринятым моделям, правилам поведения, этике, обычаям, привычкам, моральным ценностям как результатам совместного сосуществования людей. Такие неформальные правила помогают людям понимать ожидания друг друга.

Под формальными же нормами (институтами) понимаются правила регулирования жизни социума, созданные специально уполномоченными на это государственными чиновниками, соответствующими законодательными органами и поддерживаемыми правоохранительной и судебной системой. Такой путь политического строительства общественной системы относят к позитивистскому [7].

С точки зрения институционального строительства, приоритетным является неформальный путь, так как он сильнее формального, потому

#### Литература:

1. Андреев С.С. Политическая система и политическая организация общества / С.С. Андреев // Социальные науки. 1992. № 2. С. 23-34.
2. Политические системы: адаптация, динамика, устойчивость. Новосибирск, 2006. 236 с.
3. Белов Г.А. Функции политической системы / Г.А. Белов // Кентавр. 1995. № 3. С. 150-160.
4. Качанов Ю.Л. Политическая топология: структурирование политической действительности. М., 1996. 223 с.
5. Малинова О.Ю. Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России / О.Ю. Малинова // Полис. 2007. № 1. С. 6-22.

что неформальные правила создаются и меняются медленно, естественным, эволюционным путем вслед за изменениями, происходящими в социальной жизни. Создание же формальных норм может идти скачкообразно, например, в результате революционного изменения общественного строя, политического режима, изменения конституции страны [8].

Политические изменения в отдельных сферах могут привести к рождению новых политических институтов, изменение политической системы ведет к перестройке институциональной структуры.

Политическая система обладает неким дуализмом свойств: она органически меняется как всякий социальный организм, но одновременно нуждается в стабильности, балансе между формальными и неформальными институтами регуляции существования. Такая текучесть свойств одновременно и затрудняет изучение политических систем, и одновременно открывает возможности для открытия политических институтов, которые изучаются современными науками или фрагментарно, или вообще остаются вне поля научных исследований [4].

В завершение нашего исследования мы пришли к следующим выводам.

Основное внимание в процессах развития политической системы России должно быть сосредоточено на ее институциональных изменениях. Институты политической системы современной России находятся в сложном, порой противоречивом взаимодействии, отражая процесс транзита демократии в страну, зачастую, формальный, а также отсутствие во многих сферах эффективного механизма реализации правовых норм.

Определяющей тенденцией трансформации российской политической системы является изменение роли государства в жизни социума. Для изменения его роли должен поменяться сам институт государства, что невозможно без политической воли властвующей элиты.

#### Literature:

1. Andreyev S.S. Political system and political organization of society / S.S. Andreyev // Social Sciences. 1992. № 2. P. 23-34.
2. Political systems: adaptation, dynamics, sustainability. Novosibirsk, 2006. 236 p.
3. Belov G.A. Political System Functions / G.A. Belov // Centaur. 1995. № 3. P. 150-160.
4. Kachanov Yu.L. Political topology: structuring political reality. M., 1996. 223 p.
5. Malinova O.Yu. Ideological pluralism and the transformation of the public sphere in post-Soviet Russia / O.Yu. Malinova // Polis. 2007. № 1. P. 6-22.



6. *Медведев И.Г.* Политическая стабильность как фактор национальной безопасности России: дис канд. полит. наук. Кемерово, 2003. 191 с.

7. *Панарин А.С.* Политология : учебник. М., 2004. 429 с.

8. *Чиркин В.Е.* Глобальные модели политических систем современного общества: индикаторы эффективности / В.Е. Чиркин // Государство и право. 1992. № 5. С. 82-90.

6. *Medvedev I.G.* Political stability as a factor of Russia's national security : dis ..... candidate of political sciences. Kemerovo, 2003. 191 p.

7. *Panarin A.S.* Political Science : textbook. M., 2004. 429 p.

8. *Chirkin V.E.* Global models of the political systems of modern society: indicators of efficiency / V.E. Chirkin // State of power and law 1992. № 5. P. 82-90.

Ерошенко Татьяна Игоревна  
 доктор философских наук,  
 доцент,  
 профессор кафедры  
 философии и мировых религий,  
 Донской государственной  
 технической университет  
 popov-52@mail.ru

**Tatiana I. Eroshenko**  
 Doctor of Philosophy,  
 Associate Professor,  
 Professor of the Department  
 Philosophy and World Religions,  
 Don State Technical University  
 popov-52@mail.ru

## ДИАЛЕКТИКА ИДЕОЛОГИЙ

## DIALECTIC OF IDEOLOGIES

Аннотация. В данной статье автором предпринимается анализ реальных и вероятностных моделей идеологических процессов в социально-антропологическом пространстве. Идеологии, по его мнению, не только противостоят, но и, при определённых условиях, взаимодействуют друг с другом, обнаруживая даже синергию идеологических систем или отдельных идеологов. В качестве теоретической основы возможности синергии идеологий предлагаются положения синергетической концепции «встреча темпомиров», указываются исторические примеры такой синергии.

Annotation. This article is an analysis of real and probabilistic models of ideological processes in the socio-anthropological space. Ideology not only opposed, but also, under certain conditions, interact with each other, detecting even the synergy of ideological systems or individual ideology. As the theoretical basis of a possible synergy of ideologies propose provisions synergetic concept «meeting campomoro», identifies historical examples of this synergy.

Ключевые слова: социум, сознание, духовная культура, духовная жизнь, идеология, метаидеология, мегаидеология, взаимодействие идеологий, синергия идеологий, гуманизм, реальный гуманизм.

Keywords: society, consciousness, spiritual culture, spiritual life, ideology, metaideology, megaidarova, the interaction of ideologies, synergy of ideologies, humanity, real humanism.

Одна из жизненно важных задач, стоящих перед российским обществом - объединение различных социальных, этнических и классовых групп и слоёв в единую политическую нацию. Во всяком случае, эта задача провозглашается усиленно частью политической элиты. Но у современной России нет идеологии, которая принималась, хотя бы, большинством, существующих в ней социальных классов, групп и слоёв.

века, мы определим как мегаидеологию (идеология реального гуманизма). Мы и ставим своей целью проанализировать возможность использования идеологий не только в социально-классовом противостоянии, но и в социально-классовом сотрудничестве - социальной синергии. Наше исследование опирается на принципы синергетики, которая рассматривается нами в качестве одной из форм современной диалектики [2]. *Синергия идеологий - вероятное направление поисков научных основ формирования общенациональной (государственной), а также - общечеловеческой идеологии или мегаидеологии.*

Идеология - сложный социально-антропологический феномен, пристальное внимание к которому обращено в истории европейской мысли с конца XVIII в. (Дестют де Траси). Важный вклад в исследование сущности этого феномена внесли К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ленин. Они увидели в этом феномене важнейшую форму выражения социально-классовых интересов, хотя и с иллюзорным, компонентом, форму взаимодействия и противостояния, борьбы в обществе. И в настоящее время вокруг этого феномена не утихают философские, научные и политические страсти. Идеологии, которые преодолевают государственные и национальные (этнические) и социально-классовые границы и несмотря на те или иные региональные различия, сохраняют какие-то важные общие черты, мы будем определять как метаидеологии [1]. Гипотетическую метаидеологию, которая должна будет отвечать интересам всего человечества и каждого чело-

Идеология - одно из проявлений ещё более сложного социально-антропологического феномена, каковым является сознание (общественное и индивидуальное). В самом широком смысле, эти два феномена (сознание и идеология) взаимно переходят друг в друга и, в некоторых аспектах, могут презентовать как тождественные. Примеры «размывания» понятий в социальной практике подтверждают эту диалектику: «корпоративное сознание», но в то же время - «корпоративная идеология», «философия фирмы» и т.п. [3]. Все субъекты (социумы) социально-антропологического пространства обладают социальным сознанием, предоставляющим в их распоряжение социальную идеологию. Идеологическое взаимодействие - одно из проявлений

информационных взаимодействий социумов, важнейшее свидетельство жизни социума. К субъектам социально-антропологического пространства мы относим: социальные группы, слои, организации (институты, в том числе государство), личности. Модель социально-антропологического пространства, из которой мы исходим, представляет собой множество социумов, взаимодействующих в пространстве и во времени, обладающих и «руководимых» своими частными интересами в диапазоне от групповых до личных (личностных).

К личностной (персональной) идеологии социума как личности можно относиться уже как феномену психологии, что не лишает его ни социального, ни социально-психологического аспектов. Обеднение духовной жизни ведёт к сокращению духовных потребностей личности - социума, снижению её субъектности, аннигиляции как автономной личности [4]. Социум с бедной (примитивной) духовной жизнью становится более лёгкой добычей для агрессии: как информационной (идеологической), так и силовой (военной).

Итак, *идеология – совокупность признаваемых социумами в соответствии с их социально-антропологическими интересами идей как ценностей – целей и программ (путей) их достижения.* Это определение можно представить в качестве предварительного, метафизического. В реальности же, идеология не является, и не может быть, некоторым застывшим, хотя бы и на мгновение, множеством ценностных ориентиров.

Жизнь социума – это непрерывный процесс: идеологизации (зарождение и распространение новой системы ценностных ориентиров), деидеологизации (отказ от прежних ценностных ориентиров) и реидеологизации (восстановление некоторых прежних ценностных ориентиров) социума. В глубинах этого же процесса происходят и процессы нравственно-морального возвышения, и/или деградации социума и личности. Сознание и идеология как процессы – это своеобразное отражение реальных материальных процессов, переживаемых социумом. Они сопровождают все изменения (движения) социума, демонстрируя одновременно функционирование идеологии: её включение в процессы социального программирования творения, консервирования или саморазрушения той или иной социальной реальности, того или иного социума. В структуре духовных ценностей или в идеологии социума выявляются «нравственно-моральные», и «собственно идеологические», т.е., социальные, политические, мировоззренческие ценности, связываемые доминирующей или доминирующими религиозными и/или светскими идеологиями.

Система (матрица) ценностей может объективироваться в самых разнообразных формах: от устных преданий до использования новейших технологий передачи и хранения информации. Материальные продукты человеческой деятельности во всех формах также выступают объективацией матрицы ценностей социума. Духовные ценности социума, идеологии или отдельные их

компоненты предстают часто в виде его (социума) презентаций:

– в виде программ, проектов религиозных и светских учений, (например, «Новый Завет», «Коран» «Манифест Коммунистической партии», «Моя борьба», «Конституция РФ» (1993);

– в виде запоминающихся идеологем: «Никто кроме нас», «Один за всех и все за одного», «Не навреди», «С нами Бог» и т.д.

В социально-гуманитарной литературе представлены разнообразные классификации идеологий по разным основаниям:

– по формам общественного сознания (религия, философия, наука, мораль, политика, право);

– по типам социумов как носителей идеологии (группы, индивиды, этносы, классы, организации - институты),

– по теоретическим обоснованиям (религиозным, философским, научным).

Эти классификации выполняют в той или иной степени роль инструментов вскрывающих понимание связи между целями социума и отражением средств их достижения в его (социума) идеологии. А вообще, типов идеологий столько же - сколько и социумов.

Борьба интересов может протекать в силовой и в несиловой формах. К силовым формам относят: применение вооружённой силы или угрозы применения военной силы. К несиловым - экономическую борьбу (торговые войны), собственно дипломатическую борьбу, приёмы которой принято определять ещё как политические средства решения проблем и информационную или идеологическую борьбу, в рамках которой присутствует также война психологическая. В реальности же, все эти формы борьбы и противостояния переплетаются, а часто используются в той или иной пропорции одновременно. Все вышеназванные формы социального противостояния широко используются в современных международных отношениях. Здесь основными видами социумов выступают государства и производные от них международные организации. Конечно, и на международной арене активно проявляют себя социумы-личности, но они здесь, в основном, выступают в роли агентов государств и/или организаций. В противостоянии же социумов внутри государства взаимодействуют в качестве субъектов и социумы-группы, и социумы-личности. Внутри пространства государства, конечно, тоже действуют социумы-личности как агенты тех или иных или иных организаций, но для большинства индивидов (социумов-личностей) именно организации становятся выразителями, защитниками и средствами реализации как коллективных (социумных) так и их личных (личностных) интересов.

Абсолютного совпадения между идеологией и интересами социумов в коллективной или личностной ипостаси никогда не бывает. Нарастающая неадекватность идеологии социуму может

вести к его деградации. Поэтому стремление к самосохранению вынуждает социум обновлять её. Идеологические причины распада Советского Союза заключаются в том, что его политическая элита (партнозномеклатура) изменила той идеологии (той системе идеологием) на которой он держался, а, следовательно, своим поведением и образом жизни уже в 1980-1990-е годы не могла и не хотела убедить народ сохранять верность коммунистическим идеалам. Вспомним, как Б.Н. Ельцин публично отрёкся от идеалов «коммунизма/социализма» во время своего пребывания в США: «Коммунистический идол, который сеял повсюду на земле социальную рознь, вражду и беспримерную жестокость, который наводил страх на человеческое сообщество, рухнул. Рухнул навсегда. И я здесь для того, чтобы заверить вас: на нашей земле мы не дадим ему воскреснуть...» [5].

Деградирующие социумы, а, следовательно, и их культура (гэвос) не исчезают бесследно: их структурные элементы, идеологемы, включаются в структуры новых социумов и идеологий. Всё множество социумов, и даже их структурных фрагментов можно уподобить элементам, подобным пазлам, из которых субъекты на каждом историческом повороте складывают новые варианты картинок и картин, совокупность потенциальных и актуальных метаидеологий. Из всего многообразия мировых метаидеологий выделим два варианта: англо-французский либерализм/консерватизм (идеология буржуазной демократии и буржуазного гуманизма) и немецкий первый (марксистский) проект реального гуманизма – идеология социализма/коммунизма (идеология классов и слоёв, ориентирующихся на установление общественного строя социального равенства и справедливости). Оба варианта являются продуктами социально-политических и идеологических, в том числе, и научно-теоретических процессов в Европе, а потом – и в Мире, и, в той или иной мере, репетируют модели социально-политических идеологических битв времён классических буржуазных революций, хотя ими и не ограничиваются.

Вслед за кризисом коммунистической метаидеологии в России и в ряде других стран обнаруживаются явно кризисные явления и в либерализме как метаидеологии, хотя конец истории коммунистической метаидеологии был объявлен как победа либерализма [6]. Обращение за помощью некоторых современных приверженцев либерализма в политической практике к фашизму и религиозному фундаментализму не придаёт ему (либерализму) силы, а, наоборот, дискредитирует его. И Россия, поддавшись соблазну либерализма, оказалась на пике духовных противоречий эпохи: оставив коммунистическую метаидеологию, она новой, адекватной её интересам идеологии, не обрела. Попытка политической элиты России играть по «либералистским» правилам успехом не увенчались. Духовный вакуум переживается большинством населения как национальная катастрофа.

В процессе перехода от нестабильного неустойчивого состояния социума к более стабильному

и устойчивому огромная роль принадлежит идеологии. В отличие от индивида или даже целых социальных слоёв, групп и классов идеи не умирают. В переломные периоды, периоды смут и революций, в социоантропологическом пространстве, в его идеологических системах можно наблюдать процессы, которые в терминах синергетики могут быть обозначены как «встреча темпомиров». Сверхсложные структуры формируются в результате встречи темпомиров, которая ведёт или может вести к их объединению [7], так как чужеродные идеологии, идеологии прошлого и настоящего, не просто сталкиваются, разрушаясь друг от друга, но и формируют новое качество. На месте непримиримых идеологий появляется их сплав – идеологии более высокого уровня.

Национальные и региональные варианты метаидеологий, как религиозных (буддизма, христианства, ислама,) так и социально-политических (либерализма/консерватизма, социализма/коммунизма), являются результатами процесса – «встреч темпомиров», в котором противостояние и искусственное давление дополняется естественной синергией. И гипотетически возможная мегаидеология как идеология мира также может быть результатом такого же рода сложнейшего процесса. Современный миропорядок находится в поиске такой идеологии. В.И. Ленин стремился до конца своих дней донести до сознания своих соратников и последователей мысль, которая в полной мере политическим руководством Советского Союза так и не была до конца усвоена: учение Маркса о коммунизме нельзя рассматривать как определившуюся конструкцию. Оно – итог развития человеческой культуры, социальной и духовной практики человечества и нуждается в постоянном и непрерывном совершенствовании и обновлении в соответствии с этим развитием и с этой практикой [8].

Коммунисты-практики были, в целом, успешны как революционеры, они эффективно использовали наиболее развитую часть марксистско-ленинского учения – учение о социальной революции. На их счету множество успешных реальных социальных национально-освободительных революций в XX веке. Однако создать устойчивое социально и экономически общество, в полной мере соответствующее критериям реального гуманизма, им не удалось. Основной положительный эффект «строительства» реального социализма выразился в создании государства (общества) с относительно высокой степенью социальной защиты трудящихся. Но и в развитых капиталистических странах вынуждены были в этом отношении не отставать. Парадокс: социальное противостояние «социалистических» и капиталистических стран привело к появлению их совместного детища – «социального государства». Но и адепты либерализма, и адепты социализма/коммунизма в социальной практике не смогли реализовать сколько-нибудь широко и масштабно главные социальные идеологемы христианского гуманизма – «не убий» и «не стя-

жай». Конец XX-го и начало XXI-го века иллюстрируют нам бесчисленное множество духовных кризисов национальных и региональных. Это означает, что духовный кризис глобален: он охватывает весь мегасоциум.

Но как возможна синергия противостоящих идеологий? В критические моменты Великой Отечественной войны политическое руководство Советского Союза не побрезговало пойти не только на военно-политическое, но, в известной степени, и на идеологическое сотрудничество с частью политической элиты либерально-консервативного Запада под знаменем идеологии «антифашизма» и на этой основе создало вместе с ней и антифашистскую коалицию, и ООН. Идеология ООН содержит в себе элементы идеологии будущего, идеологии Мира, идеологии реального гуманизма. Внутри страны в этот же период (Великой Отечественной войны) советское руководство впервые увидело в своих гражданах «братьев и сестёр» и фактически обратилась за духовной поддержкой к РПЦ.

Для преодоления духовного кризиса в современном российском социуме необходимо обеспечение атмосферы естественного сближения и усвоения в народном массовом сознании позитивных ценностей и позитивного опыта дореволюционной, советской и постсоветской России.

#### Литература:

1. *Эндрю Хейвуд*. Политология. URL : <https://burusi.wordpress.com/2013/01/21/liberalism/>
2. *Леонтий Бызов*. Путинская метаидеология и её социальные носители / Леонтий Бызов // Про-за.ру. URL : <http://www.proza.ru/2011/09/13/1097>; *Афанасьев М.Н.* Типология идеологий. Правая идея / М.Н. Афанасьев // Общественные науки и современность. 2011 № 4.
3. Современные представления о диалектике. URL : <http://psyera.ru/sovremennye-predstavleniya-o-dialektike-1315.htm>
4. *Голованов Б.Д.* Роль корпоративного сознания в трансформации идеологии. URL : <http://pandia.ru/text/78/265/3205.php>
5. Человеческая субъективность в свете современных вызовов когнитивной науки и информационно-когнитивных технологий. Материалы круглого стола Вопросы философии. 2016. № 10; *Алексеев А.П.* Информационная война в информационном обществе / А.П. Алексеев, И.Ю. Алексеева // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 5-14.
6. Выступление Президента РФ Б.Н. Ельцина на совместном заседании палат Конгресса США... URL : <http://yeltsin.ru/archive/audio/8995/>
7. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. URL : [http://lib.ru/POLITOLOG/FUKUYAMA/konec\\_istorii.txt](http://lib.ru/POLITOLOG/FUKUYAMA/konec_istorii.txt)

Всё равно, эти три исторические периода будут постоянно проступать в жизнедеятельности российского социума как родимые пятна. И рекомендация Президента РФ использовать столетние даты двух революций в России в 2017 году не для усиления разобщения и раздоров, а для примирения [9], и предложение «Хирурга» об обновлении герба [10] - свидетельство запроса на появлении в России такой идеологии, которая бы объединяла её настоящее, прошлое и будущее. Коммунистическая идеология не смогла устоять в Советском Союзе не потому, что она утопична (она утопична не более, чем все другие идеологии), а потому, что не достигла степени зрелости «идеологии реального гуманизма» [11]. Именно поэтому коммунистические режимы и потерпели поражение во многих странах. А там, где они сохраняются, они, как и в Советском Союзе не являлись, и пока, по-видимому, не являются, в полной мере, коммунистическими (реально гуманистическими). И коммунисты, и либералы, и консерваторы – все, сохраняя верность тем граням идеала гуманизма, который изначально был заимствован ими от христианского гуманизма в момент зарождения их фундаментальных идеологий, продолжая критиковать друг друга, могут действовать и сообща, т.е., синергично, противодействуя, например, члoвеконенавистническим идеологиям «терроризма».

#### Literature:

1. *Andrew Haywood*. Political science. URL : <https://burusi.wordpress.com/2013/01/21/liberalism/>
2. *Leonty Byzov*. Putin's meta-ideology and its social carriers. / Leonty Byzov // Prose.Ru. URL : <http://www.proza.ru/2011/09/13/1097>; *Afanasyev M.N.* Typology of ideologies. The Right Idea / M.N. Afanasyev // Public Sciences and Modernity. 2011. № 4.
3. Modern ideas about dialectics. URL : <http://psyera.ru/sovremennye-predstavleniya-o-dialektike-1315.htm>
4. *Golovanov B.D.* The role of corporate consciousness in the transformation of ideology. URL : <http://pandia.ru/text/78/265/3205.php>
5. Human subjectivity in the light of modern challenges of cognitive science and information-cognitive technologies. Materials of the round table. Questions of philosophy. 2016. № 10; *Alekseev A.P.* Information war in the information society / A.P. Alekseev, I.Yu. Alekseeva // Problems of Philosophy. 2016. № 11. P. 5-14.
6. Speech by the President of the Russian Federation B.N. Yeltsin at a joint meeting of the chambers of the US Congress ... URL : <http://yeltsin.ru/archive/audio/8995/>
7. *Fukuyama F.* End of history and the last person. URL : [http://lib.ru/POLITOLOG/FUKUYAMA/konec\\_istorii.txt](http://lib.ru/POLITOLOG/FUKUYAMA/konec_istorii.txt)

8. *Князева Е.* Основания синергетики. Режимы с обострением, саморганизация, темпомиры / Е. Князева С. Курдюмов. СПб., 2002. С. 104-106

9. *Ленин В.И.* Задачи союзов молодёжи / В.И. Ленин // ПСС. Т. 41. С. 305.

10. *Путин В.В.* Послание Президента Федеральному Собранию. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379>

11. В Кремле прокомментировали предложения Хирурга. URL : <https://ria.ru/society/20161129/1482401396.html>

12. *Водолазов Г.Г.* Реальный гуманизм – идеология будущего? URL : <http://mgimo.ru/about/news/experts/238760/>; *Красин Ю.А.* Идеологический плюрализм и метаидеология нового гуманизма / Ю.А. Красин // Вестник Института социологии. 2015. № 12. С. 34-59; Метаидеология. URL : <http://zttt.livejournal.com/52701.html>

8. *Knyazeva E.* Foundations of synergetics. Regimes with aggravation, self-organization, tempomir / E. Knyazeva, S. Kurdyumov. SPb., 2002. P. 104-106

9. *Lenin V.I.* The tasks of youth unions / V.I. Lenin // PSS. Vol. 41. P. 305.

10. *Putin V.V.* Message from the President to the Federal Assembly. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379>

11. The Kremlin commented on the proposal of the Surgeon. URL : <https://ria.ru/society/20161129/1482401396.html>

12. *Vodolazov G.G.* Real humanism – the ideology of the future? URL : <http://mgimo.ru/about/news/experts/238760/>; *Krasin Yu.A.* Ideological pluralism and meta-ideology of new humanism // Bulletin of the Institute of Sociology. 2015. № 12. P. 34-59; Metaideology. URL : <http://zttt.livejournal.com/52701.html>

**Исаков Артур Леонидович**  
кандидат философских наук,  
доцент кафедры  
региональной социологии  
и моделирования социальных процессов,  
Институт социологии и регионоведения,  
Южный федеральный университет  
popov-52@mail.ru

**Роговенко Михаил Александрович**  
магистр по направлению  
«Конфликтология»,  
Южный федеральный университет  
popov-52@mail.ru

## ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

■ ■ ■  
Аннотация. Категория «гражданская активность» рассматривается учеными из различных областей социально-экономического и общественного знания: социологии, психологии, политологии, права, юриспруденции, однако, общепринятого определения гражданской активности так и не разработано. Она характеризуется авторами как достаточно сложное социальное явление, представляющая собой совокупность взглядов и убеждений, а также – морально-этических норм, которые свойственны индивиду в аспекте отношения к общественной жизнедеятельности и осуществления действий и поступков в этом направлении.

Ключевые слова: гражданская активность, гражданственность, гражданская позиция, социальная реальность, гражданское общество, социальное самоуправление.

■ ■ ■  
Гражданская активность как научная социально-политическая категория в своем становлении и развитии прошла достаточный длительный путь в своем становлении. Так, ее истоки находятся в социально-философских воззрениях мыслителей Древнего Востока и античности (Конфуция, Сократа, Платона, Аристотеля, Цицерона и др.). Эти воззрения положили начало социально-политическому, а в дальнейшем, и теоретико-методологическому осмыслению понятия гражданской активности личности и общества, они представили широкий спектр ее трактовок с различных теоретико-методологических оснований.

На сегодняшний день категория «гражданская активность» рассматривается учеными из различных областей социально-экономического и общественного знания: социологии, психологии, политологии, правоведа, юриспруденции, однако общепринятого определения граждан-

**Artur L. Isakov**  
Candidate of Philosophical Sciences,  
Associate Professor of the Department  
Regional Sociology  
and Modeling Social Processes,  
Institute of Sociology and Regional Studies,  
Southern Federal University  
popov-52@mail.ru

**Mikhail A. Rogovenko**  
Master in Direction  
«Conflictology»,  
Southern Federal University  
popov-52@mail.ru

## CIVIC ACTIVISM AS A SOCIO-POLITICAL CATEGORY

■ ■ ■  
Annotation. The category of «civil activity» is considered by scientists from various fields of socio-economic and public knowledge: sociology, psychology, political science, law, jurisprudence, but the generally accepted definition of civic activity has not been developed. It is characterized by the authors as a rather complex social phenomenon, representing a set of views and beliefs, as well as – moral and ethical norms, which are characteristic of the individual in terms of attitude to social life and actions and actions in this direction.

Keywords: civic activism, citizenship, civil position, social reality, civil society, social self-government.

■ ■ ■  
ской активности так и не разработано. При этом стоит заметить, что большинство определений данного понятия имеют общее направление, представляющее собой гражданскую позицию и гражданственность.

Гражданская позиция - это достаточно сложное социальное явление, представляющее собой совокупность взглядов и убеждений, а также морально-этических норм, которые свойственны индивиду в аспекте отношения к общественной жизнедеятельности и осуществления действий и поступков в этом направлении. Проявить свою гражданскую позицию, значит - ответственно выполнить свой долг перед обществом [1].

Понятие «гражданственность» включает в себя:

- понимание своих прав и свобод наряду с умением применять их на практике;

– действенное и критическое отношение к социальной реальности на базе личного выбора, основанного на морально-нравственных убеждениях и идеалах равноправия;

– способность вести конструктивный диалог с властными структурами и гражданскими объединениями; наконец, осознание своей гражданской идентичности - принадлежности в стране, обществу и государству, а также, их правовому, социокультурному и языковому пространству [2].

В целом, гражданская позиция и гражданственность - это составляющие элементы гражданской активности.

По нашему мнению, проблематика гражданской активности детерминирована социально-политическими и правовыми реформами, проводимыми в РФ в XXI веке, которые предполагают всеобъемлющую правовую информированность общества, открытость власти и прозрачность механизмов деятельности государства.

Гражданская активность – это такая форма активности социума, которая ориентирована на реализацию интересов и потребностей общества, присуща отдельному субъекту, а также – различным общественным гражданским объединениям. Она зависит от социально-политических, социокультурных, духовно-нравственных ценностей как отдельно взятого человека, так и общества, в целом [3]. Причем, как подчеркивает М.С. Круглов, сегодня акцент делается на обособлении двух составляющих векторов (разновидностей) гражданской активности - группового и индивидуального взаимодействия с органами власти для защиты личных, групповых или социально-значимых прав и интересов [4].

Следовательно, гражданская активность – это форма активности общества, которая направлена на реализацию социальных интересов, присуща индивиду, а также – различным общественным объединениям граждан. Она зависит от политических, духовных, культурных ценностей общества и человека в частности.

Как сказано в Новейшем политологическом словаре, гражданская активность является свойством гражданского общества и определяется как добровольная деятельность индивидов и социальных групп, направленная на изменение и развитие гражданского общества [5, с. 74].

Таким образом, теоретико-методологический (деятельностный) подход к определению гражданской активности указывает на тот факт, что она является неотъемлемым свойством гражданского общества и поэтому рассматривается в неразрывной связи с ним.

В этой связи, остановим свое внимание на понятии «гражданское общество».

В настоящее время существуют два толкования гражданского общества. Согласно первой интерпретации, гражданское общество «отождествляется с государством особого типа, в котором юридически обеспечены и политически защище-

ны основные права и свободы личности, в силу чего, оно может считаться «цивилизованным, т.е., гражданским обществом» [6, с. 113].

Другая принципиальная интерпретация, укладываемая в рамки нашего исследования, связана с представлением о гражданском обществе как об определенной сфере социума – сфере внегосударственных отношений, структур и институтов. Причем, понятие «гражданское общество» играет особую роль в обществах, находящихся в состоянии трансформации. Т.е., в гражданском обществе происходят трансформационные изменения социально-экономического и политического характера, способствующие всплеску гражданской активности [8, с. 16]. Соответственно, институциональное пространство гражданского общества включает не только «социальные движения», но и непарламентские, гражданские структуры.

Реализация гражданской активности в рамках гражданского общества осуществляет ряд социально значимых функций [7]:

– во-первых, функцию обеспечения защиты личной сферы жизни граждан от необоснованной жесткой регламентации со стороны государства на основе закона;

– во-вторых, функцию создания и развития механизмов социального самоуправления на базе различных некоммерческих общественных объединений (НКО);

– в-третьих, гражданское общество посредством гражданской активности создает систему определенных санкций, с помощью которых оно способствует обеспечению соблюдения общепринятых социальных норм и правил, создающих условия для социализации граждан;

- в-четвертых, активное гражданское общество информирует государство о конкретных интересах граждан посредством специально созданных каналов коммуникации (в т.ч. и сетевой);

– в-пятых, учреждает новые институты, структуры и формы гражданской активности, на которых держится вся общественная жизнедеятельность и которые способствуют сохранению стабильности и устойчивости даже в переломные общественно-исторические периоды [7].

Можно солидаризироваться с определением гражданского общества, данного с точки зрения институционализационного подхода, которое дают И.Ф. Албегова и Г.Л. Шаматонova. Так, под институционализацией российского гражданского общества авторы понимают социальные процессы становления, развития и активного функционирования различных социально-политических институтов. «В условиях современной России они представлены многочисленными составляющими - от прав человека, норм и ценностей демократии до разнообразных организаций и объединений. К ним относятся многочисленные партии и союзы, общественно-политические объединения и организации, разнообразные права и свободы человека, ценно-



сти и нормы демократии, элементы правового государства» [8, с. 6].

Бесспорно, что основой гражданского общества является цивилизованный, самодеятельный полноправный индивид, который может проявлять свою гражданскую активность в случае необходимости отстаивания прав и свобод своей социальной жизнедеятельности. Поэтому ему необходимо знать собственные гражданские права и свободы, а также, механизмы их защиты в различных видах деятельности (экономической, политической, социальной, образовательной, духовной и др.).

Как подчеркивает И.В. Попова, можно выделить два подхода к пониманию гражданского общества: теоретико-аналитическое и нормативное [9, с. 115].

В первом подходе оно используется как теоретическая категория для рассмотрения и истолкования социальной реальности, т.е., как специфическая совокупность социальных связей, институтов и ценностей, главными субъектами которых являются гражданин со своими гражданскими правами и гражданские организации: объединения, общественные движения, гражданские институты.

Во втором подходе понятие «гражданское общество» имеет статус нормативной концепции, которая способствует мобилизации граждан на развитие различных форм гражданской активности (речь о которых пойдет в следующем параграфе данной главы). Этот подход имеет особую значимость в обществах, находящихся в стадиях трансформационных изменений.

В рамках институционального подхода гражданская активность рассматривается различными социально-политическими институтами: государством, экономикой, религией, семьей и прочими общественными институтами. Как полагает С.В. Патрушев, гражданское общество отделено от негражданских сфер - экономики, государства, религии, семьи и науки, не говоря уже об общностях, конструируемых на расовых, языковых, территориальных и национально-этнических основаниях [10].

Действительно, гражданская активность касается всех сфер и институтов жизни общества. Так, например, в политическом пространстве гражданская активность выражается в деятельности общественных и политических объединений, в участии гражданина в государственно-управленческих вопросах; в социальной сфере это связано с охраной природы, поддержкой пожилых людей, права материнства и др.

Наличие гражданского общества как институционального и нормативно-ценностного элемента социального пространства способствует появлению гражданской активности. Однако стоит заметить, что этот процесс – равновзвешенный в обоих направлениях: гражданская активность, появившаяся и развивающаяся в социально-

политическом пространстве, также способствует появлению гражданского общества.

Гражданская активность, помимо непосредственного формирования и развития гражданского общества, способствует развитию разнообразных сфер жизнедеятельности всякого гражданина, а также институционализации соответствующих порядков [11]. Это особенно заметно в случаях недостаточной развитости и сильной дифференциации общественных пространств, когда проявляется трудности различения гражданского и политического видов деятельности, независимо от степени вовлечения индивидов в ту или иную активность.

В зависимости от масштабов, гражданская активность проявляет себя как в рамках отдельной производственной административной единицы, так и в пределах региона, на общенациональном уровне. Она оказывает воздействие на развитие политических отношений в обществе, может способствовать их сохранению и укреплению либо воздействовать на изменение сложившегося статус-кво в отношениях между субъектами политики. Гражданская активность неразрывно связана с гражданским долгом или гражданской позицией, о которой шла речь ранее. Это означает, что любому гражданину предписано честно выполнять свои гражданские обязанности, испытывать чувство нравственной ответственности и долга за свою деятельность перед социальным окружением и обществом, осознавать и понимать последствиях неправомерного поведения [3].

Гражданская активность выступает, с одной стороны, как особая форма социально-политической активности общества, институционально заложенная в основе норм социальных взаимодействий человека и государства, а, с другой – как форма публичной деятельности гражданина, связанная с его универсальными правами и свободами. Явно очевидна зависимость гражданской активности от социально-политических, духовно-нравственных, социокультурных ценностей общества в целом, и человека, в частности.

В научном социально-политическом дискурсе принято выделять следующие виды гражданской активности в соответствии с многоуровневыми и разновекторными критериями участия:

– гражданское участие, представляющее собой вид адаптивной публичной активности, связанный с реализацией универсальных прав и свобод, а также – соответствующих компетенций. Этот вид гражданской активности обеспечивает воспроизводство конституирующих ценностей и норм гражданского общества, сложившихся институциональных практик, а также – гражданской идентичности;

– индивидуальное участие – индивидуальная активность отдельных граждан, использующих свои гражданские права и свободы с целью решения собственных личностно-индивидуальных проблем;

– коллективное участие - коллективная деятельность группы граждан, или гражданских некоммерческих объединений, также применяющих универсальные права и свободы для решения проблем этих отдельных общностей граждан;

– общественное участие - деятельность отдельных граждан или гражданских объединений, использующих универсальные права и свободы для решения проблем, значимых для большинства граждан;

– глобальное участие - деятельность отдельных граждан или гражданских объединений, использующих международный порядок прав человека и глобальные нормы [12].

Важно понимать, что в ситуации, когда гражданское участие начинает приобретать политический характер, оно перестает быть таковым и становится политическим участием. Необходимо отразить эту грань перехода, ибо, выходя за рамки узко-личностных интересов участников, гражданская активность неизбежно политизируется. Главным отличием гражданской активности от политической состоит в том, что она не ориентирована на борьбу за власть, и субъекты гражданской активности не вступают в соперничество политическими акторами за популярность электората. Гражданская активность является важнейшим элементом политики, элементом отношения власти и общества, «власти управляющих и управляемых» [13, с. 92].

Политическое участие, в основе своей, направлено на борьбу за власть, а его субъекты конкурируют с политическими акторами за электоральную популярность. Но при всем при этом, гражданская активность является важным элементом политики, элементом взаимоотношения общества и власти. Зачастую, гражданская активность становится фундаментом политической, начальной фазы, из которой вырастают самостоятельные субъекты политической деятельности [14].

В.А. Грибанова выделяет три уровня гражданской активности, учитывая при этом компоненты термина «гражданская активность». Среди критериев ею обозначаются следующие три группы:

– в первую входят уважение к окружающим, чувство долга, достоинства, принадлежности к своей стране;

– во вторую - патриотическая преданность, самостоятельность, ориентация на гражданско-нравственные ценности, желание гражданина участвовать в жизни и управлении страной, осознание и оценка личностью своих гражданских прав и обязанностей, установка на активную социально-значимую деятельность;

– третью группу составляют ценностные ориентации, интерес, отношение к окружающим, готовность и способность влиять на общественные события [15, с. 74].

Интересным нам представляется уровневый подход к гражданской активности зарубежного

ученого М. Олсона, выделившего четыре уровня гражданской активности, в основании которого лежит географический принцип (по территории охвата) [16]. В частности, это – локальный, городской, региональный и федеральный уровни. Дадим им краткую характеристику.

Итак, для первого уровня гражданской активности – локального, характерно: отсутствие всяких политических лозунгов, ограниченность узкими личностными интересами граждан, ограниченными территориально-пространственными (личными) рамками, к примеру, вырубка деревьев в сквере, дворовая застройка, несанкционированная автостоянка во дворе дома, ущемление прав жильцов домов и пр. неполитизированные проблемы, которые спонтанно организованы узким кругом активных людей.

Второй уровень гражданской активности – городской, который затрагивает уже общественно-значимые проблемы и выходит за рамки личностных индивидуально-интересов. Эти проблемы могут касаться, к примеру, вопросов сохранения исторической архитектурной памяти, экологических, зоологических или градостроительных проблем. То есть, гражданская активность направлена на вопросы защиты и поддержки [17, с. 133].

Третий уровень гражданской активности – региональный отличается общественно-политической подоплекой, его направленность также характеризуется общественной значимостью, к примеру, отставка руководящего лица (на региональном уровне) от занимаемой должности, предотвращение экологического урона региональному сообществу. Т.е., спецификой этого уровня является отсутствие коммерческого интереса и личной выгоды во имя общественного блага. В этот уровень гражданской активности вовлекаются большое количество людей с активной радикальной позицией и серьезные ресурсы.

Что касается четвертого, федерального уровня гражданской активности, то его отличает многотысячные акции протеста с выдвижением политических лозунгов и радикальных политических требований. На этом уровне возможно формирование политических партий, выдвижение своих лидеров в качестве кандидатов на выборах и т.д. [16].

Как резюмирует М.С. Круглов, гражданская активность отдельных личностей и социальных групп в современном социальном пространстве становится «важнейшим ресурсом преобразований, способом преодоления патерналистских отношений в обществе» [4, с. 236].

В научной литературе принято (хотя и несколько условно) выделять две категории гражданской активности (гражданских инициатив): профессиональные и непрофессиональные активисты [18].

Профессиональные активисты мотивированы общественно-политической карьерой, материально обеспечены для занятий общественной

деятельностью и способны формулировать и распространять новые институциональные правила. Непрофессиональная группа гражданской активности обращена на решение реальных социальных проблем. В этом состоит отличие: профессиональные активисты обычно используют общественную деятельность для реализации своих социально-политических или профессиональных амбиций, отнюдь не для решения общественных проблем, декларируемых в качестве основных целей своей деятельности [18].

Механизмы осуществления гражданской активности, как отмечает А.П. Носков, многообразны [19]. Одним из инновационных механизмов яв-

ляется сетевая среда Интернет, оперативность информационного потока расширяет границы действий инициативных граждан, которые одобряют предприимчивость, однако не разделяют координационные издержки.

Таким образом, подводя итоги вышесказанному, можно умозаключить, что гражданская активность выступает, с одной стороны, как особая форма социально-политической активности общества, институционально заложенная в основе норм социальных взаимодействий человека и государства; с другой же - как форма публичной деятельности гражданина, связанная с его универсальными правами и свободами.

#### Литература:

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; Под ред. д-ра филолог. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. 10-е изд., стереотип. М., 1975. 846 с.
2. Никифоров Ю.Н. О понятии «гражданственность» / Ю.Н. Никифоров, А.Н. Скалина // Вестник Башкирского университета. 2007. Т. 12. № 4. С. 188-191.
3. Волкова Н.В. Гражданская активность как зеркало политических, духовных и культурных ценностей общества / Н.В. Волкова, Л.А. Гусева. URL : <http://www.science-education.ru/11-10681>
4. Круглов М.С. Современные формы гражданской активности в политическом процессе Российской Федерации / М.С. Круглов // Теория и практика общественного развития. 2014. № 3. С. 233-236.
5. Новейший политологический словарь / Авт.-сост. Д.Е. Погорель, В.Ю. Фесенко, К.В. Филиппов. Ростов-н/Д., 2010.
6. Гафиатулина Н.Х. Моделирование социально-политических процессов в условиях неопределенности : учеб. пособие в двух частях для студентов-магистров. Ростов-н/Д. : ЮФУ, 2013. Ч. I.
7. Становление гражданского общества и социальная стратификация / В.В. Голенкова, Ю.В. Витюк, А.И. Гридчин, Л.М. Черных, З.Т. Романенко // Социологические исследования. 1995. №6.
8. Албегова И.Ф. Форсайт гражданского общества в современной России: теория и практика применения / И.Ф. Албегова, Г.Л. Шаматонова // Вестник социально-политических наук: Сборник научных трудов. Вып. 9. Ярославль, 2009.
9. Попова И.В. Проблемы институционализации гражданского общества / И.В. Попова; Отв. ред. д-р соц. наук, профессор И.Ф. Албегова // Вестник социально-политических наук: Сборник научных статей. Вып. 12. Ярославль, 2013.
10. Патрушев С.В. Гражданская активность: институциональный подход. Перспективы исследования / С.В. Патрушев // Полис. Политические исследования. 2009. № 6.

#### Literature:

1. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language / S.I. Ozhegov Edited by Doctor of Philology, professor N.Yu. Shvedova. 10th ed., stereotype. M., 1975. 846 p.
2. Nikiforov Yu.N. On the concept of «citizenship» / Yu.N. Nikiforov, A.N. Skalina // Bulletin of the Bashkir University. 2007. Vol. 12. № 4. P. 188-191.
3. Volkova N.V. Civil activity as a mirror of political, spiritual and cultural values of society / N.V. Volkova, L.A. Guseva. URL : <http://www.science-education.ru/11-10681>.
4. Kruglov M.S. Modern forms of civil activity in the political process of the Russian Federation / M.S. Kruglov // Theory and practice of social development. 2014. № 3. P. 233-236.
5. The newest political science dictionary / Author authors D.E. Pogorely, V.Yu. Fesenko, K.V. Filipov. Rostov-on/D., 2010.
6. Gafiatulina N.Kh. Modeling of socio-political processes in conditions of uncertainty : textbook in two parts for Master's students. Rostov-on/D. : SFU, 2013. Part I.
7. Formation of civil society and social stratification / V.V. Golenkova, Yu.V. Vityuk, A.I. Gridchin, L.M. Chernykh, Romanenko Z.T. // Sociological research. 1995. № 6.
8. Albegova I.F. Foresight of civil society in modern Russia: theory and practice of application / I.F. Albegova, G.L. Shamatonova // Vestnik sotsialno-politicheskikh nauk: Collection of scientific works. Vol. 9. Yaroslavl, 2009.
9. Popova I.V. Problems of institutionalization of civil society / I.V. Popova; Ed. doctor of social sciences, Professor I.F. Albegova // Vestnik sotsialno-politicheskikh nauk: Collection of scientific articles. Iss. 12. Yaroslavl, 2013.
10. Patrushev S.V. Civil activity: an institutional approach. Prospects for research / S.V. Patrushev // Polis. Political studies. 2009. № 6.

11. *Alexander J.C.* The Civil Sphere. N.Y. : Oxford University Press, 2006.
12. *Бек У.* Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма: Новая всемирно-историческая экономика. М. : Территория будущего, 2007.
13. *Дегтярев А.А.* Основы политической теории. М., 1998. С. 92.
14. *Римский Л.В.* Политическая и общественная активность российских граждан / Л.В. Римский // Общественные науки и современность. 2007. № 5.
15. *Грибанова В.А.* Формирование гражданской активности студенческой молодежи в воспитательной работе вуза : дис. ... канд. педагогич. наук. Таганрог, 2015. С. 74.
16. *Olson M.* The Logic of Collective Action: Public Goods and the theory of groups / M. Olson // New Have. 1982.
17. *Голосов Г.В.* Сравнительная политология. М., 2001.
18. *Римский Л.В.* Политическая и общественная активность российских граждан / Л.В. Римский // Общественные науки и современность. 2007. № 5. С. 60-68.
19. *Носков А.П.* К вопросу изучения проблемы гражданской активности в России / А.П. Носков // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 3/1. С. 117-121.
11. *Alexander J.S.* The Civil Sphere. N.Y. : Oxford University Press, 2006.
12. *Beck W.* Power and its opponents in the era of globalism: New world-historical economy. M. : Territory of the Future, 2007.
13. *Degtyarev A.A.* Osnovy politicheskoy teorii. M., 1998. P. 92.
14. *Rimsky L.V.* Political and social activity of Russian citizens / L.V. Rimsky // Social sciences and modernity. 2007. № 5.
15. *Gribanova V.A.* Formation of civil activity of student youth in the educational work of the university : dis. ... candidate of pedagogical sciences. Taganrog, 2015. P. 74.
16. *Olson M.* The Logic of Collective Action: Public Goods and the theory of groups / M. Olson // New Have. 1982.
17. *Golosov G.V.* Comparative Political Science. M., 2001.
18. *Rimsky L.V.* Political and public activity of Russian citizens / L.V. Rimsky // Social Sciences and Modernity. 2007. № 5. P. 60-68.
19. *Noskov A.P.* On the question of studying the problem of civil activity in Russia / A.P. Noskov // Historical and socio-educational thought. 2016. Vol. 8. № 3/1. P. 117-121.

**Понеделков Александр Васильевич**  
Заслуженный деятель науки РФ,  
доктор политических наук,  
профессор,  
заведующий лабораторией проблем  
повышения эффективности  
государственного  
и муниципального управления,  
Южно-Российский институт управления,  
филиал Российской академии народного  
хозяйства и государственной службы  
при Президенте Российской Федерации  
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

**Максимов Максим Вячеславович**  
магистрант факультета политологии,  
Южно-Российский институт управления,  
филиал Российской академии народного  
хозяйства и государственной службы  
при Президенте Российской Федерации  
maximovmax94@mail.ru

## КЛАССИФИКАЦИЯ ИНСТИТУТОВ НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ



Аннотация. Как отмечают авторы статьи, институт непосредственной демократии состоит из нескольких подинститутов, набор которых обусловлен логикой механизмов осуществления прав граждан на участие в местном самоуправлении путем прямого волеизъявления. По их мнению, он представляет собой не просто сумму структурных элементов, ей присуща внутренняя взаимосвязь и единство. Исходя из этих тезисов, авторы анализируют структуру институтов местного самоуправления и определяют их роль в функционировании механизмов непосредственной демократии, приходя в заключение публикации к выводу о том, что институты непосредственной демократии составляют важнейшую часть системы местного самоуправления, создавая основу для дальнейшего демократического развития российского государства и общества.

Ключевые слова: демократия, местное самоуправление, прямое волеизъявление, непосредственная демократия, референдум, субъект федерации.



**И**нститут непосредственной демократии состоит из нескольких подинститутов, набор которых обусловлен логикой механизмов осуществления прав граждан на участие в местном самоуправлении путем прямого волеизъявления. Его структура представляет собой не просто сумму структурных элементов, ей присуща внутренняя взаимосвязь и единство.

**Aleksandr V. Ponedelkov**  
Honored Scientist  
of the Russian Federation,  
Doctor of Political Science,  
Professor,  
Head of Problem Laboratory  
Increase Efficiency State  
and Municipal Administration,  
South Russian Institute of Management,  
branch of the Russian Academy  
of Folk Economy and Public Service  
President of the Russian Federation  
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

**Maksim V. Maximov**  
Master of Political Science,  
South Russian Institute of Management,  
branch of the Russian Academy of Folk  
economy and public service  
President of the Russian Federation  
maximovmax94@mail.ru

## CLASSIFICATION OF INSTITUTIONS OF DIRECT DEMOCRACY IN THE SYSTEM OF LOCAL GOVERNMENT



Annotation. As the authors of the article note, the institution of direct democracy consists of several political institutes, the set of which is conditioned by the logic of mechanisms for the exercise of citizens' rights to participate in local government by direct expression of will. In their view, it is not just a sum of structural elements, it is inherent in internal interconnection and unity. Based on these theses, the authors analyze the structure of local government institutions and determine their role in the functioning of the mechanisms of direct democracy, concluding the publication to the conclusion that the institutions of direct democracy form an essential part of the system of local government, creating the basis for the further democratic development of the Russian state and society.

Keywords: democracy, local self-government, direct expression of will, direct democracy, referendum, subject of federation.



Единство системы непосредственной демократии обусловлено единством субъектов народного волеизъявления – членов местного сообщества, при решении вопросов местного значения, касающихся их интересов и потребностей. Основа института непосредственной демократии – права и свободы граждан при осуществлении местного самоуправления.

Содержание института непосредственной демократии наполняется условиями жизни местного сообщества, а его развитие находится в прямой зависимости от социально-экономического и политического развития российского государства.

Институт непосредственной демократии в системе местного самоуправления не является однородным образованием, потому что подинституты, входящие в его структуру, обладают определенными, обособленными функциями в зависимости от назначения и самостоятельности каждого.

Однако существуют определенные проблемы по разделению институтов непосредственной демократии. Так, например, ведется дискуссия по реализации функций института выборов и института референдума. Некоторые ученые считают, что власть народа на местном уровне реализуется посредством обоих институтов [1, с. 54], другие - что посредством референдума можно удлинять или сокращать сроки полномочий выборного органа [2, с. 15].

В контексте темы нашего исследования необходимо сказать о попытках в некоторых субъектах федерации внести в устав субъекта право на референдум по вопросу досрочного прекращения полномочий главы городского самоуправления в связи с утратой доверия граждан. Но Конституционный суд РФ вынес Постановление по данному вопросу, где разъяснил, что каждый институт непосредственной демократии имеет свои функции и предназначение и реализация одного из них не должна препятствовать осуществлению полномочий другого [3]. Референдум о досрочном прекращении полномочий должностного выборного лица не должен отрицать свободное волеизъявление народа, состоявшееся ранее.

Между составляющими систему непосредственной демократии на местном уровне институтами существуют внутрисистемные взаимосвязи. Так, они имеют такие общие черты, как выборность органов, должностных лиц, рассмотрение обращений граждан, петиций, правотворческой инициативы граждан и др.

Познание системы института непосредственной демократии позволит раскрыть его содержание, сущность составляющих систему институтов, проанализировать взаимосвязи между ними, определить роль, значение и влияние системы на жизнедеятельность местного сообщества.

Важным признаком институтов непосредственной демократии является их стабильность и действенность на протяжении длительного времени. Подтверждается данный тезис на примере такого механизма реализации принципов народовластия, как указы избирателей. В советском государстве указы избирателей были конституционной нормой, в настоящее время, в современной России, институт наказов избирателей действует на уровне субъектов федерации и не является императивной нормой, а, скорее, поли-

тическим инструментарием. Институт наказов избирателей законодательно функционирует в таких субъектах Российской Федерации, как Ленинградская, Самарская области, Краснодарском крае и других [4-6].

В Ростовской области специальным законом не определена обязательность исполнения наказов избирателей, однако, эффективность работы законодательных органов, как на уровне субъекта, так и на уровне местных представительных органов определяется по числу выполненных наказов избирателей, данных кандидатам в депутаты в ходе предвыборной деятельности.

Так, например, Ростовская-на-Дону городская Дума проводит постоянный мониторинг, контроль сроков и качества реализации мероприятий городской администрации по исполнению наказов избирателей, поступивших в ходе выборов городской Думы в 2015 году [7]. По итогам рассмотрения хода исполнения наказов избирателей установлено, что по состоянию на 30.11.2016 из 513 наказов исполнено 375, что составило 73 % от общего количества поступивших в Администрацию города Ростова-на-Дону наказов [7]. Исполнение остальных наказов находится на контроле Администрации города.

Институт непосредственной демократии в России до сих пор находится в фазе развития, и устоявшимся его можно будет считать тогда, когда его полезность и необходимость будут подтверждены жизнеспособной длительной практикой.

Как нам представляется, развитие института непосредственной демократии может идти экстенсивным и интенсивным путем. Первый путь означает расширение прав граждан, реализуемых в форме непосредственной демократии, закрепление экстенсивного развития в законодательстве, особенно в том случае, когда в сфере непосредственной демократии происходят количественные изменения, переходящие в качественный аспект процесса, требующий правового оформления. Также, необходимо отметить потребность в расширении социального наполнения непосредственной демократии, не требующего юридического наполнения, а требующего политических решений.

Интенсивный же путь развития института непосредственной демократии означает повышение уровня политического участия граждан в управлении обществом и государством, решении вопросов местного значения. Без реального участия граждан в общественном управлении, а лишь за счет расширения административных органов, непосредственная демократия останется лишь полем возможностей народного волеизъявления, а не реальностью.

Как отмечалось выше, институт непосредственной демократии в системе местного самоуправления структурно состоит из ряда отдельных подинститутов, но взгляды ученых на перечень данных институтов до сих пор разнятся. Так, советские ученые к числу институтов непосред-

ственной демократии относили: референдумы, выборы депутатов, отзыв депутатов, сельские сходы, съезды и совещания трудящихся, общественные организации, наказы избирателей, народный контроль, предложения и жалобы граждан, право требовать отчеты у органов власти.

Ученые постсоветского периода истории нашей страны к перечисленным формам народного волеизъявления стали относить также пикеты, шествия, демонстрации, митинги [8-11].

Источником политической и государственной власти является народ, на уровне местного самоуправления – местное сообщество. Волеизъявление народа на всех уровнях можно разделить на императивные и консультативные. Императивно воля народа осуществляется путем прямого изъявления через выборы, референдум, собрания, сходы граждан; а обращения граждан в органы власти, петиции, правотворческая инициатива являются консультативной формой непосредственной демократии.

Дискуссию вызывает вопрос отнесения съездов и совещаний к формам непосредственной демократии, так как на подобные мероприятия делегировались представители разных слоев населения, поэтому их можно отнести к формам косвенной представительной демократии, считает Л.А. Нудненко [12], с чем можно согласиться. Возражения со стороны ученого вызывает также отнесение к институтам непосредственной демократии деятельность общественных объединений и политических партий, которые тоже выражают волю своих групп населения через общие собрания, съезды и пр.; в данном случае уместнее было бы говорить об элементах непосредственной демократии [12].

Таким образом, в современной России на уровне местного самоуправления можно говорить о функционировании следующих институтов непосредственной демократии:

- муниципальные выборы;
- местный референдум;
- собрания граждан;
- сходы;
- отзыв избирателями депутатов и выборных должностных лиц;
- петиции граждан;
- наказы избирателей;
- обращения граждан в органы местного самоуправления;
- публичные манифестации;
- отчеты депутатов и должностных лиц перед избирателями.

Институты непосредственной демократии можно классифицировать по разным основаниям, отражающим их многообразные характеристики. Очевидно, что выстроить универсальную классификацию институтов непосредственной демократии не представляется возможным из-за сложности и неоднозначных подходов к трактовке сущности данного политического явления.

Одним из основных критериев разделения институтов непосредственной демократии является территория действия, определяющая уровень местного самоуправления. В ведении муниципалитетов находится муниципальная собственность, местный бюджет, которым распоряжаются органы местного самоуправления. В субъектах РФ существуют три системы территориальной организации местного самоуправления: административно-территориальная, поселенческая и смешанная. Первая модель является наиболее распространенной и сформирована на базе крупных городов и административных районов. Поселенческая модель характерна одноуровневыми муниципалитетами на базе городских и сельских округов. Смешанная модель построена на двух уровнях: верхний уровень представлен крупными городами и сельскими районами, а нижний – внутригородскими и внутрирайонными поселениями и сельскими округами.

Опыт показывает, что наиболее оптимальной, в контексте непосредственной демократии, является поселенческая модель местного самоуправления. Она позволяет более эффективно действовать принципу самоорганизации населения, органы местной власти наиболее приближены к народу, что также дает большие возможности для контроля их деятельности и решения вопросов местного значения путем прямого волеизъявления на сходах, собраниях, референдумах и пр.

Институты непосредственной демократии можно также классифицировать по субъектам местного самоуправления как коллективные и индивидуальные. Коллективными являются сход, собрание, избирательный корпус и другие образования, предназначенные для волеизъявления в рамках определенного коллектива. Индивидуальные субъекты реализуют свои права через обращения отдельных граждан, заявления, жалобы, предложения.

Классификация институтов непосредственной демократии по источникам правового регулирования: конституционные источники и иные. Первые закреплены в Конституции РФ, – это референдумы, выборы, обращения граждан в органы местного самоуправления, манифестации, собрания. Иные получили свое закрепление в ходе совершенствования законодательства, это досрочный отзыв представителей, отчеты депутатов и выборных должностных лиц, сходы, правотворческая инициатива.

Институты непосредственной демократии по значению принимаемых решений могут быть обязательными и консультативными. Первые – выборы, отзыв депутатов и выборных должност-

ных лиц, местный референдум, решения собраний граждан местного сообщества. Вторые – митинги, демонстрации, местные обсуждения, обращения граждан в местные органы власти.

Институты также можно делить по регулярности их действия. Бывают определенно-периодические и неопределенно-периодические. Первые действуют в соответствии с нормативными актами (например, уставы образований) в определенных временных рамках – выборы, собрания. Действие вторых не обусловлено определенными рамками, это могут быть внеочередные собрания, сходы, отчеты выборных лиц.

Политологи также различают институты непосредственной демократии как фактические и правовые. К фактическим институтам непосредственной демократии они относят реально существующие проявления общественного мнения, не предусмотренные законом как, например, ненасильственные акты гражданского неповиновения, сознательно подготовленные, но незаконные, целью которых является изменение существующего законодательства или на протест против нарушений социальной справедливости. Как правило, к таким действиям общество прибегает, когда исчерпаны все возможности влияния на ситуацию легальным путем. Безусловно, такие действия не должны принимать вид и масштаб, нарушающие конституционный порядок.

Правовые институты непосредственной демократии регламентированы законом и направлены на регулирование механизмов прямого участия граждан в управлении местными процессами. Как правило, в основе правового института лежат фактические процессы волеизъявления граждан, они могут соответствовать или не соответствовать друг другу.

Институты непосредственной демократии могут разделяться также на одноаспектные и многоаспектные, в зависимости от широты рассматрива-

емых общностью вопросов: они могут касаться определенных вопросов (например, отзыва депутата), или же вопросов выявления воли населения по общественно значимым проблемам (для чего необходима организация собрания граждан).

На форму непосредственной демократии также влияет связь ее с представительной демократией. Так, существуют институты, связанные только с вопросами выборов представительных органов, отчетов депутатов и пр., а есть формы, связанные с прямым волеизъявлением граждан на сельских сходах, собраниях и пр.

Юристы разделяют институты непосредственной демократии на правообразующие (референдум) и не образующие норм (митинги, демонстрации) [13, с. 11].

Можно выделить функции непосредственной демократии в системе местного самоуправления как основные направления ее деятельности, роль и социальное значение. Исходя из изложенных выше аргументов, можно выделить следующие основные функции непосредственной демократии:

– организационную, направленную на формирование органов местного самоуправления;

– контролирующую, осуществляющую контроль со стороны общества за деятельностью выборных органов власти;

– управляющую, осуществляющую непосредственное управление в системе местного самоуправления.

Таким образом, институты непосредственной демократии составляют важнейшую часть системы местного самоуправления, создавая основу для дальнейшего демократического развития российского общества и государства.

#### Литература:

1. *Лысенко В.И.* Развитие демократической основы российского избирательного права / В.И. Лысенко // Вестник ЦИК РФ. 1995. № 5.

2. *Кухтик С.Н.* Конституционно-правовые основы системы органов государственной власти в субъектах Российской Федерации : автореф. дис канд. юр. наук: 12.00.02 / Кухтик Светлана Николаевна. М., 1998.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.06.1998 № 17-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 4, подпункта «а» пункта 3 и пункта 4 статьи 13, пункта 3 статьи 19 и пункта 2 статьи 58 Федерального закона от 19 сентября 1997 года «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». URL : <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-10061998-n/> (дата обращения 02.09.2019).

#### Literature:

1. *Lysenko V.I.* Development of the democratic basis of the Russian electoral law / V.I. Lysenko // Bulletin of the CEC of the Russian Federation. 1995. № 5.

2. *Kuhtik S.N.* Constitutional and legal foundations of the system of state authorities in the subjects of the Russian Federation: abstract of the cand. : 12.00.02 / Kuhtik Svetlana Nikolaevna. M., 1998.

3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 10.06.1998 № 17-P «On the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraph 6 of Article 4, subparagraph «a» of paragraph 3 and paragraph 4 of Art. 13, paragraph 3 of Article 19 and paragraph 2 of Art. 58 of the Federal Law of September 19, 1997 «On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation». URL : <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-10061998-n/> (date of application 02.09.2019).



4. О наказах избирателей депутатам Законодательного собрания Ленинградской области: Областной закон Ленинградской области от 15 мая 2012 г. № 37-оз // Вестник Правительства Ленинградской области. 2012. № 53.
5. О наказах избирателей Самарской области: Закон Самарской области от 14 мая 2013 г. № 39-ГД // Волжская коммуна. 2013. № 168 (28584).
6. О наказах избирателей: Закон Краснодарского края от 14 мая 2002 г. № 483-КЗ // Кубанские новости. 2002. № 99.
7. Ростовская-на-Дону городская Дума. Решение от 27 декабря 2016 года № 252 «О работе администрации города Ростова-на-Дону по исполнению наказов избирателей, поступивших в ходе выборов депутатов Ростовской-на-Дону городской Думы шестого созыва». URL : <http://docs.cntd.ru/document/444957403> (дата обращения 02.09.2019).
8. *Коток В.Ф.* Проблемы развития непосредственной демократии в советском государстве : автореф. дис д-ра юрид. наук / Коток Виктор Фомич. М., 1965.
9. *Кабышев В.Т.* Конституционные проблемы народовластия развитого социализма : дис. ... докт. юр. наук: 12.00.02 / Кабышев Владимир Терентьевич. Саратов, 1980.
10. Социалистическая демократия: конституционные основы / Редкол.: В. Вайхельт, Г.Н. Манов, Х. Мельцер, В.А. Патюлин, Н.П. Фарберов. М. : Изд-во ИГиП АН СССР, 1980.
11. *Барабашев Г.В.* Непосредственная демократия в СССР / Г.В. Барабашев, К.Ф. Шеремет. М. : Знание, 1984.
12. *Нудненко Л.А.* Институты непосредственной демократии в системе местного самоуправления (проблемы теории и практики) : дис. ... докт. юр. наук: 12.00.02 / Нудненко Лидия Алексеевна. М., 2001.
13. *Комарова В.* Формы непосредственной демократии в России. М. : Проспект, 2011.
4. On the instructions of voters to deputies of the Legislative Assembly of the Leningrad Region: Regional Law of the Leningrad Region of May 15, 2012 № 37-oz // Bulletin of the Government of the Leningrad Region. 2012. № 53.
5. On the instructions of voters of the Samara region: The Law of the Samara region of May 14, 2013 № 39-GD // Volzhskaya kommuna. 2013. № 168 (28584).
6. On the instructions of voters: The Law of the Krasnodar Territory of May 14, 2002 № 483-KZ // Kuban News. 2002. № 99.
7. Rostov-on-Don City Duma. Decision of December 27, 2016 № 252 «On the work of the administration of the city of Rostov-on-Don on the execution of the instructions of voters received during the elections of deputies of the Rostov-on-Don City Duma of the sixth convocation». URL : <http://docs.cntd.ru/document/444957403> (date of application 02.09.2019)
8. *Kotok V.F.* Problems of the development of direct democracy in the Soviet state : autoref. dis. ... Dr. jurid. sciences / Kotok Viktor Fomich. M., 1965.
9. *Kabyshev V.T.* Constitutional problems of the people's power of developed socialism: diss doctor of legal sciences: 12.00.02 / Kabyshev Vladimir Terentyevich. Saratov, 1980.
10. Socialist Democracy: constitutional Foundations / Ed.: V. Vaikhelt, G.N. Manov, H. Meltzer, V.A. Patyulin, N.P. Farberov. M. : Izd-vo IGiP AN SSSR, 1980.
11. *Barabashev G.V.* Direct democracy in the USSR / G.V. Barabashev, K.F. Sheremet. M. : Znanie, 1984.
12. *Nudnenko L.A.* Institutes of direct democracy in the system of local self-government (problems of theory and practice) : dis doctor of legal sciences: 12.00.02 / Lidiya Alekseevna Nudnenko. M., 2001.
13. *Komarova V.* Forms of direct democracy in Russia. M. : Prospekt, 2011.

Штурба Евгений Викторович  
доктор исторических наук,  
профессор,  
Швеция  
Milena.555@mail.ru

## ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 1990-Е ГОДЫ

■ ■ ■

Аннотация. Национальная безопасность – это научная категория, которая характеризует состояние социальных институтов, обеспечивающее их эффективную деятельность по поддержанию оптимальных условий существования и развития личности и общества. Она характеризует состояние нации как целостной системы. Политологический анализ как метод исследования социальных систем позволяет раскрыть роль и значение всех субъектов обеспечения национальной безопасности, правильно определить национальные цели и основные направления деятельности личности, общества и государства в различных сферах жизнедеятельности по их достижению. Он позволяет видеть политику как конкретную деятельность субъектов обеспечения безопасности по достижению национальных целей, проанализировать роль государства в обеспечении национальной безопасности.

Ключевые слова: национальная безопасность, государство, общество, политика национальной безопасности, целостность территории государства.

■ ■ ■

Первая официальная попытка определения понятия «безопасность» в России была предпринята в Законе РФ «О безопасности», введенном в действие постановлением Верховного Совета от 05 марта 1992 года. В ст. 1. оно определено как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз». В целом, подобный подход к пониманию национальной безопасности как единства безопасности государства, общества и личности утвердился в большинстве современных исследований. В то же время, нельзя не видеть, что государственная безопасность в данной триаде по-прежнему чаще всего играет ведущую роль. Соответственно, авторы характеризуют политику в сфере обеспечения национальной безопасности как «способность сохранить физическую целостность и территорию, поддерживать экономические отношения с другими странами мира, на различных уровнях защищать от внешнего воздействия свои характер, институты и систему управления, контролировать свои границы» [1, с. 5].

**Evgeny V. Sturba**  
Doctor of Historical Sciences,  
Professor,  
Sweden  
Milena.555@mail.ru

## FORMATION OF THE RUSSIAN FEDERATION'S NATIONAL SECURITY STRATEGY IN THE 1990S

■ ■ ■

Annotation. National security is a scientific category that characterizes the state of social institutions, ensuring their effective activities to maintain optimal conditions of existence and development of the individual and society. It characterizes the state of the nation as a holistic system. Political analysis as a method of researching social systems allows to reveal the role and importance of all subjects of national security, correctly define national goals and the main areas of activity of the individual, society and the state in various spheres of life to achieve them. It allows to see politics as a concrete activity of security subjects to achieve national goals, to analyze the role of the state in ensuring national security.

Keywords: national security, state, society, national security policy, integrity of the territory of the state.

■ ■ ■

Наряду с этим считается, что термин «национальная безопасность» впервые официально был использован в Федеральном законе об информации, информатизации и защите информации» 1995 года, а его первое официальное определение дано в Послании Президента РФ Федеральному Собранию «О национальной безопасности» 1996 года. Национальная безопасность понимается в Послании как состояние защищенности национальных интересов от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее прогрессивное развитие личности, общества и государства [2, с. 3-4]. Термин «национальная» в этом случае не несет национально-этнической окраски. Нация в данном контексте понимается как территориально-государственная общность, основанная на устойчивых социально-политических, экономических, культурных и иных связях. Для сравнения приведем и другие определения.

Национальная безопасность - это научная категория, которая характеризует состояние социальных институтов, обеспечивающее их эффек-

тивную деятельность по поддержанию оптимальных условий существования и развития личности и общества... характеризует состояние нации как целостной системы [3, с. 197-198].

В концепции Национальной безопасности Российской Федерации «под национальной безопасностью Российской Федерации понимается безопасность ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации» [4]. Как видно, подходов к пониманию национальной безопасности достаточно много. При этом некоторые из них страдают явными теоретико-методологическими пороками.

В дальнейшем в нашем исследовании под национальной безопасностью мы будем понимать *такое состояние, при котором гарантируется беспрепятственное и успешное развитие всех социальных организмов и общественных структур, создаются оптимальные условия для существования и развития личности, общества и государства.*

Итак, безопасность – это не благо, дарованное извне в виде защиты, охраны, а имманентное свойство отдельной личности, общества, государства. Специфика безопасности определяется спецификой опасностей и угроз и средствами реакции на них. Национальная безопасность должна рассматриваться не как состояние прочности, стабильности, незыблемости, а как системное свойство страны, которое позволяет ей прогрессивно развиваться в условиях существования рисков, неопределенностей, вызовов и опасностей. Политологический анализ как метод исследования социальных систем позволяет раскрыть роль и значение всех субъектов обеспечения национальной безопасности, правильно определить национальные цели и основные направления деятельности личности, общества и государства в различных сферах жизнедеятельности по их достижению. Он позволяет видеть политику как конкретную деятельность субъектов обеспечения безопасности по достижению национальных целей, проанализировать роль государства в обеспечении национальной безопасности. Этот метод подразумевает сбор, изучение, обобщение и интерпретацию материалов о направлениях и результатах деятельности отдельных личностей, социальных групп и институтов с целью выработки политики и стратегии обеспечения национальной безопасности.

Рассматривая в данном контексте политику в сфере национальной безопасности Российской Федерации, следует особо подчеркнуть необходимость учета «угроз» национальной безопасности, существующих в различных сферах - военной, экономической, информационной и пр. При этом на наш взгляд, принципиально важно видеть существенное изменение в постсоветский период структуры угроз национальной безопасности, в которой на передний план стремительно выдвинулись угрозы внутреннего порядка.

До 1990-х гг. главное значение объективно имели внешние угрозы, то в рамках данного перио-

да, прежде всего, в результате непродуманного проведения реформ - акцент сместился на внутренние угрозы. Причиной этого стали как объективные трудности реформирования, так и субъективные ошибки в определении стратегии реформ. Это неизбежно сказалось и на характере концептуального осмысления проблем безопасности, которые некоторое время рассматривались исключительно в контексте укрепления отношений партнерства между бывшими противниками в холодной войне [5].

Рассматривая историографию проблемы, мы, в первую очередь, старались учесть ее полидисциплинарность, предполагающую изучение обширного массива научной литературы, анализирующей различные аспекты политики в сфере национальной безопасности Российской Федерации.

К первому направлению относятся работы, посвященные политической истории постсоветской России, наметившие ее основные вехи, выявившие наиболее значимые факторы, определившие характер новой российской государственности, основные трудности на пути ее эволюции. Их авторы на богатом фактическом материале рассмотрели как традиционные, так и вновь возникшие внешние и внутренние угрозы безопасности государства, общества [6-12].

Основное значение для исследования приобрели многочисленные публикации, посвященные проблемам национальной безопасности, комплексно изучающие данный феномен в единстве его многообразных составляющих [13-27].

В рамках данного массива следует выделить исследование, преимущественно нацеленные на разработку концептуальных основ политики в сфере национальной безопасности [28-29]. Особо при этом отметим работы А.В. Возженикова [30-33].

В теоретическом и, отчасти, конкретно-политическом измерении их усиливают фундаментальные труды, рассматривающие общие проблемы геополитики [34-36], выясняющие место и роль России в современном геополитическом пространстве [37-46]. Освещая широкий спектр проблем, прежде всего, вопросы мирового социально-экономического и политического развития, ресурсообеспеченности, народонаселения, гонки вооружений и пр., их авторы стремятся объективно выявить новые черты геополитического пространства, геополитические потери и приобретения России.

В рамках указанного направления исследований особую активность проявляют российские политики, стремящиеся предложить собственное видение геополитических процессов, обосновать и популяризовать в кругах широкой общественности основные программные положения своих партий и общественных организаций [47-51].

Прежде всего, в отмеченных работах обстоятельно проанализированы потери, связанные с распадом СССР. При этом после кратковремен-

ного всплеска популярности идей крайних «западников», ориентированных на максимальное сближение с США и их союзниками [52], в конечном счете, ведущее значение приобрели более критические оценки.

В основном, ученые сходятся в том мнении, что после распада СССР мир не стал более стабильным и безопасным. Более того, нестабильность, вооруженные конфликты в мире стали представлять все более реальную угрозу для России, ее государственной безопасности ввиду крайне тяжелого состояния страны [53-54].

Актуализация проблем национальной безопасности обусловила рост потребности в подготовке многочисленных работ прогностического характера [55-56], а также, в осуществлении различного рода экспертиз, просчитывающих возможные сценарии развития международной ситуации.

В немалой степени переоценке ценностей способствовало осмысление позиций ведущих мировых держав, озвученных в работах западных политиков и теоретиков [57-59] не только связавших «процветание» стран мира исключительно с США, «чьи военные ресурсы превосходят возможности любой из них» [60, с. 76], но и огласивших откровенные планы расчленения России [61].

После краха СССР, на протяжении практически всего рассматриваемого периода, преобладающим тезисом теоретических построений зарубежных исследователей, прежде всего, из стран евроатлантического блока, стал вывод о том, что обширная «Российская империя, создаваемая на протяжении двух столетий», вступила в стадию неизбежного распада. В данной связи России отводился относительно недолгий срок самостоятельного существования.

Тем не менее, текущие потребности взаимодействия с руководством страны, неизбежно «уходящей в историческое прошлое», в исследованиях международного политического процесса заставляли формулировать свое отношение к нему и в рамках ближайшей исторической перспективы. В данной связи статус России несколько повышался – до уровня «младшего партнера». В качестве своеобразной платы за «внимание» от нее ожидалось серьезные уступки, граничившие с игнорированием собственных национальных интересов.

Важно подчеркнуть, что при этом Россия, по сути, априори рассматривалась как возможная угроза международной безопасности, что влекло за собой обращение к ней с позиций не просто «наставников» в деле «демократизации», но и строгих контролеров. В данной связи, в частности, Г. Киссинджер, определяя место России в современном мире, констатировал: «Если Россия хочет стать серьезным партнером в строительстве нового мирового порядка, она должна быть готова к дисциплинарным требованиям по сохранению стабильности» [62, с. 742].

С учетом новой политической реальности, а также, традиционно большого внимания к комплексу внешних угроз государственной безопасности, следует особо выделить исследование авторов, системно анализирующих факторы внешнеполитического порядка [63-65], в том числе, специально, проблемы военно-политической безопасности и военную политику России [66-73].

В частности, здесь следует выделить работы А.Г. Арбатова, акцентирующего внимание на необходимости снижения уровня глобального военного (особенно ядерного) противостояния [74-78]. При этом важно понимать, что в начале 1990-х годов даже такие серьезные аналитики, поддавшись общим иллюзиям относительно перспектив разоружения ведущих мировых держав, сетовали на ошибочность прежнего курса на последовательное обеспечение военной безопасности СССР. В частности, А. Арбатов в 1992 г. констатировал: «К сожалению, нельзя вернуть миллиардные средства, затраченные на строительство лишних подводных лодок и ненужных (выделено Е.Ш.) железнодорожно-мобильных ракетных комплексов...» [79, с. 11].

Тем не менее, поскольку мировые реалии уже в начале 1990-х годов все более обнаруживали фактическое наращивание внешней экспансии США, активизацию НАТО, внимание российских исследователей все более привлекали проблемы межблокового противостояния [80-82] (в т.ч., в отдельных регионах мира) [83-87]. При этом ученые все большее внимание уделяли всестороннему изучению неуклонно множившихся локальных вооруженных конфликтов [88].

Учитывая нараставшие проблемные моменты постсоветского развития России, прежде всего, неопределенность отношений на постсоветском пространстве, в литературе произошла значительная актуализация проблем государственной пограничной политики [89-91], в том числе, и ее экономические аспекты [92-93]. Определенный интерес, в данной связи, представляли работы, посвященные внешней политике зарубежных стран в отношении региональных проблем, непосредственно затрагивающих жизненно важные для России геостратегические, политические, экономические, военные интересы [94].

Особенно большой интерес вызывали многочисленные конфликтные ситуации, возникавшие на постсоветском пространстве. В данном случае, автор опирался на большой массив публикаций отечественных ученых по проблемам формирования военно-политических, экономических и правовых отношений России и стран СНГ [95-104].

С 1990-х годов в число наиболее проблемных вошли вопросы взаимодействия России с вновь образованными государствами Закавказья [105]. Сложившаяся здесь ситуация прямо угрожала безопасности России на Кавказе. Питая очевидные иллюзии по поводу позиций ведущих мировых игроков и явно идеализируя сложившиеся отношения в сфере международного сотрудничества в вопросах безопасности, российская дипломатия непрерывно взывала к международ-

ному сообществу, настойчиво призывая его вмешаться в происходящее. В то же время, было заметно ослаблено проведение собственной политики в этом регионе.

По справедливому замечанию Д.В. Тренина и Д.А. Данилова: «Одним из результатов отсутствия посольств, экспертов или контактов было сведение дипломатической активности к двусторонним переговорам в Москве и эпизодическим поездкам в регион министра и его заместителей. Лишь в конце 1992 и начале 1993гг. российские дипломаты создали свои резиденции южнее Главного Кавказского хребта» [106, с. 85].

Фиксируя рост внешних угроз безопасности Российской Федерации, тем не менее, следует признать, что, в целом, вплоть до последнего времени в литературе преобладала компромиссная позиция, по сути, ориентированная на диалог. В основе своей, это обуславливалось официальной политикой руководства страны. В частности, выступая в неправительственном Совете по международным отношениям в Нью-Йорке, С.Б. Иванов 13 января 2005 г. акцентировал внимание на том, что «холодная война» ушла в «безвозвратное прошлое» [107, с. 51]. Определяя роль Вооруженных Сил РФ в нейтрализации угроз национальной безопасности, он различал внешне, внутренние и трансграничные угрозы – международный терроризм, международная преступность и пр. (по форме – внутренние, по сути – внешние) [107, с. 10-11]. Причем, на их фоне приоритет отдавался «экономическим интересам» государства. В частности, министр обороны заявил, что в настоящее время именно «экономические интересы государств становятся приоритетными по сравнению с их политическими и военно-политическими интересами» [107, с. 14-15].

С учетом этого, автор в качестве важного блока исследований выделяет исследования по проблемам внешнеэкономической безопасности, в том числе ее военной составляющей. По мере интеграции России в мировую экономику, все большее значение приобретали также прикладные работы, экспертизы отдельных экономических проектов (к примеру, вступления в ВТО) [108-111].

Отличительной особенностью постсоветской эпохи стал неуклонный рост внимания к вопросам внутренней безопасности Российской Федерации, получавших все большее значение по мере нарастания в 1990-е годы экономического кризиса и углубления негативных социальных последствий форм. Обращаясь к большому массиву литературы по данной проблематике, автор выделяет, прежде всего, труды общего плана, комплексно рассматривающие систему внутренней безопасности в ее целостности [112-114].

Центральное значение в рамках указанного направления исследований имеют работы, посвященные российскому политическому процес-

су, прежде всего, вопросам укрепления конституционного строя страны, формирования гражданского общества и правового государства [115-117]. При этом по мере нарастания кризисных явлений в жизни страны, основную часть этих публикаций практически изначально объединила мысль о том, что процессы демократизации, можно только приветствовать, «если бы они не сопровождались нарастающей тревогой», прежде всего, «параличом власти, распадом традиционных и устойчивых социально-экономических связей, повальным дефицитом, ростом преступности, откладыванием в долгий ящик элементарных социальных проблем» [118, с. 3].

Характеризуя содержательную сторону значительной части публикаций, следует признать, что на их содержание оказывали особенно заметное влияние политические взгляды авторов, пытавшихся выявить объективные закономерности российского политического процесса. При этом большую популярность в рассматриваемый период приобрела, к примеру, концепция «авторитарной демократии», которая определялась ее авторами как наиболее адекватный требованиям времени способ перехода от тоталитаризма к демократическому состоянию. Основные понятия, в которых рассуждали авторы, исходили из транзитологической парадигмы: понятие собственно перехода и необходимого переходного периода [119, с. 232], который виделся именно как длительный период авторитарного правления. В данной связи, определяя место представительных органов, А. Мигранян предлагал для Ельцина идею «управляемого парламента» [120, с. 61]. Нужно признать, что сомнения в целесообразности подобной политики сохранялись на протяжении всего исследуемого периода [121, с. 61].

Важное место в данном массиве занимают труды, исследующие особенности организации и деятельности российской исполнительной власти [122-125], в том числе рассматривающие эволюцию отдельных ведомств в широкой исторической ретроспективе [126-127].

Характеризуя процессы формирования государственного аппарата Российской Федерации в 1990-е годы – начале нынешнего столетия, большинство авторов делают акцент на конфликтности отношений внутри российской власти, прежде всего, связанной со столкновением интересов различных министерств и ведомств. При этом в основе отмеченных конфликтов, по мнению исследователей, лежали экономические интересы отдельных групп чиновников и бизнесменов.

Таким образом, в завершении нашего исследования мы должны отметить, что тема национальной безопасности современной России активно начала разрабатываться практически с первых лет обретения нашей страной политической субъектности и продолжает вызывать большой интерес у научного сообщества.

## Литература:

1. *Метелев С.Е.* Национальная безопасность и приоритеты развития России: социально-экономические и правовые аспекты. М., 2006.
2. О национальной безопасности. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М., 1996.
2. Политология: Энциклопедический словарь. М., 1999. С. 197-198.
4. Российская газета. 2000. 18 января.
5. *Манилов В.Л.* Безопасность в эпоху партнерства. М., 1999.
6. *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на переломе тысячелетий. 1985-2005. М., 2007.
7. *Млечин Л.М.* Формула власти: От Ельцина к Путину. М., 2000.
8. *Рогозин Д.О.* Россия между миром и войной. М., 1998.
9. Современная политическая история России (1985-1998 годы). М., 1999. Т. 1.
10. *Согрин В.* Политическая история современной России, 1985-1994: От Горбачева до Ельцина. М., 1994.
11. *Фроянов И.Я.* Погружение в бездну. М., 2002.
12. *Шевцова Л.* Режим Бориса Ельцина. М., 1999.
13. *Проскурин С.А.* Национальная безопасность страны: сущность, структура, пути укрепления. М., 1991.
14. *Арбатов А.* Безопасность: российский выбор. М., 1999.
15. Россия в поисках стратегии безопасности. М., 1996.
16. *Яновский Р.Г.* Национальная безопасность России. М., 1996.
17. *Зимонин В.П.* Новая Россия в новой Евразии: проблемы комплексного обеспечения безопасности. М., 1997.
18. *Ващекин Н.П.* Безопасность и устойчивое развитие России / Н.П. Ващекин, М.И. Дзлиев, А.К. Урсул. М., 1998.
19. *Семенов В.А.* Этногеополитические аспекты безопасности России. М., 1998.
20. *Быков О.Н.* Национальная безопасность России (геополитические аспекты). М., 1997.
21. *Ивашов Л.Г.* Россия или Московия: Геополитическое измерение национальной безопасности России. М., 2002.

## Literature:

1. *Metelev S.E.* National security and priorities for the development of Russia: socio-economic and legal aspects. M., 2006.
2. On national security. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly. M., 1996.
3. Political Science: Encyclopedic Dictionary. M., 1999. P. 197-198.
4. Russian newspaper. 2000. January 18th.
5. *Manilov V.L.* Security in the era of partnership. M., 1999.
6. *Pikhoya R.G.* Moscow. Kremlin. Power. Two stories of one country. Russia is at the turn of millennia. 1985-2005. M., 2007.
7. *Mlechin L.M.* Formula of power: From Yeltsin to Putin. M., 2000.
8. *Rogozin D.O.* Russia between peace and war. M., 1998.
9. Modern political history of Russia (1985-1998 years). M., 1999. Vol. 1.
10. *Sogrin V.* The political history of modern Russia, 1985-1994: From Gorbachev to Yeltsin. M., 1994.
11. *Froyanov I.Ya.* Immersion in the abyss. M., 2002.
12. *Shevtsova L.* Boris Yeltsin regime. M., 1999.
13. *Proskurin S.A.* National security of the country: essence, structure, ways of strengthening. M., 1991.
14. *Arbatov A.* Security: Russian choice. M., 1999.
15. Russia is looking for a security strategy. M., 1996.
16. *Yanovsky R.G.* National Security of Russia. M., 1996.
17. *Zimonin V.P.* New Russia in the new Eurasia: problems of comprehensive security. M., 1997.
18. *Vaschekin N.P.* Security and sustainable development of Russia / N.P. Vaschekin, M.I. Dzhiev, A.K. Ursul. M., 1998.
19. *Semenov V.A.* Ethnogeopolitical aspects of Russia's security. M., 1998.
20. *Bykov O.N.* National Security of Russia (geopolitical aspects). M., 1997.
21. *Ivashov L.G.* Russia or Muscovy: Geopolitical dimension of Russia's national security. M., 2002.

22. *Никаноров С.П.* Новые подходы к построению системы обеспечения безопасности / С.П. Никаноров, З.А. Кучкаров, А.Ю. Иванов. М., 1996.
23. *Кокошин А.А.* Политика национальной безопасности России в условиях глобализации (Краткий очерк). М., 2001.
24. *Иванов С.Б.* Обеспечение национальной безопасности как необходимое условие развития России. М., 2006.
25. *Баришполец В.А.* Основы национальной безопасности России / В.А. Баришполец, В.Л. Манилов, В.С. Пирумов. М., 1998.
26. *Метелев С.Е.* Национальная безопасность и приоритеты развития России: социально-экономические и правовые аспекты. М., 2006.
27. *Буркин А.И.* Национальная безопасность России в контексте современных политических процессов / А.И. Буркин, А.В. Возжеников, Н.В. Синеок. М., 2008.
28. Теория и практика национальной безопасности России в условиях глобализации. Саратов, 2006.
29. Основы национальной безопасности России. М., 1998.
30. *Возжеников А.В.* Основные концептуальные положения национальной безопасности России в XXI веке / А.В. Возжеников, М.Н. Глебов, В.А. Золотарев. М., 2000.
31. *Возжеников А.В.* Внутренние и внешние угрозы национальной безопасности Российской Федерации: основные понятия, классификация, содержание. М., 1998.
32. *Возжеников А.В.* Национальная безопасность: теория, политика, стратегия. М., 2000.
33. *Возжеников А.В.* Парадигмы национальной безопасности реформирующейся России. М., 2000.
34. *Уткин А.И.* Мировой порядок XXI в. М., 2001.
35. *Гаджиев К.С.* Геополитика. М., 1997.
36. *Митрофанов А.В.* Шаги новой геополитики. М., 1997.
37. Актуальные проблемы российской геополитики. М., 2004.
38. *Ивашев Л.Г.* Эволюция геополитического развития России: исторический опыт и уроки : дис. ... докт. ист. наук. М. 1999.
39. *Нарочницкая Н.А.* Геополитические и историко-философские аспекты состояния русской нации. М., 2001.
40. *Панарин А.С.* Россия в цивилизационном процессе. М., 1995.
22. *Nikanorov S.P.* New approaches to the construction of a security system / S.P. Nikanorov, Z.A. Kuchkarov, A.Yu. Ivanov. M., 1996.
23. *Kokoshin A.A.* Policy of National Security of Russia in the Context of Globalization (Short Essay). M., 2001.
24. *Ivanov S.B.* Ensuring national security as a prerequisite for the development of Russia. M., 2006.
25. *Barishpolets V.A.* Fundamentals of national security of Russia / V.A. Barishpolets, V.L. Manilov, V.S. Pirumov. M., 1998.
26. *Metlev S.E.* National security and priorities for the development of Russia: socio-economic and legal aspects. M., 2006.
27. *Burkin A.I.* National security of Russia in the context of modern political processes / A.I. Burkin, A.V. Vozhenikov, N.V. Sineok. M., 2008.
28. Theory and practice of Russia's national security in the context of globalization. Saratov, 2006.
29. Fundamentals of Russia's national security. M., 1998.
30. *Vozhenikov A.V.* The main conceptual provisions of Russia's national security in the 21st century / A.V. Vozhenikov, M.N. Glebov, V.A. Zolotarev. M., 2000.
31. *Vozhenikov A.V.* Internal and external threats to the national security of the Russian Federation: basic concepts, classification, content. M., 1998.
32. *Vozhenikov A.V.* National security: theory, politics, strategy. M., 2000.
33. *Vozhenikov A.V.* Paradigms of the national security of a reforming Russia. M., 2000.
34. *Utkin A.I.* World Order XXI century. M., 2001.
35. *Hajiev K.S.* Geopolitics. M., 1997.
36. *Mitrofanov A.V.* Steps of new geopolitics. M., 1997.
37. Current problems of Russian geopolitics. M., 2004.
38. *Ivashev L.G.* Evolution of geopolitical development of Russia: historical experience and lessons : dis doc. history of science. M., 1999.
39. *Narochnitskaya N.A.* Geopolitical and historical and philosophical aspects of the state of the Russian nation. M., 2001.
40. *Panarin A.S.* Russia in the civilizational process. M., 1995.

41. *Сорокин К.Э.* Геополитика современности и геостратегия России. М., 1996.
42. *Губченко А.В.* Влияние глобализации на геополитическое положение и безопасность России и сопредельных государств. М., 2005.
43. *Губченко А.В.* Безопасность России в условиях глобализации. М., 2007.
44. *Нурдыев Г.Н.* Геополитика и национальная безопасность России / Г.Н. Нурдыев, В.В. Пыж, А.Г. Фролов. Череповец, 2007.
45. *Крылова И.А.* Проблема безопасности России в контексте глобализации. М., 2001.
46. Глобальные вызовы, угрозы и опасности современности. Приоритеты политики обеспечения национальной безопасности России. М., 2008.
47. *Бабурин С.* Национальные интересы России на рубеже XXI века. М., 1995.
48. *Рогозин Д.О.* Россия между миром и войной. М., 1998.
49. *Жириновский В.В.* Ключевое место России в диалоге цивилизаций. М., 2001.
50. *Жириновский В.В.* Геополитика и русский вопрос. М., 1998.
51. *Жириновский В.В.* Хватит грабить Россию: пограничная политика и национальные интересы России. М., 1995.
52. *Гайдар Е.Т.* Государство и эволюция. М., 1995; *Козырев А.В.* Преображение. М., 1994.
53. *Беляков Ю.М.* Политика государственной безопасности. М., 2003.
54. Государственная безопасность России: история и современность. М., 2004.
55. Безопасность России: XXI век. М., 2000.
55. *Исмагилов И.Ф.* Перспективы национальной безопасности России. Казань, 1998.
56. *Бжезинский З.Б.* Великая шахматная доска. М., 1998.
57. *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997.
58. *Олбрайт М.* Задача США – управлять последствиями распада Советской империи / М. Олбрайт // Независимая газета. 1998. 16 октября.
59. *Кларк К.* Как победить в современной войне. М., 2004.
60. *Говард М.* Уроки холодной войны. Survival. Шанс на выживание. Оксфорд, 1995.
61. *Бжезинский З.* Геостратегия для Евразии / З. Бжезинский // Независимая газета. 1997. 24 октября.
41. *Sorokin K.E.* Geopolitics of modernity and geostrategy of Russia. M., 1996.
42. *Gubchenko A.V.* The impact of globalization on the geopolitical situation and security of Russia and neighboring states. M., 2005.
43. *Gubchenko A.V.* Security of Russia in the context of globalization. M., 2007.
44. *Nuryshev G.N.* Geopolitics and national security of Russia / G.N. Nuryshev, V.V. Pyzh, A.G. Frolov. Cherepovets, 2007.
45. *Krylova I.A.* The problem of Russia's security in the context of globalization. M., 2001.
46. Global challenges, threats and dangers of our time. Priorities of Russia's national security policy. M., 2008.
47. *Baburin S.* National interests of Russia at the turn of the 21st century. M., 1995.
48. *Rogozin D.O.* Russia between peace and war. M., 1998.
49. *Zhirinovskiy V.V.* Russia's key place in the dialogue of civilizations. M., 2001.
50. *Zhirinovskiy V.V.* Geopolitics and the Russian question. M., 1998.
51. *Zhirinovskiy V.V.* Stop robbing Russia: border policy and national interests of Russia. M., 1995.
52. *Gaidar E.T.* State and evolution. M., 1995; *Kozyrev A.V.* Transfiguration. M., 1994.
53. *Belyakov Yu.M.* State Security Policy. M., 2003.
54. State security of Russia: history and modernity. M., 2004.
55. Security of Russia: XXI century. M., 2000.
55. *Ismagilov I.F.* Prospects of national security of Russia. Kazan, 1998.
56. *Brzezinski Z.B.* Great chessboard. M., 1998.
57. *Kissinger G.* Diplomacy. M., 1997.
58. *Albright M.* The task of the United States is to manage the consequences of the collapse of the Soviet Empire / M. Albright // Nezavisimaya Gazeta. 1998. October 16th.
59. *Clark K.* How to win a modern war. M., 2004.
60. *Howard M.* Cold War lessons. Survival. A chance of survival. Oxford, 1995.
61. *Brzezinski Z.* Geostrategy for Eurasia / Z. Brzezinski // Nezavisimaya Gazeta. 1997. October 24th.



62. *Kissinger G.* Diplomacy. M., 1997.
63. *Иванов И.С.* Новая российская дипломатия. М., 2001.
64. Внешняя политика Российской Федерации. 1992-1999 гг. М., 2000.
65. Геополитические вызовы и внешнеполитическая деятельность России. М., 2002.
66. *Кортунов С.В.* Контроль за вооружениями и интересы России. М., 1997.
67. Эволюция структур военной безопасности: роль и место России: (геополитический аспект). М., 1997.
68. *Ефимов Н.Н.* Политико-военные аспекты национальной безопасности России. М., 2006.
69. *Волошко В.С.* Военная политика и военная безопасность Российской Федерации в условиях глобализации / В.С. Волошко, В.И. Лутовинов. М., 2007.
70. *Пыж В.В.* Геополитическая обусловленность военной политики России. Можайск, 2003.
71. Кабакович Г.А. Проблемы национальной безопасности и контроль над вооружениями / Г.А. Кабакович С.М. Фильков. М., 2007.
72. *Коровянский А.И.* Военная безопасность Российской Федерации и ее обеспечение в современных условиях / А.И. Коровянский, В.И. Лутовинов. М., 2007.
73. *Останков В.И.* Военная безопасность России в начале XXI столетия. М., 2007.
74. *Арбатов А.Г.* Оборонительная достаточность и безопасность. М., 1990.
75. *Арбатов А.Г.* Противоракетная оборона и новые стратегические отношения России и США. М., 2002.
76. *Арбатов А.Г.* Снижение боеготовности ядерных сил России и США – путь к уменьшению ядерной угрозы. М., 2001.
77. *Арбатов А.Г.* Ядерное вооружение и безопасность России. М., 1997.
78. *Арбатов А.Г.* Трансформация российской военной доктрины - уроки Косово и Чечни. Гармиш-Партенкирхен, 2000.
79. На водоразделе безопасности: распад СССР и проблемы оборонной и внешней политики. М., 1992.
80. *Дашичев В.И.* Национальная безопасность России и экспансия НАТО. М., 1996.
81. Россия, НАТО и новая архитектура безопасности в Европе. Н. Новгород, 1998.
82. Россия и НАТО в новом контексте международной безопасности: материалы международ-
62. *Kissinger G.* Diplomacy. M., 1997.
63. *Ivanov I.S.* New Russian diplomacy. M., 2001.
64. Foreign policy of the Russian Federation. 1992-1999. M., 2000.
65. Geopolitical challenges and foreign policy activities of Russia. M., 2002.
66. *Kortunov S.V.* Arms control and interests of Russia. M., 1997.
67. The evolution of military security structures: the role and place of Russia: (geopolitical aspect). M., 1997.
68. *Efimov N.N.* Political and military aspects of Russia's national security. M., 2006.
69. *Voloshko V.S.* Military policy and military security of the Russian Federation in the context of globalization / V.S. Voloshko, V.I. Lutovinov. M., 2007.
70. *Pyzh V.V.* Geopolitical conditionality of Russia's military policy. Mozhaisk, 2003.
71. *Kabakovich G.A.* Problems of national security and arms control / G.A. Kabakovich, S.M. Filkov. M., 2007.
72. *Korovyansky A.I.* Military security of the Russian Federation and its provision in modern conditions / A.I. Korovyansky, V.I. Lutovinov. M., 2007.
73. *Remains V.I.* Military security of Russia at the beginning of the XXI century. M., 2007.
74. *Arbatov A.G.* Defensive sufficiency and security. M., 1990.
75. *Arbatov A.G.* Missile defense and new strategic relations between Russia and the United States. M., 2002.
76. *Arbatov A.G.* Reducing the combat readiness of the nuclear forces of Russia and the United States is the way to reduce the nuclear threat. M., 2001.
77. *Arbatov A.G.* Nuclear weapons and security of Russia. M., 1997.
78. *Arbatov A.G.* Transformation of Russian military doctrine – lessons from Kosovo and Chechnya. Garmisch-Partenkirchen, 2000.
79. On the security watershed: the collapse of the USSR and the problems of defense and foreign policy. M., 1992.
80. *Dashichev V.I.* National security of Russia and expansion of NATO. M., 1996.
81. Russia, NATO and Europe's new security architecture. N. Novgorod, 1998.
82. Russia and NATO in the new context of international security: proceedings of the international con-

- ной конференции, Москва, 13 сентября 2004 г./ Под ред. Д.А. Данилова. М., 2005.
83. *Выборнов В.Я.* Развитие и безопасность: опыт стран Востока и Россия. М., 1997.
84. Безопасность России. Черноморский регион. М., 1997.
85. *Бурлаков В.А.* Проект «Туманган» и игра геополитических интересов в Северо-Восточной Азии в 90-е годы XX века. Владивосток, 2007.
86. *Новоселов С.В.* Политика национальной безопасности России в Каспийском регионе в 1991-2000 годах : дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2004.
87. Военно-морская мощь как фактор геополитики в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Владивосток, 2006.
88. *Евстафьев Д.Г.* Ограниченные вооруженные конфликты и проблемы безопасности России. М., 1996.
89. Государственная граница, организованная преступность, закон и безопасность России. М., 2006.
90. Пограничная политика Российской Федерации. М., 1997.
91. *Кулаков А.В.* Геополитика и актуальные проблемы обеспечения национальных интересов России на государственной границе. М., 2003.
92. *Чиркин А.Б.* Российский Дальний Восток и его роль в обеспечении экономической безопасности России. М., 2005.
93. *Федоров Ю.* Каспийская нефть и международная безопасность. М., 1996.
94. *Сваранц А.* Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе. М., 2002.
95. Россия и ее соседи. Проблемы международных и межгосударственных отношений. М., 1992.
96. *Цыбуков В.* Проблемы правопреемства в Содружестве Независимых Государств. М. 1994.
97. Россия и ее соседи. Проблемы интеграции и федерализма в странах СНГ. М., 1998.
98. *Строев Е.С.* Экономика Содружества Независимых Государств накануне третьего тысячелетия / Е.С. Строев, С.Л. Бляхман, М.И. Кротов. СПб. : Наука, 1998.
99. Стратегический курс России с государствами – участниками Содружества Независимых Государств // Дипломатический вестник. 1995. № 10.
100. *Загорский А.* Военное сотрудничество стран СНГ / А. Загорский // Экспорт обычных вооружений. 1997. № 8-9.
- ference, Moscow, September 13, 2004 / Ed. D.A. Danilova. M., 2005.
83. *Vybornov V.Ya.* Development and security: experience of Eastern countries and Russia. M., 1997.
84. Security of Russia. Black Sea region. M., 1997.
85. *Burlakov V.A.* Project «Tumangan» and the game of geopolitical interests in Northeast Asia in the 90s of the XX century. Vladivostok, 2007.
86. *Novoselov S.V.* Russian national security policy in the Caspian region in 1991-2000 : dis cand. history of science. Astrakhan, 2004.
87. Naval power as a factor in geopolitics in the Asia-Pacific region. Vladivostok, 2006.
88. *Yevstafyev D.G.* Limited armed conflicts and security problems of Russia. M., 1996.
89. The state border, organized crime, law and security of Russia. M., 2006.
90. Border policy of the Russian Federation. M., 1997.
91. *Kulakov A.V.* Geopolitics and topical problems of ensuring the national interests of Russia on the state border. M., 2003.
92. *Chirkin A.B.* Russian Far East and its role in ensuring Russia's economic security. M., 2005.
93. *Fedorov Yu.* Caspian oil and international security. M., 1996.
94. *Swarants A.* Panturkism in the geostrategy of Turkey in the Caucasus. M., 2002.
95. Russia and its neighbors. Problems of inter-ethnic and interstate relations. M., 1992.
96. *Tsybukov V.* Problems of succession in the Commonwealth of Independent States. M., 1994.
97. Russia and its neighbors. Problems of integration and federalism in SN countries.
98. *Stroev E.S.* Economy of the Commonwealth of Independent States on the eve of the third millennium / E.S. Stroev, S.L. Blyakhman, M.I. Krotov. SPb. : Science, 1998.
99. Russian Strategic Course with States Members of the Commonwealth of Independent States // Diplomatic Bulletin 1995. № 10.
100. *Zagorski A.* Military cooperation of the CIS countries / A. Zagorski // Export of conventional weapons 1997. № 8-9.

101. *Грибоедов И.* Гуманитарное сотрудничество на постсоветском пространстве. К., 1996.
102. Миротворческие операции в СНГ. М., 2002.
103. *Чаевич А.В.* Интеграционные процессы в постсоветском пространстве и национальная безопасность России. М., 2004.
104. *Котилко В.В.* Риски и кризисы на пространстве СНГ. М., 2007.
105. Россия и Закавказье: поиски новой модели общения и развития в изменяющемся мире. М., 1999; [и др.].
106. *Тренина Д.В.* Россия на Кавказе / Д.В. Тренина, Д.А. Данилов // Безопасность России. Черноморский регион. М., 1997.
107. *Иванов С.Б.* Обеспечение национальной безопасности как необходимое условие развития России. М., 2006.
108. *Гусаков Н.П.* Национальные интересы и внешнеэкономическая безопасность России / Н.П. Гусаков, Н.А. Зотова. М., 1998.
109. *Ищенко Л.С.* Экономическая безопасность Российской Федерации: (международный аспект). Казань, 2005.
110. *Дорот Е.В.* Анализ современного состояния экономической безопасности России в разрезе ее отдельных составляющих. СПб., 2006. 111 с; *Воронков А.Н.* Экономическое обеспечение национальной безопасности России. Н. Новгород, 2008.
112. *Шашурина Г.В.* Система обеспечения внутренней безопасности России на современном этапе. М., 2004.
113. *Гущин С.В.* Сущность и функции системы внутренней безопасности. М., 1996.
114. *Овчинников В.В.* Внутренние вооруженные конфликты на территории постсоветской России. М., 2007.
115. *Василенко В.И.* Влияние гражданского общества на безопасность России в условиях глобализации / В.И. Василенко, С.В. Василенко. М., 2007.
116. *Кистанов В.В.* Федеральные округа России: важный шаг в укреплении государства. М., 2000.
117. Национальная безопасность России в контексте современных политических процессов. М., 2008.
118. *Василенко В.И.* Влияние гражданского общества на безопасность России в условиях глобализации / В.И. Василенко, С.В. Василенко. М., 2007.
119. *Кистанов В.В.* Федеральные округа России: важный шаг в укреплении государства. М., 2000.
101. *Griboedov I.* Humanitarian cooperation in the post-Soviet space. K., 1996.
102. Peacekeeping operations in the CIS. M., 2002.
103. *Chayevich A.V.* Integration processes in the post-Soviet space and national security of Russia. M., 2004.
104. *Kotilko V.V.* Risks and crises in the CIS space. M., 2007.
105. Russia and Transcaucasia: the search for a new model of communication and development in a changing world. M., 1999; [et al.].
106. *Training D.V.* Russia in the Caucasus / D.V. Training, D.A. Danilov // Security of Russia. Black Sea region. M., 1997.
107. *Ivanov S.B.* Ensuring national security as a prerequisite for the development of Russia. M., 2006.
108. *Gusakov N.P.* National interests and foreign economic security of Russia / N.P. Gusakov, N.A. Zotova. M., 1998.
109. *Ishchenko L.S.* Economic security of the Russian Federation: (international aspect). Kazan, 2005.
110. *Dorot E.V.* Analysis of the current state of economic security of Russia in the context of its individual components. SPb., 2006. 111 p. *Voronkov A.N.* Economic support of national security of Russia. N. Novgorod, 2008.
112. *Shashurina G.V.* Russia's internal security system at the present stage. M., 2004.
113. *Guschin S.V.* Essence and functions of the internal security system. M., 1996.
114. *Ovchinnikov V.V.* Internal armed conflicts in the territory of post-Soviet Russia. M., 2007.
115. *Vasilenko V.I.* The influence of civil society on the security of Russia in the context of globalization / V.I. Vasilenko S.V. Vasilenko. M., 2007.
116. *Kistanov V.V.* Federal districts of Russia: an important step in strengthening the state. M., 2000.
117. National security of Russia in the context of modern political processes. M., 2008.
118. *Vasilenko V.I.* The influence of civil society on the security of Russia in the context of globalization / V.I. Vasilenko S.V. Vasilenko. M., 2007.
119. *Kistanov V.V.* Federal districts of Russia: an important step in strengthening the state. M., 2000.

120. Национальная безопасность России в контексте современных политических процессов. М., 2008.
121. *Проскурин С.А.* Национальная безопасность страны: сущность, структура, пути укрепления. М., 1991. С. 3.
122. *Мигранян А.* Популизм / А. Мигранян // Россия в поисках идентичности. М., 1997. С. 232
123. *Мигранян А.* Трагедия российского парламентаризма / А. Мигранян // Парламентаризм и многопартийность в современной России. М., 2000.
124. *Шевцова Л.* Российский парламентаризм: обрамление президентского самодержавия или самостоятельный институт? / Л. Шевцова // Парламентаризм и многопартийность в современной России. М., 2000.
125. *Бобылев А.И.* Исполнительная власть в России: теория и практика ее осуществления / А.И. Бобылев Н.Г. Горшкова В.И. Ивакин. М., 2003.
126. *Выголовский Д.С.* Конституционно-правовое регулирование федеральной исполнительной власти в России. Шахты, 2004.
127. Исполнительная власть в Российской Федерации / Отв. ред. А.Ф. Ноздрачев, Ю.А. Тихомиров. М., 1996.
128. Исполнительная власть в Российской Федерации: Проблемы развития. М., 1998.
129. *Иванов А.С.* Исполнительная власть современной России: демократические и недемократические тенденции становления : дис. ... канд. полит. наук. Уфа, 2004.
130. Министерство юстиции России за 200 лет (1802-2002): Историко-правовой очерк. М., 2002.
131. Министерство экономического развития и торговли Российской Федерации: 1802-2002: 200 лет. М., 2002.
120. National security of Russia in the context of modern political processes. M., 2008.
121. *Proskurin S.A.* National security of the country: essence, structure, ways of strengthening. M., 1991. P. 3.
122. *Migranyan A.* Populism / A.Migranyan // Russia in search of identity. M., 1997. P. 232.
123. *Migranyan A.* The tragedy of Russian parliamentarism / A. Migranyan // Parliamentarism and multiparty in modern Russia. M., 2000.
124. *Shevtsova L.* Russian parliamentarism: the framing of the presidential autocracy or an independent institution ? / L. Shevtsova // Parliamentarism and multiparty in modern Russia. M., 2000.
125. *Bobylev A.I.* Executive power in Russia: theory and practice of its implementation / A.I. Bobylev, N.G. Gorshkova, V.I. Ivakin. M., 2003.
126. *Vydlovskiy D.S.* Constitutional and legal regulation of the federal executive branch in Russia. Mines, 2004.
127. Executive power in the Russian Federation / editor-in-chief A.F. Nozdrachev, Yu.A. Tikhomirov. M., 1996.
128. Executive branch in the Russian Federation: Development problems. M., 1998.
129. *Ivanov A.S.* Executive Power of Modern Russia: Democratic and undemocratic trends of formation : dis candidate of political sciences. Ufa, 2004.
130. Russian Ministry of Justice for 200 Years (1802-2002): Historical and Legal Essay. M., 2002.
131. Ministry of Economic Development and Trade of the Russian Federation: 1802-2002: 200 years. M., 2002.



# НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

## ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Серия:

Исторические науки.  
Культурология.  
Политические науки.

Корректор - Попов М.Ю.  
Оригинал-макет - Шелкова Е.А.

Сдано в набор 23.03.2020  
Подписано в печать 25.03.2020  
Формат 60x84<sup>1</sup>/<sub>8</sub>. Бумага офсетная.  
Печать riso. Уч.-изд. л. 5,8  
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.  
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 64

e-mail: id.yug2016@gmail.com